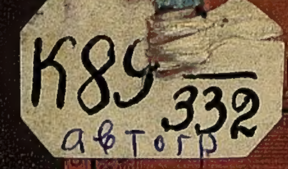

М. В. Аксеновъ.

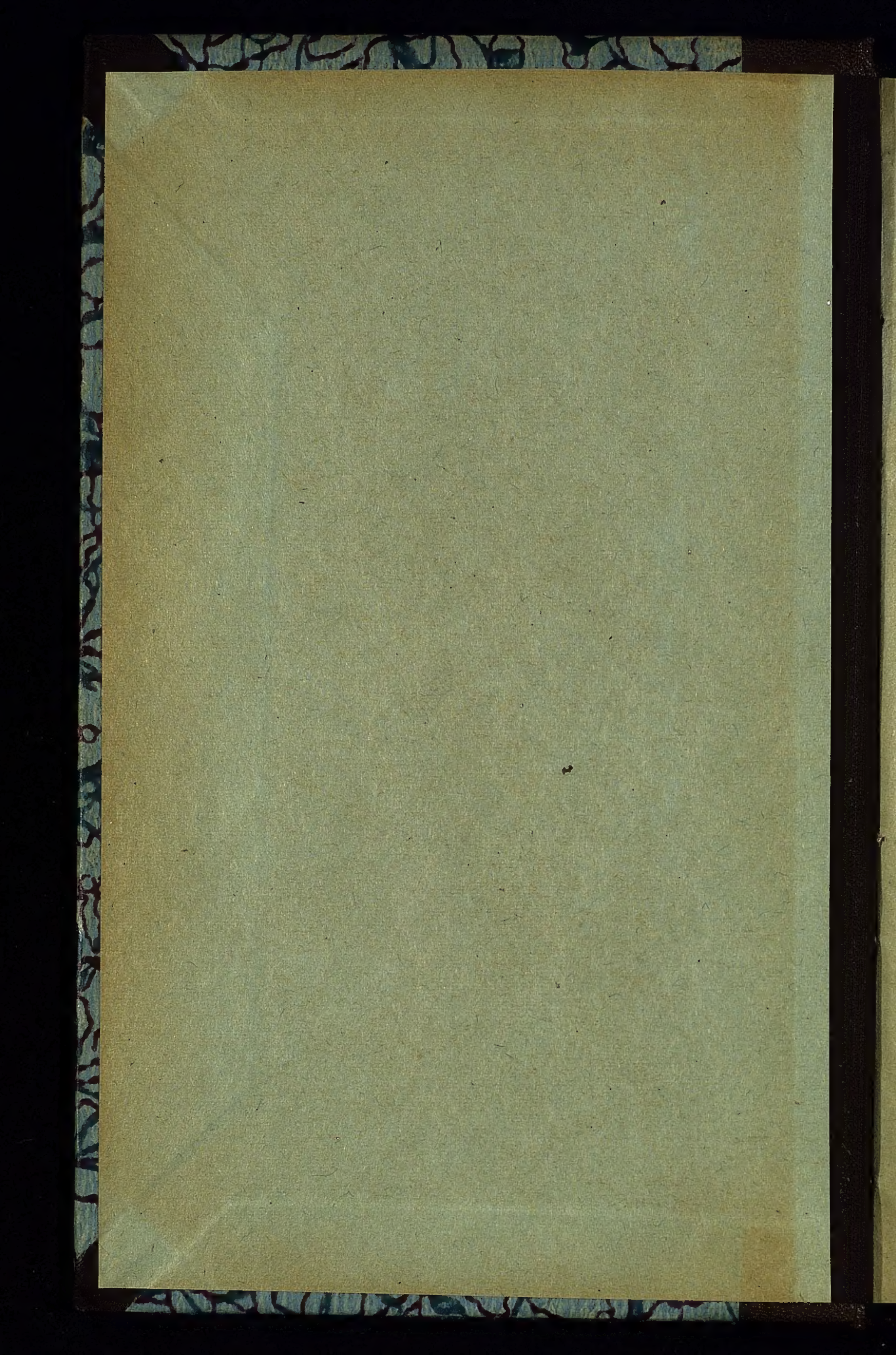
ОЧЕРКИ

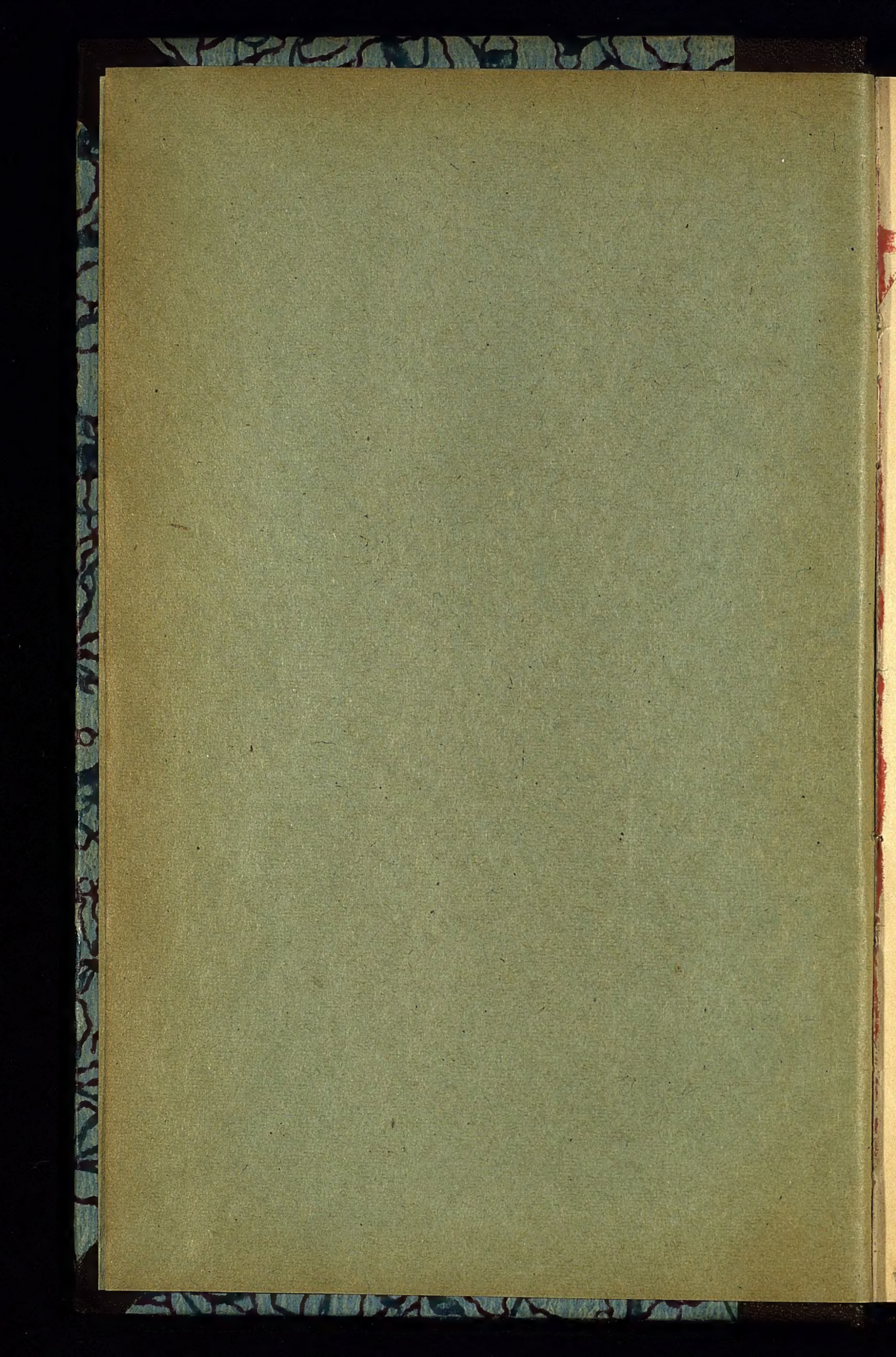
изъ исторіи народнаго просвѣщенія въ Смоленскомъ краѣ

съ древнѣйшихъ временъ до начала XIX столѣтія.

ИЗДАНІЕ
СМОЛЕНСКАГО ГУБЕРНСКАГО СТАТИСТИЧЕСКАГО КОМИТЕТА.

СМОЛЕНСКЪ.
Типографія П. А. Силина.
1909.

М. В. Аксеновъ.

ОЧЕРКИ

изъ исторіи народнаго просвѣщенія въ Смоленскомъ краѣ

съ древнѣйшихъ временъ до начала XIX столѣтія.

ИЗДАНІЕ
СМОЛЕНСКАГО ГУБЕРНСКАГО СТАТИСТИЧЕСКАГО КОМИТЕТА.

СМОЛЕНСКЪ
Типографія П. А. Силина.
1909.

Многоуважаемому

Александру Александровичу

Кизеветтеру

на добрую память

отъ автора

Дорогобужъ Смол. губ.,

4 іюня 1909 г.

„Елико обрѣтохъ, толико люботруднѣ написахъ; а елика силѣ моей невозможно, то како могу наполнити, его же не видѣвъ лежащаго? Не имамъ бо многыя памяти, ни научихся дохторскому наказанію, еже съчиняти повѣсти и украшати премудрыми словесы, яко же обычай имуть ритори“.

Тверская лѣт., 142.

Quod potui, feci,
Faciant meliora potentes

Горацій.

Предлагаемые очерки имѣютъ своимъ предметомъ обзоръ постепеннаго развитія общественнаго образованія и училищъ въ Смоленскомъ краѣ съ древнѣйшихъ временъ до XVIII вѣка включительно. Ихъ цѣль— посильная разработка этого вопроса, въ высшей степени интереснаго—и самого по себѣ и по его современному значенію, но еще почти не тронутаго смоленскими историками. Само собою разумѣется, авторъ не претендуетъ ни на абсолютное его рѣшеніе, ни на полноту и яркость изображенія эпохъ и исторической роли столь важнаго фактора, какимъ является въ духовной жизни каждой области и каждаго народа просвѣщеніе, и, конечно, далекъ отъ мысли, что ему удалось исчерпать до конца и во всемъ объемѣ предметъ своего изслѣдованія.

Всѣмъ извѣстна чрезвычайная трудность, съ которою сопряжено добываніе источниковъ и собираніе матеріала для лицъ, заинтересованныхъ какою-нибудь научною спеціальностью, но, по условіямъ своей жизни и профессіи, принужденныхъ работать преимущественно на мѣстѣ, въ скромномъ провинціальномъ городѣ, гдѣ нѣтъ ни университетской библіотеки, ни сколько нибудь удовлетворительной публичной. Къ этому надо

добавить централизацію важнѣйшихъ провинціальныхъ источниковъ въ столицахъ, обычный въ Россіи, къ сожалѣнію, провинціальный архивный безпорядокъ, а то и почти полное отсутствіе мѣстныхъ архивовъ, какъ у насъ, въ Смоленскѣ. Въ послѣднемъ, благодаря неоднократнымъ погромамъ и разореніямъ, которымъ подвергался городъ на протяженіи своего многовѣковаго существованія, письменные памятники, касающіеся исторіи Смоленскаго края и перемѣнъ, въ немъ совершившихся, исчезли почти безъ остатка, такъ что теперь въ мѣстныхъ хранилищахъ рукописныхъ документовъ не оказывается многаго изъ того, что безспорно хранилось въ нихъ въ прежнія времена.

При такомъ положеніи дѣла многія любопытныя страницы въ исторіи Смоленска остаются еще незаполненными, пустыми. Самые ревностные собиратели смоленской старины, подобно извѣстному св. Н. А. Мурзакевичу, должны признаться, что «собиранію древнихъ бумагъ, особенно же касающихся исторіи (Смоленска) препятствуетъ недостатокъ таковыхъ послѣ разоренія» [1]). Даже документы XVIII и начала XIX вв., имѣющіе важное значеніе, въ Смоленскѣ не такъ легко найти, какъ въ другихъ городахъ, хотя и уступающихъ ему по древности, но жившихъ при болѣе благопріятныхъ историческихъ условіяхъ. Но наиболѣе трудно, а часто даже невозможно, добывать данныя, касающіяся предшествующихъ вѣковъ, въ особенности по вопросамъ школьнаго и общественнаго образованія, письменности и литературы, духовной жизни Смоленскаго края вообще. Если они и существуютъ еще, то вѣдь

[1]) См. брошюру: „Никиф. Адр. Мурзакевичъ, историкъ г. Смоленска“, Спб. 1877 г. (въ прилож.).

ихъ надо искать по разнымъ городамъ и монастырямъ, частью въ Россіи (особенно въ Западной), частью въ австрійской Польшѣ и Галиціи, а частью даже въ Швеціи [1]). Нѣкоторые изъ нихъ уже обслѣдованы историками или изданы любителями старины, но большинство, кажется, еще не извлекалось изъ-подъ спуда и архивной пыли и ждетъ своихъ изслѣдователей.

Такимъ образомъ лицу, заинтересовавшемуся вопросомъ объ историческихъ судьбахъ смоленской образованности и просвѣщенія и желающему дать ему надлежащее освѣщеніе, приходится собирать необходимый матеріалъ въ буквальномъ смыслѣ крохами, крупицами, не пренебрегать и кажущимися мелочами, причемъ всѣ эти мелочи и крохи достаются съ большимъ трудомъ или же случайно и совершенно неожиданно. Нечего удивляться поэтому, что въ исторіи Смоленской земли, вообще разработанной слабо, наименьшее вниманіе удѣлялось мѣстными историками именно вопросу о просвѣщеніи и культурѣ смолянъ. А вопросъ о просвѣщеніи, главный жизненный вопросъ каждаго государства, нигдѣ не стоитъ такъ остро, какъ въ нашемъ отечествѣ.

Около шести лѣтъ усердно собиралъ авторъ данныя, касающіяся вопроса о смоленскихъ школахъ и о постепенномъ развитіи просвѣщенія въ Смоленской землѣ, по разнымъ источникамъ—рукописнымъ и печатнымъ, какіе только были ему доступны, и, съ на-

---

1) Въ Швецію они могли попасть послѣ похода Карла Густава (въ 1655 г.) въ Польшу, а въ послѣднюю перешли передъ тѣмъ, когда Смоленскъ былъ подъ польскимъ владычествомъ (1611—1654). Въ 1838 году въ шведскихъ архивахъ проф. Соловьевымъ найденъ былъ рядъ смоленскихъ документовъ, весьма важныхъ въ историческомъ отношеніи (между ними, напр., копія съ уставныхъ грамотъ вел. кн. Ростислава).

копленіемъ ихъ, рѣшилъ свести собранный матеріалъ въ одно общее цѣлое, въ видѣ ряда послѣдовательныхъ очерковъ [1]). При этомъ, помимо естественной любви и привязанности къ родному краю и уваженія къ его славному прошлому, онъ руководился еще желаніемъ, давъ готовый уже матеріалъ, хотя отчасти облегчить работу будущаго историка Смоленской земли. Насколько онъ въ этомъ успѣлъ, пусть судитъ безпристрастный читатель!..

Въ заключеніе авторъ пріятнымъ долгомъ своимъ считаетъ выразить глубокую признательность лицамъ, оказывавшимъ ему содѣйствіе въ работѣ: Г. К. Бугославскому, опытнымъ и благожелательнымъ указаніямъ котораго онъ многимъ обязанъ, академику А. А. Шахматову, доставившему ему возможность пользоваться книгами изъ библіотеки Императорской Академіи Наукъ, а также М. М. Богословскому, В. Н. Добровольскому, Е. Ѳ. Карскому, Е. И. Кашпровскому, Б. Л. Модзалевскому, И. И. Орловскому, В. И. Рѣзанову, И. П. Сперанскому и П. Я. Строганову.

Г. Дорогобужъ,
20 декабря 1908 года.

---

1) Послѣдній (9-ый) очеркъ составленъ, главнымъ образомъ, на основаніи документовъ, хранящихся въ архивѣ Министерства Нар. Просв., т. е. „вѣдомостей“ о состояніи смоленскихъ народныхъ училищъ послѣдней четверти XVIII в. и „извѣстій о распространеніи наукъ въ Смоленскомъ намѣстничествѣ“, которыя въ свое время посылались смоленскимъ приказомъ общ. призрѣнія въ С.-Петербургъ (въ Главное Правленіе училищъ).

„Велика бо бываетъ польза отъ ученія книжнаго, мудрость бо обрѣтаемъ отъ словесъ книжныхъ: се суть рѣки, напояющія вселенную, се суть исходяща мудрости; книгамъ бо есть неисчетная глубина“.

Лѣт. Несторъ.

I.

Первоначальныя историческія извѣстія о мѣрахъ по народному образованію, о заведеніи училищъ въ нашемъ отечествѣ восходятъ ко времени просвѣщенія ея христіанствомъ. Новая вѣра, свободно избранная княземъ и народомъ, для своего утвержденія, познанія и распространенія потребовала отъ государства прежде всего грамотности, умственнаго развитія. И мы видимъ, что уже съ первыхъ временъ христіанства начинаетъ широко развиваться по Руси „книжное наученіе“, учреждаются „училища на утвержденіе вѣры“. Такъ, подъ 988 годомъ въ начальной лѣтописи нашей (по Лаврентьевскому списку) записано, что князь Владиміръ Святой, просвѣтившись вѣрою и крестивъ кіевлянъ, „нача ставити по градомъ *церкви и попы,* и люди на крещеніе приводити *по всѣмъ градомъ и селомъ;* пославъ нача поимати у нарочитое чади *дѣти* и даяти нача *на ученье книжное*“... [1]). Лѣтопись по Никонову списку, говоря о томъ же, опредѣленно указываетъ на учрежденіе при св. Владимірѣ училища для дѣтей въ Кіевѣ и на его прямое назначеніе: „И начаша отъ отцевъ и отъ матерей взимати младыя дѣти и давати *въ училище, учитись грамотѣ*“ [2]). Татищевъ, первый по времени исторіографъ нашъ, пользовавшійся многими лѣтописными сказаніями, для насъ утраченными, объ устроеніи училищъ

---

[1]) Полное собраніе лѣтописей. Лаврентьев. лѣт., стр. 51.

[2]) Никон. спис. изд. 1767—92, I, стр. 94.

по всему пространству тогдашней Руси говоритъ: „Таже повелѣ (Владиміръ) ставить церкви и священникамъ людей приводить на крещеніе, *по всѣмъ градомъ и по селамъ* посылая *попы ученые*. Митрополитъ же Михаилъ [1]) совѣтовалъ Владиміру *устроить училища на утвержденіе вѣры и собрать дѣти въ наученіе*. И тако Владиміръ повелѣлъ собрать дѣтей знатныхъ, среднихъ и убогихъ, раздавая по церквамъ *священникамъ со причетники въ наученіе книжное*. Прежде бо невѣдущіе закона не слыхали словесъ книжныхъ; по Божью строенію и милости явившейся, осѣни ихъ свѣтомъ благоразумія, *устроены бо были многія училища*" [2]).

Слѣдовательно уже Владиміромъ Святымъ, единовременно съ принятіемъ христіанской вѣры, положено основаніе и народному просвѣщенію на Руси: учреждены были первыя школы—сначала въ Кіевѣ, а затѣмъ и повсемѣстно, „по всѣмъ градомъ и селомъ", какъ свидѣтельствуютъ наши лѣтописи. Аналогичныя показанія даютъ онѣ и о просвѣтительной дѣятельности сына и ближайшаго преемника его, великаго князя Ярослава Мудраго. Знаменитый князь-законодатель продолжаетъ, расширяетъ и какъ бы углубляетъ великое дѣло своего отца, просвѣтителя Россіи. Въ Софійской (Новгородской) лѣтописи подъ 1028 годомъ мы читаемъ о немъ: „И пріиде къ Новугороду, *собра отъ старостъ и поповыхъ дѣтей 300 учити книгамъ*" [3]). Рѣчь идетъ здѣсь, впрочемъ, не объ утвержденіи новаго училища въ Новгородѣ, а о расширеніи уже существовавшаго тамъ, основаннаго епископомъ Іоакимомъ Корсуняниномъ, ученикъ, котораго Ефремъ, какъ сказано въ той же лѣтописи, зани-

[1]) Первый Кіевскій митрополитъ, родомъ болгаринъ, прибывшій на Русь съ четырьмя епископами и многими священниками, дьяконами и „демественниками" (т. е. пѣвцами, руководителями пѣнія) изъ славянъ (Іоакимов. лѣтоп. I, 28).

[2]) Татищевъ, В. Н.: Исторія Россійская съ древнѣйшихъ временъ, изд. 1786—84 г.г., ч. II, стр. 75—76.

[3]) Полное собр. лѣт., V, стр. 136.

мался обученіемъ жителей того города („учаше ны"). Въ Лаврентьевской лѣтописи Ярославъ характеризуется, какъ князь вполнѣ образованный, горячо преданный дѣлу просвѣщенія своего народа: „И бѣ Ярославъ книгамъ прилежа и почитая е часто въ нощи и въ дне, *и собра писцѣ многы, и прикладаше отъ Грекъ на Словѣньское письмо, и списаша книгы многы,* и сниска, ими же поучащеся вѣрніи людье наслажаются ученья божественнаго". Онъ основалъ первую на Руси библіотеку (въ Кіевѣ), какъ это явствуетъ изъ слѣдующаго заявленія начальнаго лѣтописца: „любимъ бѣ книгамъ, *многи написавъ, положи* въ церкви св. Софьи, юже созда самъ". Тотъ же лѣтописецъ утверждаетъ, что на учебное дѣло, на распространеніе училищъ на Руси Ярославъ не щадилъ и своихъ собственныхъ средствъ: „Церкви ставляше по градомъ и по мѣстомъ, поставляя попы и *дая имъ отъ имѣнія своего урокъ, веля имъ учити люди,* понеже тѣмъ есть поручено Богомъ, и приходити часто къ церквамъ" [1]).

Изъ сказаннаго ясно, что заведеніе и устроеніе училищъ на Руси было дѣломъ уставной дѣятельности первыхъ нашихъ князей—просвѣтителей, Владиміра Святого и Ярослава Мудраго, руководившихся сознаніемъ необходимости упрочить водвореніе христіанства въ нашей странѣ путемъ возможно широкаго и прочнаго распространенія въ народѣ „книжнаго наученія". Образованіемъ же народа и первыми школами при церквахъ, по единогласному свидѣтельству лѣтописей, завѣдывали и руководили прибывшіе изъ Греціи и Болгаріи на Русь, для просвѣщенія ея христіанскою вѣрой, „попы ученые", т. е. епископы, священники и вообще клирики, которые сами обучались уже въ благоустроенныхъ училищахъ и хорошо знакомы были и съ способами обученія того времени и съ организаціей школъ. Что эти первые русскіе учителя были люди опытные, видно изъ слѣдующаго сообщенія лѣтописи: „симъ же (дѣтѣмъ) розданномъ на

[1]) Лаврент. спис., стр. 65—66.

ученіе книжное, и ***навыкаху скоро***, по Божью строю“ [1]. Но какъ крещеніе шло не сразу для всего населенія, а начиналось съ князя, бояръ и другихъ „нарочитыхъ“ людей, такъ и первая вербовка дѣтей въ школы началась съ тѣхъ же лучшихъ людей, какъ болѣе расположенныхъ и къ принятію крещенія и къ отдачѣ дѣтей въ школу. Въ Новгородское, напримѣръ, училище ученики вербовались, какъ мы видѣли, изъ дѣтей духовенства и старостъ городскихъ, т. е. изъ классовъ наименѣе враждебныхъ церкви и школѣ. Однако нельзя утверждать, что первая русская школа учреждалась только для высшихъ слоевъ населенія и носила характеръ, такъ сказать, сословный. Утвержденіе вѣры путемъ „книжнаго наученія“ было въ одинаковой степени необходимо для всѣхъ и каждаго. Иной цѣли древне-русская школа не могла преслѣдовать и, конечно, не преслѣдовала, и въ теченіе всего древняго періода нашей исторіи существовалъ лишь одинъ типъ школы съ характеромъ миссіонерскимъ, религіозно-воспитательнымъ. По мнѣнію извѣстнаго историка Забѣлина, древне-русская школа была „общенародною и вездѣ единообразною: дѣти первостепеннаго боярина обучались точно такъ же, какъ и дѣти простолюдина„ [2]. Имѣя цѣлью распространеніе по Руси „книжнаго наученія“ для утвержденія вѣры, школа X—XI вв. должна была быть доступною для всего народа, для дѣтей „знатныхъ, среднихъ и убогихъ“, дававшею образованіе лишь самое общее и необходимое, но отнюдь не спеціальное, не профессіональное. Подъ понятіемъ „книжное наученіе“ разумѣлось духовное просвѣщеніе человѣка посредствомъ чтенія священныхъ книгъ и отеческихъ писаній, и самый курсъ древне-русскихъ училищъ долгое время (можно сказать, до XVII в.) ограничивался ***чтеніемъ***, ***письмомъ*** и ***пѣніемъ*** и имѣлъ строго-цер-

[1]) Лѣтопись Переяславская по списку съ рукописи XIII в.

[2]) См. ст. И. Е. Забѣлина: „Характеръ древне-русскаго образованія“ въ „Отечественныхъ запискахъ“ 1856 г., № 3.

ковный характеръ, что удостовѣряютъ многочисленныя древнія свидѣтельства. Такъ, отцы собора 1551 г., собравшись, по наказу царя, между прочимъ, для возстановленія упавшаго къ тому времени образованія, говорили: „А прежъ сего въ Россійскомъ Царствѣ, *на Москвѣ и въ Великомъ Новгородѣ и по инымъ градомъ многія училища бывали, грамотѣ и писать, и пѣть, и читать учили*" [1]). Избранные отцы Стоглаваго собора, разумѣется, хорошо знали исторію школъ своего отечества не только по памятникамъ, но и по живому преданію, а потому указаніе ихъ, чему учили въ древнихъ школахъ, имѣетъ несомнѣнную достовѣрность; да и сами они назначили *тотъ же* курсъ и для училищъ своего времени. Замѣчательно, что этотъ курсъ первоначальнаго обученія въ древнѣйшихъ русскихъ училищахъ находитъ подтвержденіе даже въ былевомъ эпосѣ. Напримѣръ, въ былинѣ про Василія Буслаева говорится, что мать

Дала его *учить грамотѣ*,
Грамота ему въ *наукъ* пошла;
Посадила его перомъ *писать*,
Письмо Василью *въ наукъ* пошло;
Отдавала она его *пѣтью* учить,
Пѣтье Василью *въ наукъ* пошло...

То же мы видимъ и въ былинахъ про Волха Всеславьевича, Добрыню Никитича и друг., а также въ духовныхъ стихахъ, относящихся къ былинной эпохѣ, напр. въ стихѣ объ Алексѣѣ Божьемъ человѣкѣ [2]).

Хотя лѣтописи наши не указываютъ, кромѣ Кіева и Новгорода, въ какихъ именно городахъ русскихъ основаны были первоначальныя училища, но можно съ достаточною долею увѣренности предполагать, что по крайней мѣрѣ въ наиболѣе значительныхъ пунктахъ древней Руси они возникли еще при Владимірѣ и Ярославѣ, т. е. въ первые же

---

1) „Стоглавъ", гл. 25. Казань, 1887 г.

2) „Собраніе народныхъ пѣсенъ" Т. И. Филиппова, стр. 14.

годы водворенія христіанства въ нашемъ отечествѣ, и что одно изъ нихъ для лучшаго познанія и утвержденія новой вѣры заведено было и въ Смоленскѣ. Одинъ изъ древнѣйшихъ нашихъ городовъ, упоминаемый въ лѣтописяхъ на ряду съ Новгородомъ, Кіевомъ, Полоцкомъ и друг., пунктъ, лежавшій на великомъ водномъ пути изъ Варягъ въ Греки и на перекресткѣ всѣхъ вообще важнѣйшихъ водяныхъ сообщеній древней Руси [1]), Смоленскъ уже по призваніи Рюрика и его братьевъ, т. е. на самой зарѣ русской исторіи, былъ большимъ и многолюднымъ городомъ. Есть лѣтописное извѣстіе, что въ 865 году Аскольдъ и Диръ, воинственные варяги, отправившись изъ Новгорода на югъ и плывя по Днѣпру у Смоленска, не отважились напасть на него, „зане градъ (былъ уже тогда) *великъ и многъ людьми*“. Вскорѣ, однако, въ 882 году, имъ завладѣлъ знаменитый Олегъ и, посадивъ въ немъ своего намѣстника, ввелъ въ составъ начавшагося русскаго государства. Черезъ 100 слишкомъ лѣтъ Смоленскъ, какъ одинъ изъ лучшихъ городовъ тогдашней Россіи, предназначается великимъ княземъ Владиміромъ въ удѣлъ малолѣтнему сыну его Станиславу и, такимъ образомъ, становится уже во главѣ цѣлой области, образующей впослѣдствіи отдѣльное и обширное великое княжество Смоленское, является какъ бы столицею населявшаго его

[1]) Великій водный путь изъ Варягъ въ Греки и отъ Чернаго моря къ Балтійскому есть самый древній историческій и торговый путь въ Россіи. Онъ захватывалъ большую часть Смоленскихъ владѣній—волокъ между рѣками Ловатью и Торопою, гдѣ стоялъ Смоленскій пригородъ Торопецъ, пограничный съ Новгородскою землею, верхнее теченіе Западной Двины, волокъ между этою послѣднею и Днѣпромъ и значительное протяженіе по Днѣпру. Съ востока Смоленскія владѣнія непосредственно примыкали къ области верхней Волги и этимъ путемъ соединялись съ низовою, съ Камскою Болгаріей и съ Хазаріею, такъ что Смоленскъ былъ и на пути изъ поволжской стороны въ Кіевъ. Западная Двина, верхнее теченіе которой принадлежало Смоленской области, непосредственно соединяла Смоленскъ съ Балтійскимъ моремъ и съ Западною Европой черезъ земли полочанъ и латышскихъ, и финскихъ инородцевъ (См. статью Ходаковскаго: „Пути сообщенія въ древней Россіи“ въ историческомъ сборникѣ Погодина, т. I. кн. 1, стр. 16).

громаднаго племени Кривичей [1]). Выгодное географическое положенiе Смоленска естественнымъ образомъ должно было выдвинуть его съ самаго начала русской исторiи на поприще значительной торговой и промышленной дѣятельности и вмѣстѣ съ тѣмъ сдѣлать однимъ изъ главныхъ центровъ возникавшей культуры и духовнаго развитiя. Торговыя сношенiя съ окружавшими русскими областями и особенно съ отдаленными странами запада, юга и востока и ихъ народами имѣли для него не только экономическое значенiе (въ смыслѣ накопленiя богатствъ и увеличенiя матерiальнаго благосостоянiя края), но и значенiе цивилизующаго элемента (для образованiя нравовъ и развитiя просвѣщенiя и гражданственности въ народѣ), имѣли влiянiе на развитiе древне-русской цивилизацiи вообще, содѣйствовали ознакомленiю и взаимному сближенiю племенъ. Воспринимались идеи болѣе развитыхъ, болѣе сильныхъ культурою народовъ, вырабатывались формы общественныхъ учрежденiй, зарождался культурный прогрессъ, умственное движенiе. Но главнымъ толчкомъ къ развитiю культуры, къ возникновенiю просвѣтительной дѣятельности въ Смоленской землѣ, какъ и во всемъ вообще нашемъ отечествѣ, послужило принятiе христiанской вѣры. Въ виду этого свой очеркъ постепеннаго хода культуры и просвѣщенiя въ Смоленской землѣ съ древнѣйшихъ временъ и до начала XIX в. мы должны начать именно съ этого важнѣйшаго въ ея исторiи факта и прежде всего возможно точно, насколько позволяютъ дошедшiя до насъ данныя, рѣшить вопросъ о времени введенiя и распространенiя христiанства въ ней.

Вопросъ о времени крещенiя смолянъ св. Владимiромъ, о началѣ и распространенiи христiанства въ Смоленской землѣ, какъ извѣстно, до сихъ поръ еще остается темнымъ, недостаточно выясненнымъ смоленскими историками. И. М. Красноперовъ, а за нимъ С. П. Писаревъ, на основанiи

[2]) „Памятная книга г. Смоленска“, изд. 1898 г., стр. 7.

одной древней рукописи, полагали, что крещеніе смолянъ произошло въ 1013 году, т. е. приблизительно за два года до кончины великаго просвѣтителя земли русской [1]). Но едва ли это такъ. Еще первый историкъ г. Смоленска, священникъ Н. А. Мурзакевичъ, въ какой-то рукописи, находившейся въ его время въ одномъ изъ мѣстныхъ архивовъ, но для насъ, къ сожалѣнію, утраченной въ годину отечественной войны, нашелъ указаніе, что событіе это произошло вскорѣ послѣ крещенія Кіева, именно въ 990 году. „Въ рукописи, находящейся въ Губернской Архивѣ, говоритъ онъ, написано: 990 г. Владиміръ Великій, путешествуя въ Новгородъ, заѣхалъ въ Смоленскъ съ митрополитомъ Михаиломъ I и просвѣтилъ смольянъ съ принадлежащимъ народомъ святымъ крещеніемъ" [2]). Правда, извѣстію этому нашъ первый историкъ особаго значенія не придаетъ, но оно подтверждается новѣйшими открытіями исторической науки. Такъ, одинъ изъ усерднѣйшихъ изслѣдователей Смоленской старины Г. К. Бугославскій, разсматривая древнехранилище Архангельскаго Церковно-Археологическаго Комитета, нашелъ тамъ рукописный *хронографъ* XVII в., принадлежавшій ранѣе извѣстному Антоніево-Сійскому монастырю, и тамъ, въ гл. 131, гдѣ излагается, по его словамъ, довольно подробно крещеніе вел. князя Владиміра и русской земли, прочелъ, между прочимъ, слѣдующее краткое, но категорическое сообщеніе: *„въ лѣто 6498* (=990 г. отъ Рожд. Хр.) иде Владимеръ въ Смоленскую землю и тамо крести всѣ тѣ земли" [3]). Извѣстіе о пріѣздѣ въ Смоленскъ

---

[1]) См. въ Императ. Публичной Библ. рукопись № 1600 изъ собранія Погодина, а также ст. Красноперова о просвѣщеніи Смоленской земли въ „Смол. Вѣстн." за 1882 г. и „Памятную книгу г. Смоленска Писарева, стр. 8.

[2]) „Исторія губ. гор. Смоленска" св. Н. А. Мурзакевича, въ изд. И. И. Орловскаго, 1904 г., стр. 21—22, прим.

[3]) См. весьма интересный отчетъ Г. К. Бугославскаго о рукописномъ хронографѣ Антоніе-Сійскаго монастыря (XVII в.) въ „Архангельск. Епарх. Вѣдом." за 1905 г. и въ отд. оттискѣ.

самого великаго князя Владиміра для крещенія его жителей занесено также и въ Воскресенскую лѣтопись [1]).

Изъ этихъ показаній древнихъ рукописей ясно, что крещеніе смолянъ произошло вскорѣ послѣ принятія его кіевлянами, а не черезъ цѣлую почти четверть вѣка, не за два года до кончины св. Владиміра. Въ этомъ убѣждаетъ насъ и географическое положеніе Смоленска на великомъ водномъ пути изъ Варягъ въ Греки, его прямое и чрезвычайно удобное сообщеніе по р. Днѣпру съ Кіевомъ. Есть данныя, по которымъ можно безошибочно принять, что черезъ четверть вѣка новая вѣра въ Смоленскѣ настолько уже привилась, что въ немъ и христіанское богослуженіе отправлялось, и христіанскіе храмы находились. Это—показанія лѣтописей Никоновой и Новгородской, попа Іоанна и другихъ древнихъ источниковъ, на которыхъ опирался извѣстный историкъ Карамзинъ. Разсказывая объ убіеніи князя Глѣба подъ Смоленскомъ въ 1015 году и о нахожденіи тѣла его у рѣчки Смядыни, впадавшей прежде въ Днѣпръ, а нынѣ пересохшей, Карамзинъ говоритъ, что, послѣ того, какъ мѣсто мученической кончины св. князя ознаменовано было чудесами, смоляне послали туда *священниковъ*, которые и перенесли тѣло его съ подобающею церемоніей въ городъ [2]). Тотъ же фактъ находитъ себѣ подтвержденіе въ рукописномъ сборникѣ житій святыхъ (XVI в.), принадлежащемъ древнехранилищу уже упомянутаго Архангельскаго Церковно-Археологическаго Комитета. Сборникъ этотъ разсмотрѣнъ тѣмъ же Г. К. Бугославскимъ и, по его словамъ, представляетъ собою списокъ съ какого-то древняго—не позднѣе XIII в.—*пролога* и состоитъ изъ краткихъ житій почти исключительно русскихъ святыхъ, житій, расположенныхъ помѣсячно изо дня въ день, и краткихъ же поученій,

---

[1]) Полное Собр. русск. лѣтописей, т. VIII.

[2]) „Исторія Государства Россійскаго“, т. II, прим. 6.—См. также въ „Историко-статистическомъ описаніи Смоленской епархіи“ Трофимовскаго, изд. 1864 г., стр. 16.

заимствованныхъ частью изъ византійскихъ, частью изъ какихъ-то, не дошедшихъ до насъ, русскихъ источниковъ. Въ немъ подъ 24 іюля, въ день празднованія „страсти святоую мученику великою и чюдотворцу Бориса и Глѣба“, помѣщено, сказаніе излагающее вкратцѣ обстоятельства мученической кончины свв. братьевъ-князей. При этомъ, послѣ описанія убіенія св. Глѣба, сдѣланнаго, кстати сказать, очень живо и естественно, какъ бы со словъ очевидца событія, приводится весьма любопытное сообщеніе о томъ, что тѣло убитаго князя, по отысканіи его на Смядыни, было взято *смолянами* съ мѣста сокрытія и, предшествуемое *крестами*, отнесено въ *церковь*, гдѣ и лежало до перенесенія его вел. кн. Ярославомъ въ Вышгородъ (подъ Кіевомъ). [1])

Это важное указаніе проложнаго житія въ Архангельскомъ сборникѣ проливаетъ яркій свѣтъ на трактуемый вопросъ и даетъ намъ ключъ къ его разрѣшенію. На основаніи его можно безъ всякаго колебанія считать положительно установленнымъ фактъ прочнаго утвержденія христіанства въ Смоленскѣ въ началѣ XI вѣка (убійство св. Глѣба произошло въ 1015 году, въ годъ блаженной кончины вел. кн. Владиміра). Очень возможно, что и церковь, въ которой положили первоначально тѣло убитаго Глѣба, построена въ этомъ городѣ вскорѣ послѣ крещенія смолянъ, вел. кн. Владиміромъ, во святомъ крещеніи Василіемъ, во имя своего тезоименитаго святого, была деревянная и находилась на теперешней Вознесенской горѣ. На это указываетъ и аналогія этой церкви съ деревяннымъ храмомъ во имя св. Василія въ Вышгородѣ, куда впослѣдствіи были перенесены мощи св. Глѣба Ярославомъ Мудрымъ, и древнее названіе Вознесенской горы *Василѣевскою* [2]). По преданію, живущему

[1]) „Смолен. Епарх. Вѣдом.“ за 1903 г., №№ 12—13.

[2]) Такъ она называлась еще въ XV в. и издавна принадлежала Смоленской епископіи, на что есть точное указаніе въ грамотѣ вел. князя литовскаго Александра Казиміровича епископу Іосифу Солтану (отъ 17 марта 1497 г.), изъ которой видно, что послѣдній долженъ былъ уступить своему государю

въ Смоленскѣ и понынѣ, на этой горѣ до крещенія смолянъ стояло языческое капище Велеса или Перуна [1]). Изъ лѣтописи же мы знаемъ, что Владиміръ Святой устраивалъ деревянные храмы въ честь своего тезоименитаго святого какъ разъ именно на такихъ мѣстахъ: „И се рекъ (Владиміръ) повелѣ рубити церкви и поставляти по мѣстомъ, идеже стояху кумиры, и постави (подъ Кіевомъ) церковь св. Василія на холмѣ, идеже стояше кумиръ Перунъ" [2]). А на Вознесенской (прежде Васильевской) горѣ, у спуска съ нея къ Днѣпру, въ сороковыхъ годахъ прошлаго столѣтія были найдены аттрибуты языческихъ жертвоприношеній—мѣдный треножникъ и нѣсколько черепичныхъ чашечекъ, чѣмъ, вѣроятно, и объясняется происхожденіе вышеуказаннаго преданія [3]).

Естественно также предполагать, что и первое основаніе Борисоглѣбскаго монастыря на Смядыни, сначала въ видѣ деревянной церкви, на мѣстѣ нахожденія тѣла Св. Глѣба, относится къ XI вѣку. Такъ, по крайней мѣрѣ, говоритъ объ этомъ преданіе, изъ котораго видно также, что на томъ мѣстѣ открылся священный колодезь съ цѣлебною водою, существующій подъ особою часовней и въ наше время. Этотъ колодезь очень чтимъ религіозными людьми, которые ежегодно, 24-го іюля, во время крестнаго хода къ нему изъ Михайло-Архангельской (Свирской) церкви, стекаются сюда во множествѣ, ища исцѣленія священною водою отъ постигшаго недуга. Извѣстно, что вскорѣ послѣ погребенія свв. Бориса и Глѣба въ Вышгородѣ, въ храмѣ св. Василія, надъ ихъ гробницами стали совершаться чудеса, и великій князь

свои *давнія* городскія владѣнія, въ томъ числѣ *Васильевскую гору*, получивъ взамѣнъ ихъ другія земли за городомъ. (См. Акты Зап. Россіи, т. I, № 144, а также книгу С. П. Писарева: „Княжеская мѣстность и храмъ князей въ Смоленскѣ", стр. 79—85, и „Памятная книга г. Смоленска", стр. 35).

[1]) „Достопамятности Смоленска" И. И. Орловскаго, стр. 29.

[2]) Лаврентьев. лѣтопись, изд. 1872 г., стр. 116.

[3]) „Историко-статистич. описаніе Смоленской епархіи" Трофимовскаго, стр. 230—231.

Ярославъ, по совѣту митрополита Іоанна, воздвигъ тогда же въ честь мучениковъ-князей особую церковь, въ которую и были перенесены ихъ нетлѣнныя мощи. Несомнѣнно, тотъ же Ярославъ, князь, по единогласному свидѣтельству лѣтописей, весьма набожный, не могъ оставить безъ вниманія и мѣстъ мученической кончины своихъ братьевъ. Нужно думать, поэтому, что ему именно и принадлежитъ построеніе на берегу р. Смядыни церкви, вокругъ которой съ теченіемъ времени образовался знаменитый въ исторіи Смоленской земли Борисоглѣбскій монастырь, хотя послѣдній и упоминается впервые въ лѣтописяхъ лишь подъ 1138 г. [1]). Это тѣмъ болѣе вѣроятно, что въ періодъ XI—XIII вв. на Руси, какъ установлено документальными данными, было воздвигнуто много храмовъ и монастырей въ память свв. Бориса и Глѣба [2]).

Съ теченіемъ времени свѣтъ христіанской вѣры проникаетъ въ Смоленскъ все болѣе и болѣе, число христіанъ ростетъ, и въ самомъ началѣ XII в., когда онъ попалъ въ руки образованнѣйшаго изъ тогдашнихъ князей Владиміра Мономаха [3]), возникаетъ мысль объ учрежденіи въ немъ даже отдѣльной епископской каѳедры. Объ этомъ можно заключать изъ лѣтописнаго извѣстія, что въ 1101 году этимъ

---

[1]) Въ этомъ году смоляне, чтобы угодить своему князю Ростиславу, бывшему тогда въ отсутствіи, схватили бѣжавшаго изъ Новгорода Святослава Ольговича, князя Новгородъ-Сѣверскаго, и стерегли его въ Борисоглѣбскомъ монастырѣ: „Святослава яша на пути смоляне и стрежахуть его *на Смядынѣ въ монастырѣ*“ (См. Софійскую I лѣтопись, стр. 167, а также „Исторію госуд. Росс.“ Стриттера, ч. I, подъ 1137 г.).

[2]) Таковы, напримѣръ, такъ-называемый Летьскій монастырь на мѣстѣ убіенія Св. Бориса, у р. Альты; храмъ возлѣ г. Суздаля на мѣстѣ стоянки Св. Глѣба, въ селѣ Кидекшѣ; близъ г. Твери, при сліяніи рр. Волги и Тьмы (Тмаки)—въ томъ мѣстѣ, гдѣ, по сказанію Тверской лѣтописи, кн. Глѣбъ упалъ съ лошади и сломалъ себѣ ногу (Втомичій монастырь); въ г.г.: Вышгородѣ, Переяславлѣ, Черниговѣ, Гроднѣ, Туровѣ, Дорогобужѣ, Новгородѣ и др.

[3]) Смоленскъ закрѣпленъ былъ за Владиміромъ Мономахомъ и его родомъ, какъ извѣстно, въ 1097 году, послѣ съѣзда удѣльныхъ князей въ Любечѣ.

княземъ была заложена въ Смоленскѣ первая каменная церковь во имя Успенія Пресв. Богородицы, „епискупья“ [1]). Но Владиміру Мономаху самому не суждено было выполнить свое намѣреніе. Дальнѣйшія историческія данныя показываютъ, что Смоленская епископія, какъ особая церковно-административная единица, учреждена была гораздо позже, при внукѣ его, Ростиславѣ Мстиславичѣ, *первомъ великомъ князѣ Смоленскомъ* (1125—1160), достроившемъ и окончательно отдѣлавшемъ соборный храмъ [2]). Въ его княженіе, въ 1137 г., опредѣленъ былъ для Смоленской земли первымъ самостоятельнымъ епископомъ Мануилъ, родомъ грекъ, человѣкъ ученый и, судя по лѣтописи, большой знатокъ и любитель церковнаго пѣнія [3]). Вслѣдъ за тѣмъ, въ 1150 году, великій князь Ростиславъ, совмѣстно съ народнымъ вѣчемъ, тремя уставными грамотами обставилъ вновь учрежденную епископскую каѳедру довольно широкими привиллегіями и полномочіями въ отношеніи ея содержанія и компетенціи [4]).

Ученый грекъ Мануилъ, несомнѣнно, не мало способствовалъ распространенію христіанскаго просвѣщенія и школьнаго образованія въ Смоленской землѣ, но, какъ мы сказали выше, свое начало и уже значительное развитіе оно должно было получить тамъ до него. Есть факты, ясно доказывающіе, что еще въ теченіе первой половины XII в. въ Смоленскѣ среди духовенства были не только просто гра-

---

1) Ипатьев. лѣтоп., стр. 182.

2) Какъ утверждаетъ С. П. Писаревъ на основаніи „Кіевскаго краткаго лѣтописца“, гдѣ говорится, что вел. кн. Ростиславъ *устраивалъ церковь Божьей Матери въ Смоленскѣ.* До того же времени Смоленская земля въ церковно-административномъ отношеніи была въ зависимости отъ епископіи Переяславской (См. его „Памятную книгу г. Смоленска“, стр. 11).

3) Ипатьев. лѣт., стр. 215.

4) „Исторія Смоленской земли до начала XV в.“ проф. П. В. Голубовскаго, Кіевъ, 1895 г., стр. 236 и слѣд. Въ этомъ сочиненіи приведены цѣликомъ и разобраны всѣ три уставныя грамоты Ростислава объ учрежденіи епископіи въ Смоленскѣ. Еще обстоятельнѣе вопросъ этотъ разработанъ въ брошюрѣ Е. И. Кашпровскаго: „Учрежденіе Смоленской епископіи“.

мотные, но и отлично для своего времени образованные люди, даже недюжинные писатели. Таковъ, напримѣръ, извѣстный въ исторіи нашей церкви Климентъ Смолятичъ, т. е. смоленскій уроженецъ [1]), строгій схимникъ и глубокій ученый, избранный въ 1147 году соборомъ русскихъ епископовъ въ кіевскіе митрополиты. Объ его выдающейся учености древнія лѣтописи высказываются весьма лестно, называя его *книжникомъ и философомъ такимъ, какого раньше на Руси не бывало,* и упоминая при этомъ, что и отъ него самого осталось не мало литературныхъ трудовъ [2]). Изъ нихъ, однако, до нашего времени дошло только два: *„Слово въ похвалу святымъ,* или *въ недѣлю сыропустную"*, гдѣ въ яркихъ поэтическихъ краскахъ описывается монашеская жизнь, и *„Посланіе къ Смоленскому пресвитеру Ѳомѣ"*. Особенно интересенъ и важенъ для сужденія о состояніи просвѣщенія въ Смоленской землѣ въ первую эпоху ея историческаго существованія второй трудъ, т. е. „Посланіе митрополита Климента Смолятича къ Смоленскому пресвитеру Ѳомѣ" [3]). Изъ этого драгоцѣннаго памятника нашей письменности XII в. явствуетъ, что уже въ то время духовенство въ Смоленскѣ отличалось высокимъ образованіемъ, было настолько начитаннымъ по всѣмъ областямъ современнаго знанія, что ему хорошо, едва ли не въ подлинникахъ, были извѣстны не только Св. Писаніе, творенія отцовъ церкви и вообще литература христіанская (какъ церковно-истолковательная, такъ и свѣтская, апокрифическая), но и произведенія язы-

---

[1]) Судя по лѣтописямъ, Климентъ Смолятичъ былъ родомъ изъ села Заруба, что нынѣ Заровницы, неподалеку отъ Шклова, за правымъ берегомъ р. Днѣпра (Полн. Собр. Рус. Лѣт., т. II, 3, 29; Никон. лѣт. II, 35). По нѣкоторымъ даннымъ, село это принадлежало сестрѣ в. к. Ростислава, Рогнѣдѣ.

[2]) Ипатьев. лѣт., стр. 241; также Полн. собр. русск. лѣт., т. VIII, стр. 38—39, и т. IX, стр. 172.

[3]) Оно отыскано и напечатано Хр. Лопаревымъ въ 1892 г., въ XC выпускѣ „Памятниковъ древней письменности", и вторично въ монографіи проф. Н. Никольскаго: „О литературныхъ трудахъ митрополита Климента Смолятича, писателя XII в.", Сп.-Б. 1892 г.

ческой, античной словесности. Смолянинъ Климентъ пишетъ „отъ Омира, Платона и Аристотеля, иже въ эллиньскихъ нырьхъ славнѣ бѣша“, а его старый другъ Ѳома, пресвитеръ Смоленскій, съ которымъ онъ велъ переписку, и нѣкто Григорій, *учитель* Ѳомы, неоднократно упоминаемый въ „посланіи“ и принадлежавшій, вѣроятно, къ смоленскому же духовенству, оказываются отличными знатоками греческой „словесъ грамоты“. Очевидно, столь образованные люди не могли явиться въ тотъ короткій срокъ, который прошелъ съ поставленія на Смоленскую епископію Мануила и до избранія въ митрополиты Климента Смолятича, срокъ заключающій въ себѣ всего лишь 10 лѣтъ (1137—1147), а потому начало школьнаго просвѣщенія слѣдуетъ относить къ эпохѣ предшествующей, къ первымъ временамъ введенія и распространенія христіанства въ Смоленской землѣ. Съ другой стороны надо думать, что Климентъ, Ѳома и Григорій были не единственными представителями образованности въ Смоленскѣ, который, являясь средоточіемъ всѣхъ главныхъ путей древней Руси и соприкасаясь въ сферѣ торговли и промышленности съ различными народами, представлялъ собою одинъ изъ наиболѣе культурныхъ центровъ древней Руси. „Смоляне, поставленные въ благопріятныя географическія условія, были, какъ говоритъ проф. Голубовскій, народомъ подвижнымъ, дѣятельнымъ. Тѣсныя и давнія торговыя сношенія съ окрестными землями, путешествія съ торговыми цѣлями въ иностранные города, проживаніе тамъ, пребываніе иностранцевъ въ Смоленскѣ,—все это приносило имъ множество свѣжихъ, постоянно новыхъ впечатлѣній, расширяло ихъ умственный кругозоръ... Не подлежитъ сомнѣнію, что и книжное просвѣщеніе въ Смоленскѣ и школьное образованіе въ немъ стояло по тому времени довольно высоко, распространяясь не только среди зажиточнаго класса (бояръ, духовенства и купечества), но и въ народной массѣ, сходившейся съ нимъ на вѣчѣ и об-

суждавшей какъ дѣла важныя, государственныя, такъ и обыденные вопросы текущей жизни и дѣйствительности" [1]).

Изъ нѣкоторыхъ мѣстъ „Посланія Климента къ Смоленскому пресвитеру Ѳомѣ" видно, что митрополитъ писалъ сначала великому князю Ростиславу, что послѣдній совѣтовался затѣмъ, бесѣдовалъ съ Григоріемъ и Ѳомой и поручилъ второму написать отвѣтъ, который задѣлъ митрополита и вызвалъ съ его стороны новое посланіе, на этотъ разъ уже къ пресвитеру Ѳомѣ. Значитъ, и самъ великій князь Смоленскій былъ человѣкъ вполнѣ образованный и, какъ таковой, любилъ окружать себя учеными людьми и, едва-ли въ томъ сомнѣваться можно, содѣйствовалъ развитію школьнаго образованія въ Смоленской землѣ. Историческія данныя XII в. характеризуютъ Ростислава, какъ князя умнаго, распорядительнаго, усерднаго ревнителя христіанскаго просвѣщенія, строителя нѣсколькихъ каменныхъ храмовъ въ Смоленскѣ, и называютъ *набожнымъ*. Какъ уже упомянуто нами, онъ достроилъ и окончательно отдѣлалъ внутри соборную церковь во имя Успенія Пресв. Богородицы, „епискупью", заложенную еще 2-го мая 1101 г. дѣдомъ его Владиміромъ Мономахомъ [2]). Затѣмъ, въ 1145 г., онъ заботится о лучшемъ устройствѣ перваго смоленскаго монастыря на р. Смядыни (при впаденіи ея въ Днѣпръ) и, вмѣсто первоначальной деревянной церкви во имя свв. Бориса и Глѣба, закладываетъ каменную. Этотъ Смядынскій или Борисоглѣбскій монастырь пользовался особымъ уваже-

---

[1]) „Исторія Смол. земли до начала XV стол.", стр. 217.

[2]) Церковь эта, служившая прототипомъ и образцомъ теперешняго величественнаго собора, просуществовала 500 лѣтъ. Она была взорвана 3-го іюня 1611 г. при взятіи Смоленска польскимъ королемъ Сигизмундомъ III. Въ польской хроникѣ Бѣльскаго и въ письмѣ очевидца взрыва Вихровскаго соборъ этотъ называется „великолѣпнѣйшимъ и огромнѣйшимъ", „великимъ греческимъ костеломъ", „архіепископскою церковью", „монастыремъ, очень красиво построеннымъ" (См. у Писарева въ „Памятной книгѣ г. Смоленска", стр. 44, и въ брошюрѣ Е. И. Кашпровскаго: „Учрежденіе Смоленской епархіи", стр. 5 и 13).

ніемъ и со стороны народа, чтущаго его, какъ мы видѣли, и доселѣ, когда онъ представляетъ собою лишь развалины, такъ и со стороны князей, называвшихъ его „дѣдиной благословенной“ и передъ смертью принимавшихъ въ немъ, подобно Давиду Ростиславичу, постриженіе въ иноческій санъ. Слава о немъ распространялась далеко: ослѣпленные въ 1177 году въ Суздалѣ Ростиславичи (Мстиславъ и Ярополкъ) пріѣзжаютъ въ Смоленскъ и, по разсказу лѣтописи, получаютъ исцѣленіе въ церкви св. Бориса и Глѣба [1]). Сверхъ того, по свидѣтельству лѣтописей, Ростиславомъ воздвигнуто было въ 1146 году еще три каменныхъ храма: во имя св. апостоловъ Петра и Павла, пророка Иліи и мучениковъ-безсребренниковъ Козьмы и Даміана [2]).

Строя церкви и монастыри и заботясь о благоустройствѣ и культурномъ развитіи Смоленска, великій князь Ростиславъ, несомнѣнно, отовсюду собиралъ рукописи и имѣлъ около себя ученыхъ переводчиковъ и переписчиковъ, которые переводили и списывали сокровища древней эллинской и болгарской мудрости. Внукъ знаменитаго Владиміра Мономаха и сынъ одного изъ образованнѣйшихъ князей

---

[1]) „Исторія г. Смоленска“ Никитина, стр. 51; см. также упомянутые выше труды Трофимовскаго, Писарева и Орловскаго.

[2]) О построеніи Ростиславомъ каменныхъ храмовъ упоминается въ слѣдующихъ историческихъ источникахъ: Ипатьев. лѣт., стр. 151; Новгор. (Софійск.) лѣт., стр. 167; Никон. лѣт. II, стр. 94; Тверская лѣт. подъ 1147 г.

Петропавловская церковь сохранилась и по настоящее время въ Заднѣпровьѣ, хотя и не въ первоначальномъ своемъ видѣ; *Ильинская* исчезла неизвѣстно когда, но, по увѣреніямъ мѣстныхъ археологовъ, находилась тамъ же, на Ильинскомъ ручьѣ (слѣдов., она ничего общаго не имѣетъ съ нынѣшнею Ильинскою, построенною гораздо позже и въ другомъ мѣстѣ); существованіе *Козьмодемьянской*, которую Писаревъ считаетъ женскимъ монастыремъ и помѣщаетъ на пригоркѣ, надъ узкимъ проѣздомъ у Днѣпра изъ городской крѣпости (гдѣ нынѣ дома Павловыхъ и Копыловой), прекратилось ко времени осады Смоленска бояриномъ Шеинымъ, въ 1634 году.

Болѣе подробныя свѣдѣнія объ этихъ храмахъ см. въ сочиненіяхъ Трофимовскаго, Писарева и Орловскаго.

древней Руси [1]), онъ былъ истинный князь-просвѣтитель Смоленской земли, который и самъ любилъ просвѣщеніе и любовь эту передалъ своимъ потомкамъ. Такъ, по словамъ одной не дошедшей до насъ лѣтописи, сынъ его и ближайшій преемникъ по управленію Смоленскимъ княжествомъ, Романъ Ростиславичъ (1160—1180), былъ *„вельми ученъ всякихъ наукъ* и къ ученію своихъ братьевъ, бояръ и многихъ людей понуждалъ, *устрояя* на то *училища,* и *учителей греческихъ и латинскихъ своею казною содержалъ* и не хотѣлъ имѣть священниковъ неученыхъ"... Траты его на просвѣщеніе были такъ велики, что совершенно истощили его состояніе, и, когда онъ умеръ, благодарные смоляне похоронили его на общественный счетъ, собравъ для того сумму, значительно превышавшую годовой княжескій доходъ [2]). По преданію, одна изъ основанныхъ имъ школъ находилась при Іоанно-Богословской церкви, имъ же построенной около 1180 г. и сохранившейся до нашего времени. Извѣстный смоленскій археологъ С. П. Писаревъ указываетъ даже мѣсто этой школы—противъ западнаго входа въ церковь, гдѣ еще недавно были замѣтны слѣды какого-то древняго каменнаго зданія [3]). Судя по тому, что князь Романъ истратилъ на учебное дѣло все свое имущество, училища, имъ устроенныя, были многолюдны и поставлены на надлежащую высоту. Хотя до насъ и не дошли

---

[1]) Съ именемъ отца в. к. Ростислава, Мстислава Владиміровича, какъ извѣстно, тѣсно связанъ знаменитый памятникъ древне-русской письменности, такъ называемое *„Мстиславово Евангеліе"*. Интересно отмѣтить также родственную связь его съ королевскимъ домомъ одной изъ культурнѣйшихъ странъ того, какъ и нашего времени—Швеціи или, лучше сказать, Скандинавіи: Мстиславъ былъ женатъ первымъ бракомъ на принцессѣ Христинѣ, дочери тогдашняго Скандинавскаго короля Инги Стенкильсона.

[2]) Татищевъ: „Исторія Россійская", кн. III, стр. 238—239; ср. статью С. М. Соловьева: „О нравахъ и обычаяхъ, господствовавшихъ въ древней Руси отъ временъ Ярослава I. до нашествія Монголовъ" (*Чтенія Москов. Общ. Исторіи и Древностей Росс.*, 1846 г., кн. I, стр. 52—53).

[3]) „Памятная книга г. Смоленска", стр. 117.

обстоятельныя извѣстія объ устройствѣ этихъ училищъ, но можно съ увѣренностью полагать, что въ нихъ водворенъ былъ порядокъ школъ греческихъ, въ которыхъ получали образованіе пріѣзжавшіе къ намъ изъ Греціи „попы ученые“, и что греческій языкъ игралъ въ нихъ важную роль, какъ и многое греческое въ быту нашихъ предковъ со времени принятія христіанства. Что касается языка латинскаго, то преподаваніе его въ Смоленскихъ училищахъ обусловливалось торговыми связями смолянъ съ народами Запада, исповѣдовавшими въ то время исключительно латинскую вѣру, съ городами знаменитаго нѣкогда Ганзейскаго союза [1]).

Кромѣ этихъ училищъ съ преподаваніемъ греческаго и латинскаго языковъ, по словамъ историка Шлецера, въ Смоленскѣ имѣлась тогда и обширная рукописная библіотека, книгохранилище. Извѣстіе это онъ заимствовалъ изъ „Краткой Россійской Исторіи, изданной въ пользу народныхъ училищъ Россійской Имперіи въ 1799 г.“ и изъ другихъ какихъ-то сочиненій и напечаталъ въ Геттингенскихъ ученыхъ вѣдомостяхъ (Göttingische Anzeigen von gelehrten Sachen, 1801, стр. 344—350). Передавая вкратцѣ содержаніе названнаго учебника, Шлецеръ замѣчаетъ, что составитель его дѣлаетъ извѣстнымъ о тѣхъ временахъ (852—1462) многое, что доселѣ хранится еще въ рукописныхъ лѣтописяхъ, что его историческая метода вполнѣ научна, что въ этомъ

[1]) Въ составъ этого союза входили слѣдующіе нѣмецкіе города: Рига, Готландъ, Любекъ, Данцигъ, Мюнстеръ, Бременъ, Гренингенъ, Дортмундъ и нѣк. другіе. Драгоцѣнныя свѣдѣнія о торговыхъ сношеніяхъ Смоленска съ ними даетъ намъ извѣстный договоръ Мстислава Давидовича съ Ригою и Готландомъ, заключенный въ 1229 г., а равно и другіе дошедшіе до насъ торговые договоры смоленскихъ князей съ нѣмецкими городами. Эти договоры представляютъ великолѣпный матеріалъ для сужденія какъ о внутреннемъ устройствѣ Смоленскаго края первыхъ вѣковъ его исторической жизни, такъ и о гражданскомъ и нравственномъ развитіи его населенія, матеріалъ, къ сожалѣнію, еще недостаточно использованный нашими учеными (если не считать работъ академика Куника и проф. Голубевскаго).

періодѣ (отъ Рюрика до нашествія татаръ) образованность на Руси была на высшей степени, чѣмъ можно было бы ожидать: были князья, знавшіе греческій и другіе языки; около 1180 г. въ Смоленскѣ основано училище, въ которомъ обучали по-гречески и по-латыни, а при немъ библіотека, состоявшая болѣе, нежели изъ 1000 греческихъ книгъ и т. д. [1]).

Просвѣтительною дѣятельностью отличался, вѣроятно, и послѣдующій Смоленскій великій князь, „благовластный" Давидъ Ростиславичъ (1180—1198), который, по словамъ Татищева, „*любилъ книги читать* и память острую имѣлъ" [2]). Его заботамъ о просвѣщеніи и благоустройствѣ Смоленска принадлежитъ, между прочимъ, построеніе каменной церкви во имя архистратига Михаила, извѣстной въ наше время подъ именемъ Свирской [3]). Это былъ придворный великокняжескій храмъ, богато украшенный и отдѣланный съ такимъ вкусомъ и великолѣпіемъ, что, по замѣчанію лѣтописца, въ этомъ отношеніи съ нимъ не могла равняться ни одна церковь не только въ Смоленскѣ, но и во всей полунощной (Сѣверной) странѣ, и его „изрядной красотѣ" дивились всѣ современники [4]); а Татищевъ къ этому прибавляетъ, что даже „многіе иностранные приходили для смотрѣнія оной".

Любовь къ наукѣ и просвѣщенію была своего рода традиціей въ родѣ Владиміра Мономаха, самобытнаго и талантливаго писателя первой четверти XII в., который въ своемъ знаменитомъ „Поученіи" сдѣлалъ такое завѣщаніе

1) См. замѣчательную статью М. И. Сухомлинова: „О языкознаніи въ древней Россіи", напеч. въ *Ученыхъ Запискахъ Имп. Акад Наукъ*, кн. I, стр. 218—219 и прим. (СПБ., 1854 г.).

2) „Исторія Росс.", III, стр. 325.

3) Находится въ части города, именуемой слободою Свирской или *Сѣверской*, какъ думаетъ С. П. Писаревъ, исходя изъ того, что она построена была въ началѣ дороги, ведшей нѣкогда въ Сѣверскую (Черниговскую) землю.

4) Ипатьев. лѣт. подъ 1197 г.

своимъ потомкамъ относительно книжнаго ученія: „его же умѣючи, того не забывайте добраго, а его же не умѣючи, а тому ся учите: якоже бо отецъ мой, дома сѣдя, изумѣяше пять языкъ, въ томъ бо честь есть отъ инѣхъ земель“ 1). И Мономаховичи, осѣвшіе, начиная съ XII стол., въ Смоленскѣ, очевидно, свято соблюдали этотъ важный завѣтъ своего патріарха. Они окружали себя учеными людьми, учились сами и поддерживали просвѣщеніе въ своемъ княжествѣ: собирали столь цѣнныя въ то время и необходимыя книги, составляли библіотеки при церквахъ и монастыряхъ и устраивали при нихъ училища, не щадя на все это даже своихъ собственныхъ средствъ. Въ училищахъ же этихъ Смоленская молодежь училась не одной только грамотѣ, но также языкамъ греческому и латинскому, знаніе которыхъ необходимо было и для цѣлей чисто практическихъ, и для того, чтобы открыть себѣ путь къ дальнѣйшему совершенствованію, пріобрѣсти должную подготовку къ самостоятельной работѣ надъ собою по выходѣ изъ школы. И если населенію Смоленска, при его оживленныхъ сношеніяхъ съ Византіей и Ганзою, нужны были купцы, не только просто грамотные, а и основательно владѣющіе иноземными языками, то не менѣе нуждалось оно и въ хорошо образованныхъ священникахъ, истинныхъ пастыряхъ словеснаго стада, въ ученыхъ переводчикахъ и переписчикахъ, въ учителяхъ, въ судьяхъ и. т. п.

II.

Стремленіе великаго князя Смоленскаго Ростислава и его преемниковъ просвѣтить свою землю должно было принести извѣстные плоды. Уже въ концѣ XII в. изъ среды смоленскихъ гражданъ выходитъ замѣчательный дѣятель, имя котораго неразрывно связано съ исторіей просвѣщенія

1) Духовная великаго князя Владиміра Мономаха, СПБ. 1792, стр. 27—28.

нашего края. Это—преподобный *Авраамій,* одинъ изъ образованнѣйшихъ людей того времени, даровитый проповѣдникъ и народный учитель, первый настоятель нѣкогда славнаго монастыря съ церковью въ честь Положенія ризы Пресв. Богородицы, основаннаго въ княженіе Мстислава Романовича Стараго (1197—1214) и впослѣдствіи получившаго названіе Авраміевскаго. Жизнь и просвѣтительная дѣятельность этого выдающагося человѣка производила огромное впечатлѣніе на современниковъ и уже вскорѣ по кончинѣ его, въ первой половинѣ XIII в., довольно обстоятельно и живо была описана однимъ изъ его учениковъ, преп. Ефремомъ, въ формѣ такъ-называемаго *житія.* Правда, это подлинное жизнеописаніе преп. Авраамія, къ сожалѣнію, до насъ не дошло, но за то мы имѣемъ цѣлый рядъ списковъ съ него позднѣйшаго происхожденія, краснорѣчиво указывающій на значительное распространеніе его въ древней Руси, на глубокое уваженіе нашихъ предковъ къ личности смоленскаго просвѣтителя [1]). Во всякомъ случаѣ близость составленія житія святого ко времени его жизни и заключающіяся въ немъ данныя настолько цѣнны въ историческомъ отношеніи, что, при обозрѣніи постепеннаго хода культуры и просвѣщенія Смоленской земли, для того, чтобы уяснить

[1]) Списки жизнеописанія или, какъ въ старину выражались, „житія и терпѣнія" преп. Авраамія Смоленскаго были широко распространены на Руси. Нѣкоторые изъ нихъ, благодаря важному историческому значенію своему, давно уже изданы. Такъ, рукописное житіе преп. Авраамія, писанное въ г. Калугѣ въ XVI в. (1558 г.) и сохранившееся въ библіотекѣ Соловецкаго монастыря, напечатано еще въ 1858 г. редакціей „Православнаго Собесѣдника". Списокъ XVII в., хранящійся въ библіотекѣ Смоленской духовной семинаріи, напечатанъ въ „Смол. Епарх. Вѣд." за 1875 г. Затѣмъ это же житіе, правда, въ нѣсколько сокращенномъ видѣ, помѣщено въ извѣстной исторической хрестоматіи проф. Н. Я. Аристова. Наконецъ, недавно, въ „Смол. Епарх. Вѣд." за 1905 г. (№№ 11—17) опубликованъ Г. К. Бугославскимъ списокъ Сійскаго Антоніева монастыря (XVI в.), находящійся въ древнехранилищѣ Арханг. Епарх. Церковно-Археолог. Ком. и содержащій въ себѣ, сравнительно съ извѣстными уже списками, нѣсколько новыхъ и интересныхъ фактовъ изъ жизни преп. Авраамія. Не обнародованы ещё 3 списка этого житія, хранящіе-

себѣ различныя явленія духовной жизни тогдашнихъ смолянъ, чтобы судить о степени ихъ образованности, объ ихъ любознательности, о средствахъ для ея удовлетворенія и т. д., нельзя не остановиться болѣе или менѣе подробно на этомъ важномъ памятникѣ нашей древней словесности.

Преп. Авраамій, въ мірѣ Аѳанасій [1]), сынъ богатыхъ и знатныхъ родителей, съ раннихъ лѣтъ опредѣленъ былъ въ училище *„книгамъ учити“* и скоро выдѣлился тамъ среди сверстниковъ понятливостью и необычайнымъ прилежаніемъ. Особенно поражало всѣхъ то, что этотъ отрокъ чуждался дѣтскихъ игръ и забавъ и сызмала обнаруживалъ исключительную религіозность, влеченіе къ пѣнію и чтенію въ церкви, куда онъ являлся обыкновенно первымъ. Эту любовь къ церкви и къ чтенію „богодухновенныхъ“ книгъ и житій святыхъ, труды и подвиги которыхъ производили на него неотразимое впечатлѣніе, Авраамій сохранилъ и по достиженіи зрѣлаго возраста, когда наотрѣзъ отказался отъ предложенія родителей вступить въ бракъ, имѣя въ виду совершенно отрѣшиться отъ привязанностей мірской жизни и принять иноческій чинъ. Такъ онъ и сдѣлалъ, когда умерли родители: раздалъ доставшееся ему наслѣдство бѣднымъ вдовамъ, сиротамъ и черноризцамъ и, облекшись въ нищен-

---

ся въ Виленской публичной библіотекѣ: одинъ изъ нихъ, помѣщенный въ сборникѣ житій святыхъ XV в. подъ № 102, доставленъ туда изъ Жировицкаго монастыря (Гродн. губ.) и носитъ такое заглавіе: „житіе и терпѣніе преп. отца Авраамія, просвѣтившагося въ терпѣніи мнозѣ и новаго во святыхъ града Смоленска“; другой—въ прологѣ 1530 г., начатомъ въ г. Луцкѣ Волын. губ. и оконченномъ въ Дубенскомъ Введенскомъ м-рѣ—взятъ изъ Супрасльскаго м-ря (Гродн. же губ.); третій—въ сборникѣ житій святыхъ XVI в. подъ № 76. Кромѣ того, въ „Памятникахъ русской агіографіи“ Барсукова имѣются указанія на слѣдующіе списки житія преп. Авраамія Смоленскаго: 4 списка Новгородскіе (Софійскіе), изъ коихъ 3—XVI и 1—XVII в.; 2 сп. Троице-Сергіевой лавры, 1 сп. Костромскаго Богословскаго м-ря, Тихонравовскій списокъ XVII в., 5 списковъ Ундольскаго (2—XVI, 2—XVII и 1—XVIII в.) и, наконецъ, Толстовскій сп. XVI в.

[1]) См. житіе преп. Авраамія, напеч. Г. К. Бугославскимъ въ „Смол. Епарх. Вѣдом.“ за 1905 г. и отд. оттискъ.

ское платье, поступилъ въ монастырь Успенія Божіей Матери, находившійся въ 9 верстахъ отъ Смоленска, по направленію къ востоку, въ мѣстности, извѣстной тогда подъ именемъ *Селище* [1]. Но поступилъ онъ туда не съ тѣмъ только, чтобы вести жизнь отшельника: ему хотѣлось также дополнить свое школьное и домашнее образованіе, чтобы имѣть потомъ возможность и право учить и просвѣщать своихъ еще темныхъ, невѣжественныхъ согражданъ. А при монастырѣ, несомнѣнно, была значительная библіотека, да и самъ игуменъ Селищенскій оказался человѣкомъ весьма образованнымъ: „былъ хитръ божественнымъ книгамъ и вся свѣдый", такъ что „никто же не смѣя предъ нимъ отъ книгъ глаголати". Это обстоятельство, въ связи съ отдаленностью монастыря отъ города, повидимому, и было причиною поступленія Авраамія именно въ эту обитель. Съ еще большимъ, лихорадочнымъ жаромъ принялся онъ тамъ за чтеніе сокровищъ рукописной мудрости, стараясь при этомъ, подобно „дѣлолюбивой пчелѣ", собирающей сладкую пищу со всѣхъ цвѣтовъ, „вся отъ всѣхъ (книгъ) избирати и списати, ово своею рукою, ово многими писцы". Жизнеописатель Авраамія, человѣкъ очень книжный, указываетъ и авторовъ тѣхъ церковно-литературныхъ произведеній, которыя нашлись въ библіотекѣ Селищенскаго монастыря. То были преимущественно душеспасительныя, „богодухновенныя" книги Св. Писанія, житія и поученія св. подвижниковъ православной вѣры: Антонія Великаго, что близъ Іерусалима, ученика его и основателя иноческой жизни Илларіона, славнаго постника Саввы Освященнаго, Ефрема Сирина,

[1]) Въ спискѣ Сійскаго Антоніева монастыря, изд. Бугославскимъ, мѣсто это названо иначе: *Высоко-Сѣдалище* (см. „См. Епарх. Вѣд." за 1905 г.). Въ настоящее время этого Селищенскаго Успенскаго монастыря не существуетъ, и неизвѣстно, когда онъ исчезъ, а на томъ мѣстѣ расположилось село *Богородицкое* (по лѣвую сторону отъ Рославльскаго большака). Здѣсь указываютъ пещеру въ горѣ, гдѣ подвизался преп. Авраамій, и остатки древняго дуба, посаженнаго будто бы его руками.

Іоанна Златоустаго, Θеодосія Печерскаго и „прочая отеческая словеса и сказанія“.

Пытливый умъ Авраамія не могъ, однако, успокоиться на этомъ. Его интересовали не только дѣянія великихъ подвижниковъ вѣры, но и всѣ явленія окружающей жизни и природы. Изъ Греціи, Болгаріи и Сербіи приходила тогда на Русь масса такъ-называемыхъ апокрифическихъ или отреченныхъ сочиненій, гдѣ, кромѣ вопросовъ чисто-богословскихъ, трактовались и такіе, которые касались космологіи, психологіи и зоологіи. Русскіе книжники того времени, не находя въ подлинныхъ источникахъ христіанскаго ученія отвѣтовъ на многіе интересные вопросы, весьма охотно читали эти сочиненія. Они видѣли въ нихъ великую премудрость, „глубину морскую“, и называли апокрифы „глубинными“ или „голубиными“ книгами. Изъ житія видно, что Авраамій досталъ и перечиталъ и многія такія книги, и досталъ, повидимому, не безъ труда, такъ какъ всѣ подобныя сочиненія большинствомъ смоленскаго духовенства считались ужасною, преступною ересью. Перечитывая усердно, наравнѣ съ житіями, поученіями и вообще произведеніями святоотеческой литературы, и „глубинныя“ книги и считая все это небезполезнымъ для другихъ, Авраамій окружилъ себя *многими писцами* (грамотные люди въ Смоленскѣ считались, стало быть, не единицами) и поручилъ имъ переписывать наиболѣе любопытныя и важныя статьи изъ прочитаннаго.

Такимъ образомъ, Селищенскій монастырь былъ для Авраамія не только мѣстомъ заключенія отшельника отъ мірскихъ соблазновъ, а и высшей школою, въ которой онъ дополнилъ и усовершенствовалъ свое юношеское образованіе. Извѣстно, что наши древніе монастыри играли весьма важную роль въ дѣлѣ распространенія просвѣщенія и развитія книжной образованности на Руси. Это были, по выраженію начальнаго лѣтописца, „свѣтила, сіявшія на всю

Русь". Здѣсь народъ русскій учился всякому добру и „книжному почитанію"; сюда стремились лучшія духовныя силы народа, избранники его, становившіеся потомъ его учителями; здѣсь изготовлялись книги, столь цѣнныя въ тѣ времена и необходимыя для просвѣщенія. Словомъ, каждый монастырь самъ по себѣ былъ училищемъ, средоточіемъ умственной жизни, каждый создавалъ учителей для распространенія грамотности, для устройства новыхъ школъ. Совершенно справедливо поэтому извѣстное положеніе историка Погодина, что въ древней Руси „всякая епархія представляла собой какъ бы учебный округъ, всякій монастырь—гимназію, а всякая церковь—народное училище" [1]).

Около 1200 года приблизительно, когда Авраамію минуло 30 лѣтъ, игуменъ Селищенскаго Успенскаго монастыря убѣдилъ его принять священный санъ, причемъ предложилъ ему вмѣстѣ и должность духовника и дозволилъ проповѣдовать въ храмѣ. Съ этого момента Авраамій какъ будто весь переродился. Ему стало тѣсно и душно въ одинокой пещерѣ; онъ вышелъ изъ „молчальныя кельи" и сталъ народнымъ ораторомъ-учителемъ, „корабленникомъ и кормчимъ ведуща путь и пристанища ихъ". Селищенскій монастырь скоро превратился въ аудиторію, куда стекались и „князи и вельможи, свободные и рабы, и рукодѣльные (рабочіе) люди". Авраамій, по словамъ автора его житія, его же ученика, имѣлъ необыкновенный даръ слова и обладалъ искусствомъ объяснять Св. Писаніе такъ просто и удобопонятно, что его понимали даже самые простые и неразвитые люди. Не пропуская ни одного дня безъ совершенія литургіи и проповѣданія слова Божія, преподобный, кромѣ того, приглашалъ слушателей къ себѣ, въ келью, объяснялъ и читалъ все то, что интересовало ихъ, что будило ихъ мысль и чувства. Изъ устъ его алчущіе свѣта и знанія смоляне,

---

[1]) „Древняя русская исторія М. П. Погодина, II, стр. 661.

быть можетъ, впервые услышали живое слово, которое открывало имъ новый, невѣдомый міръ и „всѣхъ приходящихъ плѣняя души и смыслъ“ (по выраженію житія), способствовало ихъ нравственному возвышенію.

Исторія сохранила намъ, къ сожалѣнію, только одно слово Авраамія, случайно найденное академикомъ Шевыревымъ въ Волоколамскомъ монастырѣ. Это—„Слово о небесныхъ силахъ, чесо ради созданъ бысть человѣкъ“, или „о 12 мытарствахъ“, сказанное имъ на день архистр. Михаила [1]). По своему содержанію, оно весьма характерно. Въ немъ Авраамій развиваетъ ту мысль, что „мы созданы не для того, чтобы ѣсть, пить и одѣваться въ красивыя одежды, а для того, чтобы угодить Богу“...; при томъ же „жизнь земная есть война, и если для войны съ другимъ народомъ нужно не только оружіе, но и знанія опытныя, то тѣмъ болѣе для брани духовной нужно учиться многому у опытныхъ св. мужей, нужно узнать отъ нихъ, какое духовное оружіе полезно въ какомъ случаѣ“. Это—та же борьба, а для успѣшнаго веденія ея Авраамій видѣлъ только одно средство, одно „оружіе“—знаніе.

Своимъ ученіемъ Авраамій пріобрѣталъ себѣ множество друзей, но въ то же время и число враговъ его день ото дня увеличивалось. Даже самъ игуменъ Селищенскій, который прежде такъ горячо поддерживалъ Авраамія въ его стремленіяхъ и ставилъ въ примѣръ братіи, теперь, съ возвышеніемъ его популярности, возненавидѣлъ его и запретилъ ему учить народъ. Видя нелюбовь къ себѣ братіи, озлобленіе игумена и желая въ то же время расширить районъ своей дѣятельности, Авраамій покинулъ Селищенскій монастырь и переселился въ другой, малый и бѣдный, нынѣ не существующій, а тогда находившійся на противоположной Смоленску сто-

---

[1]) „Исторія др. русской словесности“ С. П. Шевырева, Сп.-Б. 1887 г., ч. III, стр. 214, и въ предисл. стр. VII.

ронѣ Днѣпра, на Печерской горѣ, въ Садкахъ. Скромная обитель эта называлась монастыремъ *Честнаго Креста* [1]). Здѣсь Авраамій съ еще большей энергіей принялся за свое любимое дѣло. Возрасла и слава талантливаго проповѣдника. Чуть не весь городъ устремился къ нему, ища назиданій и разъясненій истинъ вѣры, „бѣ бо блаженный хитръ прочитати, и дасть ему Богъ благость не токмо прочитати, но и *протолковати,* якоже всѣмъ разумѣти отъ него сказанное, *изъ устъ и памятію сказуя*". Смоленскихъ горожанъ привлекало туда и мелодичное церковное пѣніе, о лучшей постановкѣ котораго также заботился Авраамій, полюбившій его еще съ дѣтства [2]). Монастырь, прежде нуждавшійся во многомъ, теперь, благодаря доброхотнымъ пожертвованіямъ, сталъ украшаться иконами, завѣсами и свѣчами, стали переписываться рукописи, заводиться библіотека. Біографъ Авраамія, Ефремъ, передаетъ, что преподобный былъ свѣдущъ и въ живописи. Онъ собственноручно написалъ для монастыря двѣ иконы: одну, изображавшую *Страшный судъ второго пришествія,* а другую—*испытаніе воздушныхъ мытарствъ, ихъ же всѣмъ нѣсть избѣжати.* Навыкъ къ этому искусству онъ могъ пріобрѣсти при перепискѣ рукописей и копировкѣ ихъ рисунковъ. Вполнѣ вѣроятно, поэтому, предположеніе проф. Буслаева, что Авраамій былъ основателемъ школы переписчиковъ и иконописцевъ въ Смоленскѣ [3]). О дальнѣйшемъ развитіи рисованія и живописи сре-

---

[1]) Писаревъ: „Памятная книга г. Смоленска", стр. 133, а также 178—179; Орловскій: „Достопамятности Смоленска", стр. 39.—Слѣды этого монастыря видны еще и теперь въ землѣ у кладбищенской церкви свв. Гурія, Самона и Авива, а память о немъ воскрешена Крестовоздвиженскою церковью, воздвигнутою въ концѣ XVIII в. и находящеюся уже подъ Печерскою горою, ближе къ городу.

[2]) Установленіе въ Смоленскѣ традиціи хорошаго церковнаго пѣнія принадлежитъ первому Смоленскому епископу Мануилу, который въ лѣтописномъ извѣстіи характеризуется „пѣвцомъ гораздымъ", т. е. большимъ любителемъ и знатокомъ духовной музыки.

[3]) „Историческіе очерки" Ѳ. И. Буслаева, т. II, стр. 119.

ди, смолянъ намъ еще придется говорить ниже. Наконецъ, есть основаніе думать, что преподобный былъ не только художникъ-живописецъ, но также и поэтъ, умѣвшій изливать свои мысли и чувства въ стихотворной формѣ. Такъ, въ одномъ рукописномъ синодикѣ „о пособіи мертвымъ" на картинкахъ имѣются стихи, заимствованные изъ сочиненія Авраамія: „О небесныхъ силахъ, или о 12 мытарствахъ" [1]).

Зависть и злоба невѣжества не оставили Авраамія и въ Крестовоздвиженской обители. Смоленскіе „іереи и черноризцы, наученные отъ дьявола, сотворили на него спиру", клеветами и сплетнями старались отвлечь отъ него народъ и, когда это не помогло, обратились съ доносомъ на него къ епископу. Въ его бесѣдахъ и поученіяхъ къ народу они находили ересь, обвиняли въ чтеніи книгъ съ языческою мудростью („глубинныхъ"), утверждали, что ведетъ распутную жизнь, кричали о растлѣвающемъ вліяніи его даже на дѣтей. Словомъ, предъявлены были самыя тяжкія обвиненія и требованіе или заточить Авраамія въ темницу, или къ *снѣту* (позорному столбу) пригвоздить и сжечь, или утопить въ Днѣпрѣ, проведя сквозь весь городъ. Чтобы удовлетворить возбужденное духовенство, собравшееся цѣлой толпой на архіерейскомъ дворѣ, тогдашній епископъ Игнатій послалъ слугъ своихъ привести Авраамія на „снемъ" (сонмъ, вѣчевой судъ). Страшныя оскорбленія пришлось вынести энергичному просвѣтителю народному, когда посланные волокли его, какъ злодѣя съ позоромъ „по торгу и по улицамъ", среди взволнованнаго населенія, на соборную гору. Были только два человѣка изъ смоленскаго духовенства, которые сочувствовали Авраамію, признавали его дѣятельность полезною—это Лазарь, іеромонахъ Борисоглѣбскаго монастыря, и священникъ придворной княжеской церкви Св.

[1]) См. статью И. Красноперова: „Общинно-вѣчевой строй и просвѣщеніе въ Смоленскомъ княжествѣ въ XII и XIII вв." въ журналѣ „Міръ Божій" за 1893 г., № 12 стр. 31.

Архангела Михаила, Лука Прусинъ [1]). Послѣдній сказалъ горячее слово въ защиту страдальца и убѣдилъ князя и вельможъ, бывшихъ у епископа, въ его полной невинности, такъ что послѣдніе, испросивъ прощенія у Авраамія за напрасную обиду, скоро удалились со „снема".

Безспорно, это одинъ изъ интереснѣйшихъ эпизодовъ въ исторіи древне-русскаго просвѣщенія. Духовенство хотѣло осудить полезнаго дѣятеля на смерть, а народъ, въ лицѣ лучшихъ своихъ представителей, вспомнилъ на вѣчѣ великое добро, которымъ онъ обязанъ былъ своему учителю, и единодушно оправдалъ его вмѣстѣ съ учениками при громкихъ крикахъ: „Неповинни, неповинни!"...

Право окончательнаго приговора по этому *духовному* дѣлу принадлежало, однако, епископу, который не рѣшился дѣйствовать совершенно наперекоръ озлобленному духовенству и на слѣдующій же день, для прекращенія волненій, распорядился перевести Авраамія обратно, въ Селищенскій Богородицкій монастырь, воспретивъ ему вмѣстѣ съ тѣмъ совершать литургію и учить народъ. А чтобы никто не проникалъ въ его келью, не только у ограды монастыря, но и на всѣхъ путяхъ къ нему были разставлены „многіе *мечники*". Мало того, по утвержденію жизнеописателя Авраамія, нѣкоторые изъ тѣхъ, которые стояли за него на вѣчѣ, были или разграблены, или убиты руками „безчинныхъ поповъ и игуменовъ".

Не вдругъ, конечно, былъ освобожденъ изъ-подъ стражи Авраамій, и была снята съ нею тягостная епитимія. Прошло нѣсколько лѣтъ. Страсти улеглись. Духовенство, не тревожимое больше конкуренціей и обличеніями Авраамія, мало-по-малу успокоилось и принялось за прежнія „дѣла

---

[1]) По мнѣнію Буслаева, свящ. Лука Прусинъ—западнаго происхожденія, т. е. пришлецъ изъ чужой земли, натурализованный смоленскій гражданинъ („Историч. очерки", т. II, стр. 118).

злыхъ грѣховъ". Тогда къ епископу Игнатію явился упомянутый іеромонахъ Лазарь и вдохновенною рѣчью сталъ предостерегать владыку, что можетъ послѣдовать на городъ великое отъ Бога испытаніе, если онъ не сниметъ съ Авраамія отлученія, наложеннаго на него несправедливо, и не заставитъ духовенство прекратить злорѣчіе на преподобнаго [1]). Дѣйствительно, многихъ изъ клеветниковъ вскорѣ постигла внезапная, преждевременная смерть, а во всей области Смоленской началось „великое бездождіе", сопровождавшееся страшной засухой и неурожаемъ. Всѣ вспомнили о Богѣ. Предпринята была всенародная молитва: самъ епископъ Игнатій „со своимъ клиромъ, съ богобоязливыми игуменами, іереями, дьяконами и черноризцами, и со всѣми горажанами отъ мала до велика, обходя вокругъ всего города съ честными кресты и со *иконою Богородицы, держащи Господа,* и съ святыми мощами, съ умиленіемъ и слезами просили Бога помиловать народъ, отвратить отъ него праведный гнѣвъ и одождить лице земли" [2]). Но дождя не было, и „быша вси въ печали велицѣ". Снова приходитъ къ епископу іерей Лазарь и говоритъ: „Вотъ мы всѣ молились, и не послушалъ насъ Богъ. Не оттого ли гнѣвъ Божій на насъ, что Авраамію запрещено безъ всякой его вины священнодѣйствіе?" Немедленно послалъ Игнатій за Аврааміемъ и, окончательно убѣдившись изъ его словъ, что оклеветанъ

---

[1]) Этотъ іеромонахъ Лазарь, какъ полагаютъ Смоленскіе историки, былъ преемникомъ Игнатія по епископской каѳедрѣ. См. у Писарева въ обоихъ его сочиненіяхъ и особенно въ брошюрѣ Е. И. Кашпровскаго: „Учрежденіе Смоленской епископіи" (Кіевъ, 1896 г.).

[2]) Подъ иконою *Богородицы, держащи Господа,* очевидно, разумѣется здѣсь главная святыня нашего города—чудотворный образъ Божіей Матери Одигитріи, находящійся и нынѣ въ каѳедральномъ соборѣ и принесенный въ Смоленскъ Владиміромъ Мономахомъ въ началѣ XII в. (послѣ извѣстнаго похода на Половцевъ въ 1103 г.). Цитирую данное мѣсто по списку Антоніева Сійскаго м—ря, опубликованному Г. К. Бугославскимъ, ибо тамъ оно представляется менѣе испорченнымъ переписчиками, чѣмъ въ другихъ спискахъ.

былъ онъ изъ зависти и злобы, попросилъ у преподобнаго прощенія за наложенную „по невѣдѣнію“ эпитимію и повелѣлъ ему совершить литургію и помолиться, чтобы Господь послалъ на землю обильный дождь. Замѣчателенъ полный смиренія, но и сознанія своей правоты отвѣтъ Авраамія, котораго завистники выставляли передъ епископомъ чуть ли не *пророкомъ* и *волхвомъ*: „Вѣдь я обыкновенный смертный и грѣшный человѣкъ. Зачѣмъ же ты возлагаешь на меня, что выше силъ моихъ? Ты, святитель, первый долженъ молиться о порученномъ тебѣ Богомъ стадѣ словесныхъ овецъ. Но да будетъ воля Божія о всѣхъ насъ!“ И дѣйствительно, не успѣлъ еще Авраамій дойти до своей кельи, какъ, по молитвѣ его, пошелъ сильный дождь, „богатно“ оросилъ землю, и „бысть многа радость во градѣ“.

Вмѣстѣ съ разрѣшеніемъ Авраамію отправленія богослуженія снято было съ него и запрещеніе учить народъ. И съ того времени начали посѣщать преподобнаго всѣ смоленскіе граждане, и еще болѣе „просвѣтился онъ во благости Христовой“.

Черезъ нѣсколько времени епископъ Игнатій основалъ монастырь во имя положенія ризы Богородицы невдалекѣ отъ города, на огородахъ, и, по совѣту старѣйшаго соборнаго протопопа Георгія, настоятельство въ немъ поручилъ преп. Авраамію [1]. Теперь, когда уже не было препятствій слушать великаго учителя, народъ цѣлыми толпами сталъ

[1]) По словамъ житія, епископъ сначала поставилъ тамъ, скупивъ для того предварительно „овощныя ограды“, небольшую церковь во имя своего тезоименитаго св. Игнатія Богоносца, а затѣмъ, разобравъ ее, перевелъ, на „ино мѣсто“, а здѣсь основалъ большой храмъ во имя положенія ризы и пояса Пресв. Богородицы и при немъ содержалъ на свои средства монаховъ. Событіе это произошло въ началѣ XIII в., въ княженіе внука основателя величія Смоленскаго княжества Ростислава, Мстислава Романовича, княжившаго въ Смоленскѣ съ 23 апрѣля 1197 г. до 1214 года, затѣмъ въ Кіевѣ, въ качествѣ князя котораго онъ палъ въ битвѣ на Калкѣ. (См. лѣт. по Ипат. сп., стр. 471—472; 1-ая Новг. лѣт., стр. 196—197; лѣт. по Лавр. сп., стр. 422).

собираться вокругъ него, чтобы получить совѣтъ и утѣшеніе въ нуждахъ житейскихъ. Новая обитель, какъ прежде Крестовоздвиженскій монастырь, скоро „украсилась, яко невѣста Христова, иконами и завѣсами, и свѣщами, и книгами". Не мало было лицъ, выражавшихъ желаніе постричься здѣсь въ черноризцы, но настоятель принималъ немногихъ да и то послѣ „великаго испытанія по книгамъ". Здѣсь же поселился и Игнатій, оставившій управленіе смоленскою епархіей по старости лѣтъ и вскорѣ затѣмъ скончавшійся. За нимъ сталъ ожидать „разлученія души отъ тѣла" и Авраамій. Обстоятельства жизни рано состарили и истощили его организмъ. Его тѣло представляло собой совершенный скелетъ, и хотя онъ былъ еще не старъ, всего лѣтъ подъ 50 или немного больше, но представлялся уже старикомъ съ головой, почти совершенно лишенной волось, и исчерна-сѣдой бородой [1]. Умеръ онъ или въ послѣднемъ году княженія Владиміра Рюриковича (1214—1219) или въ самомъ началѣ княженія Мстислава Романовича (1219—1230), вскорѣ послѣ удаленія съ каѳедры защитника его, епископа Лазаря, и погребенъ въ своемъ монастырѣ [2].

Вліяніе жизни и просвѣтительной дѣятельности Авраамія на смолянъ было громадно. Едва только закрылъ онъ глаза, какъ народъ и гонители его признали его святымъ, и ко времени татарскаго нашествія ему и ученику его Ефрему (который тоже мѣстно почитался святымъ и „смоленскимъ чудотворцемъ", хотя впослѣдствіи и не канонизованнымъ

---

[1]) Барсуковъ: „Источники русской агіографіи", Сп.-Б. 1882 г., стр. 8—30; также Голубовскій: „Исторія Смол. земли до XV в.", стр. 250.

[2]) Нетлѣнныя мощи преп. Авраамія почивали въ монастырскомъ храмѣ до разоренія Смоленска поляками въ 1611 г. и затѣмъ скрыты неизвѣстно гдѣ. (См. „Исторію гор. Смоленска" св. Н. А. Мурзакевича въ изд. И. И. Орловскаго, стр. 95; также „Памятную книгу г. Смоленска" С. П. Писарева, стр. 137—138).

церковью) была составлена особая служба [1]). Оба они, подобно св. Софіи у новгородцевъ, долго служили смолянамъ заступниками и защитниками во всѣхъ ихъ несчастіяхъ. Въ 1608 г., предъ нашествіемъ на Смоленскъ поляковъ смоляне писали, что „обѣщались они Господу и угодникамъ: Меркурію, Авраамію и Ефрему стоять за домъ Богоматери до смерти [2]).

Таково содержаніе „житія и терпѣнія преп. Авраамія Смоленскаго", принадлежащаго перу *ученика* его Ефрема (какъ послѣдній самъ заявляетъ объ этомъ въ своемъ послѣсловіи). Изъ многихъ мѣстъ этого произведенія видно, что писалъ онъ его въ промежутокъ между первымъ и вторымъ нашествіемъ татаръ на Русь (1224—1237 г.г.) и въ своемъ повѣствованіи опирался на собственныхъ воспоминаніяхъ и на разсказахъ современниковъ-очевидцевъ. Слѣдовательно, показанія его имѣютъ безспорную историческую цѣнность и, какъ мы видѣли, ярко рисуютъ умственное состояніе тогдашняго смоленскаго общества, его религіозно-нравственный бытъ, культурныя потребности и т. п. Сверхъ того, въ „житіи" мы видимъ множество цитатъ и ссылокъ на различныя литературныя произведенія (слова, поученія, изборники, апокрифы и проч.), которыя были тогда въ обращеніи въ Смоленскѣ. Само оно начинается предисловіемъ, написаннымъ по образцу „житія Ѳеодосія Печерскаго" преп. Нестора Лѣтописца, съ дословною выпискою изъ послѣдняго,

---

1) Филимоновъ: „Иконописный подлинникъ", стр. 67; то же см. въ Сборн. Новгор. Соф. библ., № 322. Впрочемъ, и преп. Авраамій оффиціально былъ причтенъ церковью къ лику святыхъ только съ 1549 г. Въ „уставѣ церковныхъ обрядовъ", совершающихся въ Московскомъ Успенскомъ соборѣ, читаемъ объ этомъ такъ: „въ 20 день августа Авраамію Смоленскому пѣти: трезвонъ средній, благовѣсть въ лебедь" (Тимоѳеевъ, *Русск. Истор. Библ.*, III, 162).

2) Погодинъ: „Древн. русск. исторія", стр. 643—645. Также см. въ „Смол. Вѣстн." за 1882 г. статью И. М. Красноперова: „Просвѣщеніе въ древнемъ Смоленскомъ княжествѣ XII—XIII вв.", или въ „Мірѣ Божіемъ" за 1893 г. его же статью: „Общинно-вѣчевой строй и просвѣщ. въ Смол. княж." (№ 12).

а окончаніе его отражаетъ несомнѣнное вліяніе сочиненій Ефрема Сирина, аскетическіе идеалы котораго пользовались особеннымъ уваженіемъ среди тогдашняго монашествующаго духовенства. Все это какъ нельзя лучше характеризуетъ основательное знакомство автора Авраамія житія, Ефрема, какъ съ русскими сказаніями и житіями, составленными въ Кіевѣ, такъ и съ литературою византійской, святоотеческой, его громадную начитанность, которую онъ пріобрѣлъ, несомнѣнно, подъ руководствомъ своего высоко образованнаго и даровитаго учителя. Наконецъ, заслуживаетъ вниманія и самый способъ изложенія, его непосредственность и простота, а вмѣстѣ съ тѣмъ бойкій, живой, прекрасно выработанный стиль.

Богатствомъ содержанія, простотою изложенія и замѣчательно гладкою литературною отдѣлкою отличается и другой памятникъ смоленскаго творчества—*„Повѣсть о святомъ и побѣдоносномъ мученикѣ Меркуріи, чудотворцѣ Смоленскомъ“*, относящійся къ своей первоначальной редакціи къ концу XIII в. и разсказывающая о нашествіи около того времени татаръ на Смоленскъ. Повѣсть эта, какъ и „житіе преп. Авраамія“, дошла до насъ въ нѣсколькихъ спискахъ XVI и XVII в.в. и помѣщается, между прочимъ, въ рукописномъ сборникѣ, хранящемся въ библіотекѣ Авраміевскаго монастыря. [1]) По своему содержанію и характеру творчества

[1]) Сборникъ этотъ относится къ XVII в. и состоитъ изъ 5 отдѣловъ 1) службы преп. Авраамію Смоленскому, 2) житія и терпѣнія его, 3) похвалы преп. Авраамію и пресв. Богородицѣ, 4) службы св. Меркурію Смоленскому и 5) повѣсти о св. мученикѣ Меркуріи. Изъ другихъ сборниковъ, содержащихъ въ себѣ списки сказанія о св. Меркуріи Смоленскомъ, Буслаевъ называетъ: *Великія Четьи Минеи* митроп. Макарія (XVI в.), *Синодальный Цвѣтникъ* нѣкоего Жюлева (рукопись 1665 г., хранящаяся въ Москов. Синод. Библ. подъ № 908 и признаваемая наиболѣе древней изъ дошедшихъ редакцій повѣсти), *Синодальный Сборникъ* XVII в. (№ 850) и *„Книгу, глаголемую о россійскихъ святыхъ“* (рукопись XVII в., принадлежавшая извѣстному археологу графу А. С. Уварову). Есть еще списки Милютинскихъ Миней (въ Москов. Архивѣ Иностр. Дѣлъ, №№ 470 и 797), кн. Оболенскаго (въ томъ же Архивѣ, № 91),

она, по словамъ А. Н. Пыпина, представляетъ собою одно изъ замѣчательнѣйшихъ произведеній оригинальной русской литературы Монгольскаго періода и едва ли не лучшее изъ всѣхъ сказаній о татарщинѣ. Несмотря на то, что мы читаемъ эту повѣсть по спискамъ сравнительно поздняго времени, въ ней еще со всею ясностью слышатся отголоски и древнихъ народныхъ эпическихъ преданій, и древней народной лирики. Вообще она принадлежитъ, по крайней мѣрѣ, въ нѣкоторой своей части, къ тому чисто народному творчеству, которое въ болѣе ранній періодъ создало знаменитое „Слово о полку Игоревѣ", а позднѣе „Сказаніе о Мамаевомъ побоищѣ" или „Задонщину".

Въ виду столь важнаго литературнаго значенія „Повѣсти о св. Меркуріи Смоленскомъ", она неоднократно останавливала на себѣ вниманіе ученаго міра, и къ настоящему времени мы имѣемъ три превосходныхъ изслѣдованія ея въ трудахъ извѣстнаго академика Ѳ. И. Буслаева, смоленскаго историка С. П. Писарева и приватъ-доцента Харьковскаго университета А. П. Кадлубовскаго. Первый, какъ историкъ литературы, обслѣдовалъ повѣсть исключительно со стороны историко-филологической и эстетической и въ конечномъ выводѣ своемъ поставилъ ее на одно изъ наиболѣе видныхъ мѣстъ въ древне-русской словесности, какъ въ силу присутствія въ ней многихъ поэтическихъ чертъ, такъ и въ виду ясно выраженнаго въ ней развитаго

Ундольскаго (№ 1254), Кіевской Духовной Академіи—изъ поступившихъ въ ея библіотеку рукописей митроп. Макарія Булгакова (№ 26, по описанію проф. Н. И. Петрова) и друг. Одна изъ редакцій повѣсти перепечатана изъ Костромской лѣтописи въ „Исторіи г. Смоленска" П. Никитина (М. 1847 г.), въ прил. V. Сверхъ того, Г. К. Бугославскому недавно удалось отыскать еще два списка сказанія о св. Меркуріи, почти тождественныхъ съ уже извѣстными: въ рукописномъ „Прологѣ" (за ноябрь мѣс.) и въ „Сборникѣ Постномъ". Оба списка составлены въ XVI в., принадлежали раньше Сійскому Антоніеву монастырю, а нынѣ хранятся въ библіотекѣ Архангельскаго Церк.-Археолог. Ком. Эту новую редакцію „Сказанія о св. Меркуріи" Бугославскій напечаталъ въ „Смол. Епарх. Вѣд." за 1907 годъ.

національнаго самосознанія [1]). Второй, какъ изслѣдователь Смоленской старины, остановился преимущественно на анализѣ историческаго событія, положеннаго въ основу сказанія, съ цѣлію возстановить обстоятельства нашествія татаръ на Смоленскъ въ томъ видѣ, какъ они могли быть въ дѣйствительности [2]). Послѣдній же, г. Кадлубовскій, подвергъ пересмотру легендарныя черты сказанія о св. Меркуріи, обслѣдованныя ранѣе Буслаевымъ и Писаревымъ, и превосходно выяснилъ ихъ происхожденіе и самый процессъ сложенія повѣсти, чѣмъ дополнилъ и во многомъ исправилъ общую характеристику произведенія, сдѣланную его предшественниками [3]).

Среди довольно значительнаго числа дошедшихъ до насъ списковъ „Повѣсти о св. Меркуріи“ можно выдѣлить двѣ основныхъ редакціи: одну, древнюю и краткую, составленную какимъ-нибудь книжнымъ человѣкомъ непосредственно по живымъ эпическимъ преданіямъ народа, которую Буслаевъ называетъ поэтому *народною*, и другую, представляющую позднѣйшую ея передѣлку, болѣе полную и въ виду этого называемую тѣмъ же ученымъ *литературною*. Переходнымъ пунктомъ между этими редакціями считается составленіе похвалы св. Меркурію и церковныхъ пѣснопѣній или стиховъ въ честь его, происшедшее, по словамъ Буслаева, въ самомъ началѣ XVI в., при епископѣ смоленскомъ Варсонофіи, и отличающееся нѣсколько большимъ количе-

---

1) „Историческіе очерки русской народной словесности и искусства“ Ѳ. Буслаева, т. II, стр. 155—198 (статья: „Смоленская легенда о св. Меркуріи и Ростовская о Петрѣ, царевичѣ Ордынскимъ“).

2) См. статью С. П. Писарева: „Рукописный памятникъ Смоленскаго Аврааміева монастыря“ (въ „Филолог. Запискахъ“ 1881 г., вып. I, и 1882 г., вв. II—III и V).

3) „Очерки изъ исторіи древне-русской литературы житій святыхъ“ Арс. Кадлубовскаго (оттискъ изъ „Русскаго Филологич. Вѣстника“ за 1901 г.)—см. статью 2-ую: „Великомученикъ Меркурій Кессарійскій и мученикъ Меркурій Смоленскій“, стр. 44—107.

ствомъ фактическихъ данныхъ, чѣмъ редакція первоначальная. Разница между этими редакціями въ общемъ та, что первая изъ нихъ характеризуется значительной свободой фантазіи и, подобно „житію преп. Авраамія", богата бытовыми чертами, а во второй, предназначавшейся, повидимому, для поученія и спасенія души, проглядываетъ и тенденція автора, исключительное примѣненіе его къ извѣстной цѣли, и, соотвѣтственно съ этимъ, систематическая литературная отдѣлка, нѣкоторая искусственность въ изложеніи и весьма замѣтная витіеватость стиля. Все это, конечно, даетъ намъ основаніе для сужденія и о литературномъ развитіи составителей „сказанія о св. Меркуріи", и о степени просвѣщенія извѣстной эпохи вообще.

„Повѣсть о св. Меркуріи", если говорить о ея содержаніи по полной или *литературной* редакціи, состоитъ изъ вступленія и двухъ частей. Какъ видно изъ вступленія, главная цѣль автора заключалась въ томъ, чтобы напомнить смолянамъ о великомъ чудѣ, совершившемся надъ ихъ городомъ въ тяжелую годину татарскаго нашествія, какъ о доказательствѣ постояннаго покровительства Смоленску Божіей Матери. „Точію—говоритъ онъ—должны есмы сіе хранити, яко да всегда въ памяти содержимъ сія великія и неизреченныя дары Бога Вседержителя". По мнѣнію проф. Голубовскаго, это вступленіе напоминаетъ проповѣдь, которая, будучи произнесена по какому-нибудь случаю, могла побудить человѣка набожнаго и книжнаго къ составленію всей повѣсти о св. Меркуріи [1]). Да и не подлежитъ сомнѣнію, что составителемъ ея было лицо духовное и, по всей вѣроятности, членъ причта (клирикъ) древняго Успенскаго собора, гдѣ съ давнихъ поръ находится чудотворный образъ Смоленской Божіей Матери Одигитріи. Въ первой части повѣсти разсказывается о „лютѣйшемъ

---

1) „Исторія Смол. земли до начала XV ст."; стр. 249.

нахожденіи злыхъ варваръ“ на „мать русскихъ городовъ“ (т. е. на Кіевъ) и на всю православную Русь, затѣмъ выясняются причины этого „попущенія и гнѣва Божія“, и, наконецъ, въ живыхъ и яркихъ краскахъ описываются страшныя бѣдствія, постигшія русскій народъ вслѣдствіе нашествія татаръ. Видя эти бѣдствія, „восплакалась *земля* (Русская), яко нѣкая чадолюбивая мать, жерломъ (голосомъ) глаголюще, стоняше: Сынове рустіи! какъ же мнѣ оставить васъ, чада любимыя, прогнѣвавшія Господа своего и моего творца Христа Бога? Вижу васъ отъ пазуху (груди) моей отторгаемыхъ, въ поганскія (языческія) руки немилостивно впадшихъ праведнымъ судомъ Божіимъ и рабское иго имущихъ на плечахъ своихъ. И стала я бѣдная вдова: о комъ же прежде буду я сѣтовать—о мужѣ или о любимыхъ чадахъ? Вдовство мое—запустѣніе монастырямъ и святымъ церквамъ и многимъ городамъ. Не терпля жалости моей, лютой сей бѣды, возопію ко Творцу общему Господу Богу: Боже сотворивый вся и содѣтелю всѣхъ! призри беззаконіе людей своихъ, милосердно помилуй и утоли праведный гнѣвъ свой и возврати ихъ, да вторицею наслѣдятъ мя повелѣніемъ твоимъ, Господи!“. За этимъ плачемъ матери-земли, полнымъ искренняго лиризма, весьма напоминающимъ соотвѣтственное мѣсто въ „Словѣ о полку Игоревѣ“ и отразившимся даже въ церковныхъ стихахъ въ честь св. Меркурія, авторъ переходитъ прямо къ разсказу о „дивномъ заступленіи“ Богородицы, умолившей сына своего, Христа Бога нашего, избавить Смоленскъ отъ того же „плѣненія и злаго мучительства“. Въ такомъ быстромъ переходѣ отъ земли къ Богоматери, Небесной заступницѣ города Смоленска и всей земли русской, Буслаевъ видитъ символическій смыслъ, соединеніе древнѣйшаго миѳическаго представленія о величавой фигурѣ матери-земли съ новыми христіанскими воззрѣніями, навѣянными священными изображеніями византійскаго искусства и литературы. „Въ

этомъ восторженномъ лиризмѣ сказанія—говоритъ онъ—ясно чувствуется, какъ *мать-сыра-земля,* эта земная мать всѣхъ людей, оплакивающая чадъ своихъ, смиренно передаетъ свое заступничество *Матери Небесной,* взявшей подъ свой надежный покровъ всѣхъ православныхъ христіанъ“ [1]). Во второй части сказанія и излагается именно это заступничество Пресв. Богородицы, явленное смолянамъ черезъ таинственное посредство чудотворнаго образа Ея и выразившееся въ геройскомъ подвигѣ св. Меркурія, который, по повелѣнію Ея, отразилъ татарскія полчища отъ Смоленска. Содержаніе этой части слѣдующее.

На богоспасаемый градъ Смоленскъ умыслилъ тайное нашествіе злой мучитель и ненасытный кровопролійца Батый; съ нимъ былъ могучій богатырь (исполинъ) съ сыномъ своимъ. Но не допустила до поруганія свой городъ Богородица, крѣпкая его заступница и нератная помощница. Въ глубокую полночь Она явилась отъ святой иконы своей пономарю, или церковному стражу, и, указавъ ему дворъ благочестиваго воина Меркурія, находившійся во градѣ, на Подоліи, повелѣла позвать послѣдняго „во всемъ воинскомъ подобіи“ его въ Ея „домъ“ (т. е. въ соборную церковь). Тотчасъ же отправился пономарь на показанное мѣсто и нашелъ Меркурія стоящимъ среди своего двора въ полномъ вооруженіи и съ воздѣтыми къ небу руками молящимся Господу Богу и Пречистой Его Матери, ибо и до пришествія пономаря ему явлено было свыше о посланіи и побѣдѣ. Когда пономарь исполнилъ повелѣніе Богородицы, Меркурій, отворивъ ворота, вышелъ и отправился съ нимъ на соборную гору. И пришли они въ церковь Богородичну, и палъ Меркурій предъ чудотворною иконою и молился „съ великимъ захлипаніемъ слезнымъ“. Тогда отъ иконы послышался гласъ:

---

[1]) „Истор. очерки русской слов. и искусства“, т. II, стр. 179—182, а также 192—193.

„Угодниче Мой Меркуріе! Азъ посылаю тя оборонити домъ Мой! Азъ бо тя на сіе призвахъ, раба Моего“.

По мнѣнію А. П. Кадлубовскаго, все это мѣсто „Сказанія о св. Меркуріи Смоленскомъ“ навѣяно весьма распространеннымъ въ древней Руси переводнымъ греческимъ житіемъ св. Василія Великаго, приписываемымъ св. Амфилохію, епископу иконійскому. Въ этомъ произведеніи есть эпизодъ изъ жизни св. Василія Великаго почти аналогичнаго содержанія: св. Василій, услышавъ объ угрозахъ императора Юліана Отступника разорить его городъ Кесарію, убѣждаетъ людей взойти на гору, гдѣ находится храмъ Богоматери. Тамъ онъ молится съ ними „съ сокрушеннымъ сердцемъ и затѣмъ въ чудесномъ видѣніи получаетъ отъ „нѣкоей жены, сѣдящей на престолѣ славнѣ“ повелѣніе призвать Меркурія, жителя Кесаріи, также воина, который и является на этотъ зовъ „со всѣмъ оружіемъ своимъ“, чтобы убить Юліана. Какъ въ сказаніи о св. Меркуріи Смоленскомъ, такъ и здѣсь событіе это совершается ночью и въ глубокой тайнѣ. Но особенно разительное сходство съ греческой легендой замѣчается въ древнѣйшей или такъ называемой *народной* редакціи нашей повѣсти, именно въ описаніи явленія Богоматери: войдя въ храмъ, Меркурій Смоленскій видитъ „Пречистую Богородицу, на златѣ престолѣ сѣдяща (sic), Христа въ нѣдрѣхъ имуща, обстоима ангельскими вои, т. е. совершенно ту же картину, которая представлялась Василію Великому [1]).

Далѣе, въ повѣсти о св. Меркуріи Смоленскомъ, въ ея *литературной* редакціи, помѣщена, очевидно, вставка о *римскомъ* происхожденіи призваннаго на подвигъ героя.

Былъ св. Меркурій *отъ римскихъ пазухъ*, отъ славнаго рода княжескаго, изъ земли римской, а заѣхалъ въ Смоленскъ еще въ юномъ возрастѣ на службу къ самодержцу того

---

[1]) „Очерки по исторіи древне-русск. литер. житій святыхъ“, 2, стр. 62—69.

города, или же, справедливѣе сказать, воззваніемъ отъ Госпожи Богородицы и посланіемъ на чудотвореніе и на великую помощь своему граду и превеликой своей церкви. И хотя онъ родомъ былъ римлянинъ, но вѣрою благочестивъ, ибо былъ святыя вѣры *греческія,* а въ благочестіи великій поборникъ и ревнитель истинный.

Этой вставкѣ объ иностранномъ происхожденіи Меркурія Буслаевъ придаетъ, какъ увидимъ ниже, большое значеніе, объясняя ее отголоскомъ сношеній Смоленской земли съ Ригою, Готскимъ берегомъ и вообще съ нѣмцами, отраженіемъ западнаго просвѣщенія и культуры на Смоленскъ [1]). Однако ея нѣтъ въ древней редакціи повѣсти, которая даже не указываетъ на воинское званіе Меркурія, а характеризуетъ только его молодость и благочестіе совершенно обычными житійному стилю чертами, пріурочивая при этомъ молитвы его къ мѣстной святынѣ,—„ко кресту Господню Петровскаго ста", вѣроятно, извѣстному въ свое время въ Смоленскѣ.

Послѣ этой вставки въ *литературной* редакціи повѣсти, какъ и въ *народной,* передаются дальнѣйшія слова Богородицы къ св. Меркурію о томъ, что на городъ Ея намѣревается напасть безбожный мучитель втайнѣ со своею ратію, которую онъ уготовалъ на мѣстѣ, называемомъ *Долгій Мостъ* [2]), и что туда долженъ идти Меркурій, чтобы побѣдить, съ Ея помощью, исполина, грядущаго съ окаяннымъ христоборцемъ на городъ, затѣмъ возвратиться назадъ и на „ономъ мѣстѣ" у города увѣнчаться своею кровію, пріявъ отъ Христа мученическій вѣнецъ и царство небесное. При этомъ повѣсть замѣчаетъ, что и „*нынѣ* мѣсто то есть знаемо

---

1) „Историч. очерки русск. слов. и искусства", II, стр. 182—183.

2) Нынѣ *Доломостье,*—болотистая мѣстность, лежащая къ юго-востоку отъ Смоленска, въ 24 верстахъ, по Ельнинской дорогѣ. По предположенію Писарева, эти болота, еще и теперь довольно обширныя (въ 9 верстъ), и задержали стремительное движеніе главныхъ силъ Батыя къ Смоленску. (См. „Памятн. книгу г. Смоленска" Писарева, стр. 20).

(по другимъ варіантамъ: „памятно", „паметь") на *крови* его, на полѣ, внѣ предъ городомъ" [1]).

Затѣмъ опять вставка—сравненіе позднѣйшаго Смоленскаго героя съ древнимъ Кесарійскимъ, опущенное въ редакціи *народной* и заимствованное, повидимому, изъ церковныхъ пѣснопѣній въ честь св. Меркурія, гдѣ оно излагается подробнѣе, чѣмъ въ сказаніи [2]). Церковныя же пѣснопѣнія, въ свою очередь, имѣли въ виду разсказы о великомученикѣ Меркуріи Кесарійскомъ (въ житіи его, приписываемомъ Метафрасту, и легендѣ объ убіеніи имъ Юліана, по пересказу послѣдней въ житіи Василія Великаго), тѣмъ болѣе, что память этого святого, какъ и Меркурія Смоленскаго, празднуется церковью въ одинъ и тотъ же день (24-го ноября).

Меркурій въ точности исполняетъ велѣніе Богородицы: проходитъ городскія ворота, не замѣченный даже стражей, и быстро прибываетъ на Долгій Мостъ. Здѣсь, осѣнивъ себя крестнымъ знаменіемъ и призывая въ молитвѣ Богоматерь, обнажилъ онъ свой мечъ и, войдя въ полкъ злобожныхъ варваровъ, убилъ имъ сильнаго исполина, „немощью обложена" (т. е. сдѣлавшагося слабымъ, вѣроятно, отъ сна), а съ нимъ множество другихъ враговъ. На зарѣ проснулись ратные и, къ удивленію своему, увидѣли убитаго исполина и около него цѣлые ряды мертвыхъ тѣлъ. Несмотря на то, не оставили они злого намѣренія и пошли къ городу. Меркурій же отошелъ въ это время назадъ и, остановившись предъ городомъ, молился Богородицѣ о спасеніи его и церкви, о побѣдѣ, о своемъ скончаніи и о пріятіи мученическаго вѣнца и нетлѣнной жизни. И тотчасъ послѣ его молитвы

---

[1]) Въ этомъ замѣчаніи Писаревъ видитъ указаніе на памятникъ св. Меркурію въ видѣ каменнаго столба, поставленнаго смолянами на полѣ битвы и существовавшаго за Молоховскими воротами и въ XVII стол.. (См. тамъ же, стр. 21).

[2]) „Истор. очерки" Буслаева, т. II, стр. 186.

былъ ему голосъ: „Рабе мой! дерзай, и будетъ тебѣ, что просилъ ты: городъ свой соблюду Я невредимъ до конца вѣка, тебя же самого положатъ мощи въ церкви моей во градѣ“. И пришли враги къ тому мѣсту, гдѣ стоялъ Меркурій, ожидая ихъ въ великомъ дерзновеніи. И побѣдилъ онъ всѣхъ, наступавшихъ на него, а другіе со срамомъ предались бѣгству, восклицая: „О горе намъ! Молніеносные мужи побораютъ насъ и немилосердно посѣкаютъ. А еще больше того видѣли мы: стоитъ тамъ нѣкая прекрасная жена, превеликая и солнцеобразная; она и мертвыхъ на помощь воскрешала и посылала противъ насъ!“ [1]).

Въ этой части *литературной* редакціи, составленной также подъ сильнымъ вліяніемъ греческихъ житій, любопытно внесеніе безыменнаго *исполина,* котораго убиваетъ Меркурій, и который является здѣсь вмѣсто Юліана. По мнѣнію Кадлубовскаго, образъ исполина могли дать многочисленные старые разсказы о битвахъ, рѣшающихся единоборствомъ, гдѣ очень часто представителемъ вражьей силы является человѣкъ, „крѣпкій силою“, вродѣ библейскаго разсказа о Давидѣ и Голіаѳѣ или эпизода изъ греческаго житія св. великомученика Димитрія Солунскаго о поединкѣ ученика его Нестора съ силачомъ-борцомъ Ліемъ. Могли дать его и русскія поэтическія преданія о борьбѣ съ варварами, особенно съ печенѣгами, гдѣ также дѣло нерѣдко рѣшается единоборствомъ между русскимъ и вражьими богатырями.

---

[1]) По мнѣнію Писарева, въ этомъ чудесномъ видѣніи символически изображается духовенство, вышедшее на поле сраженія въ ризахъ, съ хоругвями, иконами и чудотворнымъ образомъ Смоленской Божіей Матери Одигитріи и возбуждавшее въ гражданахъ мужество и увѣренность въ высшемъ покровительствѣ ихъ городу („Пам. книга г. Смоленска“, стр. 21). Намъ же кажется, что эта подробность о чудесныхъ борцахъ, молніеносныхъ мужахъ и солнцеобразной женѣ, возникла и подъ вліяніемъ греческой легенды о видѣніи св. Василія Великаго, указанной выше, и какъ результатъ конкретнаго пониманія того, что съ помощью Богоматери и ангеловъ одержана побѣда надъ татарами. Народная фантазія, какъ это часто бываетъ, предполагаетъ непосредственное участіе въ битвѣ этихъ представителей высшей силы.

Такія преданія вошли и въ лѣтопись: о печенѣжскомъ богатырѣ, „превеликомъ зѣло“, и отрокѣ, его удавившемъ (993 г.); о князѣ косожскомъ Редедѣ, убитомъ кн. Мстиславомъ Тмутараканскомъ (1022) [1]).

Древняя редакція повѣсти исполина не знаетъ, но за то имѣетъ иную подробность, не встрѣчающуюся въ позднѣйшей. По ея показанію, Меркурій по выходѣ изъ церкви находитъ коня, на которомъ и отправляется на свой подвигъ. Буслаевъ объяснялъ эту подробность изъ народныхъ представленій о чудесныхъ, миѳическихъ коняхъ, въ родѣ скандинавскаго коня Одина [2]). Но, по мнѣнію Кадлубовскаго, здѣсь могли оказать вліяніе и чисто русскія народныя преданія о былинныхъ герояхъ или Егоріи Храбромъ, которые обыкновенно выѣзжаютъ въ поле и бьются на коняхъ, а равно сказаніе о венгерскомъ королѣ Владиславѣ, который, по извѣстію, передаваемому нашими хронографами, также получаетъ свыше повелѣніе выступить противъ татаръ и также находитъ осѣдланнаго коня, какъ „помощь Божію“ [3]).

По одержаніи побѣды надъ татарами—разсказываетъ далѣе повѣсть—Меркурій *по суду Божію* подклонилъ свою голову. И пришелъ одинъ *варваринъ лютъ,* или *сынъ того исполина,* и отсѣкъ Меркурію мечомъ своимъ голову, и тутъ блаженный пріялъ кончину о Господѣ. Самъ же варваръ-убійца „усрамися и побѣже вспять“.

По другой версіи, представляющей Меркурія до конца побѣдоноснымъ и неприступнымъ для враговъ, ему отсѣкаетъ голову *ангелъ,* что, конечно, естественнѣе, чѣмъ разсказъ *литературной* редакціи, позволяющій какому-то татарину поднять руку на святаго, когда онъ уже окруженъ ореоломъ побѣды, и объясняемый развѣ только тѣмъ, что эта редакція есть продуктъ выше указаннаго вліянія на нее

---

[1]) „Очерки по исторіи древне-рус. лит. житій святыхъ“, 2, стр. 83—84.
[2]) „Истор. очерки рус. слов. и искусства“, II, 175.
[3]) „Очерки“ Кадлубовскаго, 2, стр. 87—90.

житія Меркурія Кесарійскаго: онъ замученъ былъ Юліаномъ, а затѣмъ мертвый является мстителемъ за свою смерть и убиваетъ отступника копьемъ. На этотъ же мотивъ можно объяснять и заимствованіемъ изъ старыхъ поэтическихъ преданій: Меркурій убиваетъ исполина, а сынъ послѣдняго мститъ ему за смерть отца (обычай родовой мести). Превосходно толкуетъ это мѣсто повѣсти Буслаевъ, считающій его однимъ изъ важнѣйшихъ по глубоко-эпическому тону и трогательному драматизму. „Юный герой, говоритъ онъ, совершивъ подвигъ своей жизни, самъ, добровольно принимаетъ отъ своего врага смерть, назначенную ему *судомъ Божіимъ* (т. е. предопредѣленіемъ свыше, рокомъ). Это уже не только герой эпическаго произведенія, но и трогательная личность благочестиваго рыцаря, посвятившаго себя на служеніе Мадоннѣ“ [1]).

Въ концѣ повѣсти, за краткимъ указаніемъ составителя на быстрое отступленіе устрашеннаго Батыя отъ Долгомостья, разсказывается о чудесномъ возвращеніи Меркурія въ городъ съ отсѣченною головою въ рукахъ, о торжественномъ погребеніи его въ Успенскомъ Соборѣ и, наконецъ, объ украшеніи гробницы копьемъ, щитомъ и прочими доспѣхами святаго.

Вскорѣ послѣ (погребенія) явился Меркурій тому же пономарю, какъ живой, *на конѣ,* во всемъ воинскомъ подобіи и сказалъ: „*Повѣдай* гражданамъ, да повѣсятъ оружіе мое, и копіе, и щитъ, надъ гробомъ моимъ, и когда будетъ какая бѣда городу, да износятъ его, прославляя Господа Бога и Его рождьшую Богоматерь, крѣпкую заступницу града сего, а меня, смиреннаго раба Божія Меркурія поминая, да подастъ Господь побѣду отъ оружія моего и да посрамитъ враговъ города!“ И повѣсили граждане, по заповѣди святаго, оружіе его надъ гробомъ, какъ и донынѣ видимо есть всѣми.

---

[1]) „Истор. очерки рус. слов. и искусства“, II, 194—197.

Заключеніе это согласуется и съ греческимъ житіемъ Меркурія Кесарійскаго, оружіе котораго также хранилось надъ гробомъ его, и съ древне-славянскимъ обычаемъ о погребеніи героя вмѣстѣ съ его доспѣхами. Но особенно любопытна та подробность повѣсти, по которой Меркурій, по отсѣченіи главы своей беретъ ее въ руку и несетъ въ городъ. По мнѣнію Кадлубовскаго, она почерпнута нашими книжниками изъ заходившихъ къ намъ съ Запада, весьма популярныхъ въ католическомъ мірѣ, разсказовъ подобнаго рода, пріурочивавшихся ко многимъ святымъ. Разсказы эти были принимаемы католическою церковью, а потому, безъ сомнѣнія, хорошо извѣстны были и среди католическаго населенія Польши и западно-русскихъ окраинъ. Кромѣ смоленской повѣсти, подобный же разсказъ встрѣчается и въ сборникахъ, содержащихъ описанія чудесъ Почаевской Иконы Божіей Матери и написанныхъ частью на русскомъ („Гора Почаевская", 1793 г.), частью на польскомъ языкахъ („Góra Poczajowska", 1807 г.). Приводимъ его въ пересказѣ прот. А. Ѳ. Хойнацкаго (на основаніи указанныхъ источниковъ).

Дѣло происходитъ во время войны съ татарами. „Татары ходили всюду огромными загонами, предавая огню и мечу все, что ни попадало имъ въ руки. Въ 1607 г. одинъ изъ такихъ загоновъ подступилъ подъ обитель Почаевскую; въ то время одинъ монахъ проходилъ по горѣ, совершая молитвы. Вдругъ одинъ татаринъ напалъ на него и, увидя, что онъ старъ и потому не годится въ невольники, ударилъ его мечомъ и обезглавилъ. Но обезглавленный инокъ тотчасъ же взялъ въ руки свою голову и, пронесши ее до монастыря, положилъ передъ чудотворною иконою Богоматери, и только послѣ этого предалъ духъ свой Господу, къ общему изумленію всѣхъ и въ похвалу Пресв. Дѣвы, избравшей свою икону Почаевскую въ явленіе власти могущества своего" [1]).

[1]) Хойнацкій: „Историческое сказаніе о чудотворной иконѣ Почаевской Божіей Матери" (стр. 14 отд. оттиска изъ „Душеполезнаго Чтенія" за 1873 г.).

При близкомъ сосѣдствѣ польской и русской народностей этотъ мотивъ легко могъ перейти и въ нашу повѣсть о св. Меркуріи, тѣмъ болѣе, что съ конца XV в., какъ увидимъ ниже, на Смоленскую землю начинаетъ оказывать свое вліяніе и католицизмъ. А на Западѣ, среди католиковъ, съ давнихъ поръ пользовалось большой популярностью сказаніе о св. Діонисіи (Ареопагитѣ) и иконныя изображенія его съ собственною головою въ рукахъ [1]). Несущими свою голову, кромѣ Діонисія, католики представляли и другихъ святыхъ, какъ Овидія, Фирмина, Амьенскаго, Маврикія, Никасія Реймскаго, Рустика, Елевферія и пр. [2]).

Такова Повѣсть о св. Меркуріи Смоленскомъ во всѣхъ ея важнѣйшихъ подробностяхъ и господствующемъ въ ней тонѣ. Составителемъ ея не только позднѣйшаго варіанта, такъ называемой *литературной* редакціи, но и версіи болѣе древней, близкой къ описываемому событію, несомнѣнно, былъ человѣкъ, достаточно образованный и начитанный, способный вполнѣ оріентироваться и въ устныхъ народныхъ преданіяхъ и во всемъ доступномъ ему рукописномъ матеріалѣ. Его повѣсть обнаруживаетъ довольно близкое знакомство автора и съ переводною византійскою литературою (какъ псевдо-Амфилохіево житіе св. Василія Великаго или житіе св. великомученника Меркурія Кесарійскаго, приписываемое Метафрасту, а также разные хроники и хронографы, гдѣ имѣются эпизоды изъ этихъ житій), и съ литературными источниками Запада (какъ житіе Діонисія Ареопагита и другихъ святыхъ), и, наконецъ, съ тогдашними русскими оригинальными сочиненіями. Въ послѣднемъ случаѣ особенно цѣнны вступленіе и первая часть повѣсти,

---

[3]) Гейне: Сочиненія въ перев. русскихъ писателей, подъ редакціей Вейнберга, VII, 34.

[1]) „Очерки по исторіи др.-рус. лит. житій святыхъ" Кадлубовскаго, 2, стр. 96—103.

которыя, по языку и оборотамъ рѣчи, по яркости красокъ, по живости и образности изложенія, сильно напоминаютъ произведенія кіевскаго митрополита Кирилла II (1243—1280) или епископа Серапіона Владимірскаго (1274—1275), отчасти и знаменитый памятникъ XII в.—„Слово о полку Игоревѣ“ (въ изложеніи плача земли). А это сходство даетъ намъ право относить составленіе первоначальной редакціи „Сказанія о св. Меркуріи“ къ концу XIII и не далѣе начала XIV столѣтій, хотя дошло оно до насъ, какъ уже сказано, лишь въ спискахъ позднѣйшаго времени. Такое важное и рѣдкое историческое событіе, какъ побѣдоносное отраженіе почти непобѣдимыхъ татаръ отъ Смоленска, не могло пройти не отмѣченнымъ въ словесномъ творчествѣ народа, не вызвать представленія объ особой сверхъестественной помощи и не получить затѣмъ значительнаго распространенія между смолянами [1]). Сложеніе и распространеніе сказанія о св. Меркуріи совершалось вначалѣ, конечно, путемъ передачи устной, но вскорѣ же, благодаря развивавшейся въ Смоленскѣ культурѣ и умственному движенію, за литературную обработку этого сюжета взялись и тогдашніе смоленскіе книжники. Отсюда возникаетъ та первоначальная редакція повѣсти, которую Буслаевъ назвалъ *народной.* Съ теченіемъ времени она, вѣроятно, не разъ перерабатывалась, восполнялась новыми подробностями, и, наконецъ, изъ нея вышла болѣе полная, пріукрашенная риторическими пріемами, такъ называемая *литературная* редакція, составъ и самый процессъ сложенія которой мы старались выяснить. Въ результатѣ всей этой вѣковой работы получилось, говоря словами Буслаева, „обдуманное цѣлое, выведенное изъ глав-

[1]) Преданіе о подвигѣ Меркурія существуетъ среди смоленскаго населенія и доселѣ, оставаясь въ общемъ довольно вѣрнымъ старому разсказу, см. „Смоленскій этнографическій сборникъ“ В. Н. Добровольскаго, т. I, стр. 379.

ной идеи о спасеніи Смоленска заступленіемъ Богородицы и подвигомъ Меркурія",—произведеніе, въ которомъ выразилось уже развитое національное самосознаніе.

III.

Изъ содержанія двухъ замѣчательныхъ смоленскихъ произведеній—„Житія преп. Авраамія“ и „Сказанія о св. Меркуріи“—ясно видно, что въ теченіе XII и XIII вв. образованность въ Смоленскѣ настолько развилась и окрѣпла, что вполнѣ могла выразиться не только въ списываніи чужихъ литературныхъ произведеній, но и въ оригинальномъ творчествѣ, на первый разъ хотя бы въ составленіи житій и сказаній о выдающихся лицахъ и событіяхъ въ жизни этого города. Проф. Голубовскій думаетъ даже, что составленіе житій и сказаній началось въ Смоленскѣ еще раньше—во второй или въ концѣ первой половины XII в. [1]). Къ этому предположенію привело его, какъ и другихъ нашихъ ученыхъ, внимательное обслѣдованіе извѣстнаго „Сказанія о свв. мученикахъ Борисѣ и Глѣбѣ“, приписываемаго обыкновенно нѣкоему Іакову Мниху. Произведеніе это, подобно только что разобраннымъ нами, носитъ на себѣ ясные слѣды смоленскихъ преданій, явные признаки смоленскаго творчества, какъ объ этомъ судить можно по точности въ передачѣ фактическихъ подробностей убіенія кн. Глѣба, по живости и натуральности въ изображеніи отдѣльныхъ эпизодовъ этого событія. Такъ только смолянинъ могъ знать, что Глѣбъ, обманомъ приглашенный изъ своего удѣла (Муромскаго) въ Кіевъ, ѣхалъ „съ малою дружиною“ сначала верхомъ, а потомъ, когда конь его сломалъ ногу именно у устья р. Тьмы, впадающей въ Волгу недалеко отъ смоленскихъ границъ, пересѣлъ въ насадъ (лодку), на которомъ, плывя по обычному въ то время

---

[1]) „Исторія Смол. земли до начала XV ст.“, стр. 246—248.

пути изъ Суздальской земли въ Смоленскую, присталъ къ Смядынской бухтѣ [1]). Только смолянину могло быть извѣстно, что здѣсь именно, у р. Смядыни, впадавшей нѣкогда въ Днѣпръ у самаго Смоленска, ждали князя подосланные Святополкомъ окаяннымъ убійцы съ Горясѣромъ во главѣ и, напавъ на него съ оружіемъ въ рукахъ, 5 сентября 1015 года захватили его насадъ и небольшую дружину, сидѣвшую въ немъ; что Глѣба закололъ ножомъ его же собственный поваръ, по имени Торчинъ; что тѣло убитаго было брошено на пустомъ мѣстѣ, т. е. на незаселенномъ, болотистомъ и лѣсномъ берегу Смядыни, но хорошо видномъ изъ города, между двумя сосновыми колодами, и сверху прикрыто хворостомъ; что, наконецъ, оно, будучи ознаменовано чудесными явленіями (свѣтъ, видимый ночью надъ могилой), найдено было впослѣдствіи ловцами птицъ и пастухами. Словомъ, не подлежитъ сомнѣнію, что такія точныя данныя были записаны только въ Смоленскѣ, что именно изъ смоленскихъ народныхъ преданій сложилось сказаніе объ убіеніи Глѣба, которое могло вылиться въ литературную форму по крайней мѣрѣ ко времени основанія Борисоглѣбскаго монастыря на Смядыни [2]). Возможно что и авторъ „Сказанія о свв. Борисѣ и Глѣбѣ" Іаковъ

---

[1]) Путь этотъ, по мнѣнію Голубовскаго, былъ слѣдующій: съ устья р. Тьмы Глѣбъ направился по Волгѣ, затѣмъ по ея притоку Вазузѣ, а оттуда небольшимъ волокомъ или прямо въ Днѣпръ или сначала въ р. Вязьму („Исторія Смол. земли", гл. I, стр. 11—13).

[2]) Преданія, изъ которыхъ вышло литературное „Сказаніе о свв. Борисѣ и Глѣбѣ", и доселѣ еще живутъ въ устахъ народа. Такъ, въ бѣлорусскомъ духовномъ стихѣ, „На смерть Глѣба и Бориса", записанномъ въ Чериковскомъ у. Могилевской губ., смежной со Смоленской, разсказывается совершенно согласно съ показаніями письменныхъ источниковъ (лѣтописей и житій), что Борисъ, по приказанію Святополка, былъ пробожденъ копьемъ, а Глѣбъ зарѣзанъ ножомъ, что тѣла убитыхъ князей были брошены въ ржавое (топкое) болото, и надъ ними затѣмъ стали появляться небесные огненные столбы („Опытъ описанія Могилевской губ." А. С. Дембовецкаго, 1882 г., т. I стр. 596).

Мнихъ, принадлежалъ къ братіи именно этого монастыря (а не Кіево-Печерской Лавры, какъ полагаютъ нѣкоторые), или, во всякомъ случаѣ, былъ человѣкомъ близкимъ для Смоленской земли [1]).

Литературная дѣятельность, начавшаяся въ Смоленскѣ еще въ XII в., въ эпоху особеннаго процвѣтанія этого города при вел. кн. Ростиславѣ и его ближайшихъ преемниковъ, не прекращается и въ послѣдующее время, несмотря на наступившія около XV в. политическія неурядицы, закончившіяся подчиненіемъ Смоленской земли Литвѣ. Доказательствомъ могутъ служить два литературныхъ произведенія конца XIV и начала XV вв., заключающія въ себѣ описанія путешествій смоленскихъ паломниковъ на Востокъ, къ Святымъ Мѣстамъ. Это—описаніе *хожденія* нѣкоего *архимандрита Греѳенія* въ Св. Землю и *путевыя записки Игнатія Смольнянина* о посѣщеніи имъ Константинополя и Палестины.

Первое изъ нихъ, извѣстное до сихъ поръ въ единственной рукописи (хронографъ XV—XVI вв.), хранящейся въ библіотекѣ кіевскаго Церковно-Археологич. музея, долгое время представлялось для нашихъ ученыхъ загадочнымъ. Не понятно было имя автора хожденія—*Греѳеній*, не встрѣчающееся въ греко-русскихъ святцахъ и, очевидно, испорченное, и не могли выяснить ни мѣста его происхожденія, ни эпохи памятника, ни его языка. Впервые *„Хожденіе архимандрита Греѳенья во Св. Землю“* было издано цѣликомъ, съ предисловіемъ и подробными комментаріями къ

[1]) См. изслѣдованіе Срезневскаго о сочиненіи Іакова Мниха въ изд. Импер. Акад. Наукъ, т. II.—О томъ, что Іаковъ Мнихъ, авторъ „Сказанія о свв. Борисѣ и Глѣбѣ“, могъ происходить изъ Смоленской земли, можно заключать также по аналогіи съ другими подвижниками, вышедшими оттуда же и приблизительно въ его же время, каковы: св. Аркадій Вяземскій (первой половины XI в.), преп. Исаакій, затворникъ Печерскій, возшедшій изъ Смоленскаго пригорода Торопца (второй полов. XI в.), и преп. Прохоръ, родомъ изъ Смоленска (жилъ въ концѣ XI и началѣ XII вв.).

тексту, А. И. Горожанскимъ въ восьмидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія [1]). Издатель полагалъ, что по языку хожденіе это „принадлежитъ сѣверному нарѣчію и весьма близко къ редакціи новгородской или сѣверо-западной“, а по времени—концу XIV или началу XV в. Доказывалъ онъ это лишь на основаніи личнаго и довольно произвольнаго желанія видѣть въ испорченномъ имени „Греѳеній“ жизнеописателя св. Сергія Радонежскаго—извѣстнаго въ древне-русской письменности Епифанія Премудраго, который, по его собственнымъ словамъ, совершилъ странствіе ко Св. Землѣ. Это объясненіе, конечно, никого не удовлетворило, и другой издатель „Хожденія“, архим. Леонидъ, въ послѣднемъ трудѣ своемъ, напечатанномъ въ изданіяхъ Палестинскаго Общества, пришелъ къ совершенно инымъ выводамъ, которые представляются гораздо болѣе вѣроятными [2]).

Архим. Леонидъ сдѣлалъ сначала предположеніе, основываясь на написаніи заглавія, что загадочное имя автора слѣдуетъ читать: *Аграѳеній*, и что въ такомъ случаѣ это будетъ не что иное, какъ народное произношеніе календарнаго имени *Агриппинъ* (или также *Агриппа, Агриппій*), изъ котораго оно вышло наподобіе того, какъ изъ „Агриппины“ въ народномъ выговорѣ получилась „Аграѳена“. Далѣе, этотъ Агреѳеній, названный въ рукописи архимандритомъ обители Пресв. Богородицы, былъ, по мнѣнію изслѣдователя, настоятелемъ одного изъ смоленскихъ монастырей и—прибавимъ отъ себя—по всей вѣроятности, Авраамієвскаго (во имя Положенія ризы и пояса Богоматери), такъ какъ настоятели послѣдняго, какъ особо чтимаго смолянами, въ XIV в. и даже ранѣе были въ санѣ архимандрита, да и самый путь паломника начался именно

---

[1]) Напеч. въ „Русск. Филолог. Вѣстн.“ 1884 г., IV, стр. 251—312, и 1885 г., I, стр. 1—43.

[2]) Палестинскій Сборникъ, т. XVI, вып. 3, СПБ. 1896 г. („Хожденіе архимандрита Агреѳенья“, подъ редакціей архим. Леонида).

отъ Смоленска, какъ объ этомъ можно заключать изъ его же словъ [1]). Затѣмъ изъ содержанія же „Хожденія“ видно, что оно происходило въ семидесятыхъ годахъ XIV в., а слѣдовательно и описано было не позже конца этого столѣтія [2]). Наконецъ, на смоленское происхожденіе и на значительную древность этого произведенія указываетъ характеръ изложенія и языка, весьма напоминающій манеру извѣстнаго игумена Даніила, уроженца Сѣверской (Черниговской) области, смежной съ Смоленской.

Раздѣленное на главы, которыя писались, вѣроятно, вскорѣ послѣ осмотра святыхъ мѣстъ, „Хожденіе Аграѳенія“, по выраженію архим. Леонида, „носитъ на себѣ печать свѣжести и внимательнаго изученія описываемыхъ мѣстъ и предметовъ и въ этомъ отношеніи можетъ быть поставлено наравнѣ съ произведеніемъ нашего перваго паломника-писателя“. Для историка оно любопытно своими показаніями о положеніи различныхъ палестинскихъ святынь въ исходѣ XIV в., но еще болѣе цѣнно въ отношеніи чисто

[1]) Свой путь Агреѳеній начинаетъ отъ „русскія земли западныя“ и, отмѣтивъ разстояніе отъ Москвы до Смоленска, исходнымъ пунктомъ ставитъ, повидимому, этотъ послѣдній городъ. Что же касается начала архимандріи въ Авраміевскомъ монастырѣ, то, по словамъ г. Трофимовскаго (хотя и безъ должной ссылки на источники), въ санѣ архимандрита былъ и первый настоятель его, преп. Авраамій („Истор. - статистич. описаніе Смоленской епархіи“, стр. 269). Въ началѣ XVII в. этотъ монастырь былъ разоренъ поляками до основанія и возобновленъ лишь по возвращеніи Смоленска подъ россійскую державу, при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, который вскорѣ послѣ того (въ 1658 г.) повелѣлъ Смоленскому воеводѣ, князю Петру Долгорукову, отстроить его вновь и утвердить настоятеля въ немъ *попрежнему* въ санѣ архимандрита (Тамъ же, стр. 270—271, въ примѣчаніи, гдѣ приведены цитаты изъ дѣлъ архива смол. дух. консисторіи 1775 г.—№ 15 и 1781 г.—№ 10; см. также въ „Смол. Епарх. Вѣд.“ за 1899 г., гдѣ напечатана замѣтка Д. К. Вишневскаго о времени возстановленія смоленскихъ монастырей—Авраміевскаго и Троицкаго, основанная на спискѣ съ подлинной царской грамоты 1658 г.—изъ одной рукописи С.-Петербургской Синодальн. Библіотеки).

[2]) Къ этому выводу архим. Леонидъ пришелъ путемъ сопоставленія отдѣльныхъ мѣстъ хожденія Аграѳенія съ соотвѣтствующими показаніями лѣтописи и иноземныхъ паломниковъ.

филологическомъ — для изученія языка и стиля того времени [1]).

Другой, несомнѣнно, смоленскій памятникъ паломнической литературы—„*Хожденіе Игнатія Смолнянина*“—дошелъ до насъ въ нѣсколькихъ спискахъ и извѣстенъ исторической наукѣ еще со временъ Татищева, который помѣстилъ его въ IV томѣ своей „Россійской Исторіи“ [2]). Вполнѣ научно изданъ онъ, однако, лишь 20 лѣтъ назадъ, Палестинскимъ же обществомъ подъ редакціей С. В. Арсеньева, снабдившаго свое изданіе обстоятельной статьей и комментаріями.

Этотъ Игнатій, вѣроятно, архіерейскій бояринъ (дьякъ), состоялъ въ свитѣ смоленскаго епископа Михаила (1383—1402), который сопровождалъ московскаго митрополита Пимена во время третьей его поѣздки (въ 1389 году) для поставленія въ Царьградъ. Въ виду послѣдовавшей тамъ смерти Пимена, на русскую митрополію было назначено другое лицо—Кипріанъ, который вскорѣ и выѣхалъ на Русь съ епископомъ Михаиломъ, архимандритомъ Спасскаго монастыря Сергіемъ Азаковымъ и другими. Но Игнатій остался въ Царьградѣ и, подробно осмотрѣвъ его, отправился въ Іерусалимъ. Всего на востокѣ онъ пробылъ около 6 лѣтъ (до 1405 г.) и, какъ видно изъ описанія его путешествія, интересовался тамъ не только достопримѣчательностями Византіи и Іерусалима, но и тогдашними политическими событіями, случайнымъ свидѣтелемъ которыхъ оказался. Такъ, въ его описаніи мы читаемъ два очень обстоятельныхъ разска-

---

[1]) Въ немъ мы встрѣчаемъ цѣлый рядъ реченій, относящихся къ глубокой древности, и позднѣйшими паломниками уже не употребляемыхъ, каковы, наприм.: голомяни, зазиданы, столпы зиданные, утлина, прозоръ, творило, кладенецъ, перестрѣлъ, на верженіе камени, дващи (дважды) дострѣлить изъ лука, на обѣдни годъ (полдень) и т. п.

[2]) Кромѣ того, описаніе путешествія Игнатія Смолянина помѣщено въ „Лѣтописи Никоновой“, въ „Русскомъ Временникѣ“ и др.; отдѣльно же находится оно между рукописями патріаршей библіотеки.

за о смерти турецкаго султана Амурата и о вѣнчанiи на царство византiйскаго императора Мануила. Какъ человѣкъ своего времени, Игнатiй съ умиленiемъ прислушивается къ апокрифическимъ сказанiямъ и легендамъ грековъ, атмосферою которыхъ онъ былъ тамъ повсюду окруженъ, и глубоко вѣритъ въ нихъ. Но важно то, что съ неменьшимъ интересомъ относится онъ и къ историческимъ памятникамъ востока, восхищается архитектурой цареградскихъ зданiй, ихъ отдѣлкою и роскошью, и все это заноситъ въ въ свои записки. Очень подробно, съ чисто приказною обстоятельностью перечислены въ его „Хожденiи" всѣ церковныя службы разныхъ исповѣданiй, какiя только совершались тогда при гробѣ Господнемъ въ iерусалимской церкви Воскресенiя.

Такое тщательное изложенiе фактовъ и ясное, точное описанiе видѣннаго, показываетъ, что Игнатiй былъ не просто только любознательный, но и отлично, по тому времени, образованный человѣкъ, свободно владѣвшiй греческимъ языкомъ. Въ его „Хожденiи" мы нигдѣ не встрѣчаемъ указанiя, чтобы во время пребыванiя своего въ Грецiи онъ обращался, подобно игумену Данiилу, къ помощи переводчиковъ. Въ этомъ, вѣроятно, онъ и не имѣлъ никакой надобности. Слѣдовательно, совершенно справедливо мнѣнiе объ Игнатiи Смолянинѣ, высказанное историкомъ Голубовскимъ, что „путевыя записки его стоятъ въ полномъ соотвѣтствiи съ обширнымъ знакомствомъ Ефрема (бiографа преп. Авраамiя) съ византiйскою литературою и съ знанiемъ альфы и виты смоленскаго священника Ѳомы и его учителя Григорiя" [1]).

Кромѣ „Хожденiя", Игнатiю Смолянину принадлежитъ еще одно небольшое сочиненiе—„Слово лѣтомъ вкратцѣ" или сокращенный „Лѣтописецъ", обнимающiй время съ 1254

---

[1]) „Исторiя Смол. земли до нач. XV в.", стр. 252.

по 1423 гг. и составленный имъ, быть можетъ, и для употребленія въ школахъ его времени [1]).

Школьное образованіе и просвѣщеніе вообще развилось въ Смоленскѣ, какъ уже сказано, подъ сильнымъ вліяніемъ Греціи, тѣсныя сношенія съ которой мы видимъ въ Смоленской землѣ за все время ея самостоятельнаго политическаго существованія. Для примѣра укажемъ хотя бы на тотъ фактъ, засвидѣтельствованный лѣтописями, что въ княженіе Ростислава Мстиславича въ Византію ѣздили смоленскіе бояре, посланные туда княземъ по дѣлу о поставленіи митрополитомъ въ Кіевѣ извѣстнаго намъ Климента Смолятича [2]). Подобные факты, несомнѣнно, случались, нерѣдко, будучи вызываемы и церковными и особенно торговыми интересами. Что эта связь съ Византіей не порвалась и въ концѣ XIV в., и между послѣднею и Смоленскомъ продолжались все еще оживленныя сношенія, доказывается отлучительною грамотою патріарха константинопольскаго, выданною въ 1370 году смоленскому князю Святославу Ивановичу (за союзъ его съ литовскимъ княземъ Ольгердомъ) *на греческомъ языкѣ* [3]).

Лингвистическія познанія смолянъ, однако, не ограничивались только этимъ языкомъ. Вслѣдствіе сношеній съ различными народами они, вѣроятно, знакомы были и съ другими чужеземными азыками. Между ними рядомъ съ греческимъ стоялъ языкъ *латинскій*, который, судя по сообщенію Татищева, даже преподавался въ смоленскихъ училищахъ со времени княженія Романа Ростиславича, ихъ учредителя. Латинскій языкъ былъ въ то время языкомъ вѣры,

---

[1]) Этотъ „Лѣтописецъ" хранится между рукописями въ библіотекѣ Импер. Академіи Наукъ; написанъ полууставомъ. (Нѣкоторыя свѣдѣнія о немъ см. въ „Истор. Слов. о духовныхъ писателяхъ", т. I, стр. 193—194).

[2]) Ипат. лѣт., стр. 357; Густын. лѣт., стр. 308. (П. С. Р. Л., т. II).

[3]) Русская Историч. Библ., изд. Археогр. Ком. т. XI, прил. № 21, Спб. 1880.

оффиціальнымъ языкомъ нѣмцевъ, съ которыми смоляне вели обширныя торговыя сношенія. Послѣднимъ необходимо было знать и разговорную нѣмецкую рѣчь. Такъ, извѣстный торговый договоръ, заключенный въ 1229 году великимъ княземъ смоленскимъ Мстиславомъ Давыдовичемъ съ Ригой и Ганзейскими городами, по мнѣнію проф. Голубовскаго, подробно его анализировавшаго, составленъ былъ первоначально на латинскомъ языкѣ, а затѣмъ переведенъ, съ одной стороны, на современный нѣмецкій (разговорный), а съ другой—на смоленское нарѣчіе. „Странно было бы—говоритъ Голубовскій—предполагать, что Туманъ Михайловичъ, сотскій Пантелѣй и священникъ Еремѣй (уполномоченные отъ Смоленска для заключенія договора), только лишь брады свои уставя, по выраженію Котошихина, сидѣли и смотрѣли, какъ нѣмцы что-то такое вносили въ черновикъ столь важнаго договора. Неопровержимые факты говорятъ, что съ этого латинскаго черновика и съ нѣмецкаго его перевода былъ сдѣланъ переводъ на смоленское нарѣчіе, чего никоимъ образомъ не могли произвести сами нѣмцы“ [1]). Значитъ, въ первой половинѣ XIII в. смоляне настолько хорошо были образованы, что легко могли справляться съ латинскими и нѣмецкими текстами, умѣли, конечно, и объясняться по-нѣмецки.

Судя по договору Мстислава Давыдовича съ Ганзой, нѣмцы давно и постоянно живутъ въ Смоленскѣ и такъ прочно осѣлись въ немъ, что у нихъ есть и своя латинская церковь во имя Пресв. Дѣвы Маріи, и свой торговый дворъ (контора), свой староста. Въ церкви хранились образцовые вѣсы и гири, служившіе для провѣрки тѣхъ, которыя употреблялись нѣмецкими и русскими купцами [2]). Съ теченіемъ

---

[1]) „Исторія Смол. земли до начала XV в.“, стр. 253.

[2]) Провѣрочныя мѣры находились также и въ православномъ соборномъ храмѣ Успенія Богородицы (*Напьерскій:* Русско-Ливонскіе акты, экз. А, стр. 436, § 36, а также экз. Д, стр. 437). Нѣмецкая церковь, или **Marienkirche**,

времени число нѣмцевъ увеличивается. Во второй половинѣ XIII в. имъ принадлежитъ уже нѣсколько торговыхъ дворовъ. Образовалась цѣлая нѣмецкая слобода. Она тянулась по берегу Днѣпра, начиная почти отъ смядынской бухты и до рѣчки Рачевки, и была довольно обширна. [1]) Тутъ не только жили постоянно нѣмцы, торговавшіе въ Смоленской области, но, очевидно, останавливались и тѣ купцы, которые проѣзжали черезъ Смоленскъ на востокъ и югъ. Иногда число пріѣзжихъ нѣмцевъ было такъ велико, что они не помѣщались на своихъ дворахъ и останавливались на смоленскихъ подворьяхъ. Въ свою очередь и смоляне, ведя непосредственную торговлю съ прибалтійскимъ побережьемъ, часто посѣщали ганзейскіе города, жили тамъ, обдѣлывали торговыя дѣла, вели близкое знакомство съ нѣмецкими купеческими семьями и вообще сталкивались съ ними въ безконечно разнообразныхъ житейскихъ отношеніяхъ.

Постоянныя сношенія смолянъ съ нѣмцами у себя дома и въ прибалтійскихъ городахъ оказывали, несомнѣнно, весьма благотворное вліяніе на ихъ нравы и обычаи, даже на

существовала въ Смоленскѣ и въ началѣ XV в., какъ это видно изъ донесенія нѣмецкихъ пословъ въ рижскій совѣтъ около 1400 г. (Ibidem, № 126, стр. 97). Въ ея пользу купеческое общество дѣлало денежные взносы, изъ коихъ образовался капиталъ, пускавшійся въ оборотъ. Такъ, въ 1289 году Арнольдъ **Crispus** и Андрей **Parvus**, очевидно, завѣдывавшіе этимъ капиталомъ, даютъ взаймы 12 марокъ католической церкви Св. Духа въ Ригѣ (свѣдѣніе это почерпнуто изъ „Рижской долговой книги“, найденной г. Гильдебрандомъ и изданной на нѣм. яз. въ „Запискахъ Имп. Ак. Наукъ“, т. 29, кн. 1, прил. № 3, подъ заглавіемъ: „Отчетъ о разысканіяхъ, произведенныхъ въ рижскомъ и ревельскомъ архивахъ по части русской исторіи“).

[1]) См. труды Писарева: „Княж. мѣстность и храмъ князей“, стр. 30—33, и „Пам. книга г. Смоленска“, стр. 16—17, а также статью кн. Дондукова-Корсакова: „Вновь открытая русская старина“ (въ „Трудахъ Москов. Археол. Общ.“, т. IV, в. 3, стр. 114—118). По народному преданію, на мѣстѣ теперешней Рачевской слободы въ отдаленныя времена существовала *Нѣмецкая* или *торговая* слобода, уничтоженная въ смутное время по приказанію боярина Шеина, передъ осадою Смоленска Сигизмундомъ III. Отзвукомъ ея служитъ названіе улицы у Днѣпра, именующейся и понынѣ *Нѣмецкою.*

ихъ законы, на развитіе гражданственности и культуры вообще. На это указываетъ и существованіе инославной нѣмецкой церкви въ Смоленскѣ, краснорѣчиво говорящей, что уже въ то отдаленное время жители его усвоили себѣ въ области религіи начало вѣротерпимости, и включеніе въ договоръ Мстислава Давыдовича нѣкоторыхъ гуманныхъ статей, совершенно неизвѣстныхъ законодательству Ярослава („Русской правдѣ"). Таковы, напримѣръ, статьи, налагающія пеню за оскорбленіе женщины [1]). Съ какимъ уваженіемъ относились смоляне къ нѣмцамъ, видно и изъ разобранныхъ нами выше ихъ литературныхъ произведеній: въ „Житіи преп. Авраамія" защитникомъ этого народнаго учителя выступаетъ Лука Прусинъ, повидимому, выходецъ изъ Зап. Европы, а въ „Сказаніи о св. Меркуріи" смоленскому герою приписывается *римское*, т. е. иностранное, вѣроятно, нѣмецкое происхожденіе. По поводу этого невольнаго преклоненія смолянъ передъ западной культурой Буслаевъ говоритъ: „Сочувствіе свое къ нѣмцамъ и уваженіе къ ихъ благороднымъ качествамъ смоляне ничѣмъ лучше не могли засвидѣтельствовать, какъ признаніемъ *нѣмецкаго* происхожденія въ своемъ великомъ героѣ и защитникѣ... Смоленскъ, съ надеждою обращавшій взоры на западъ Европы, хотя и безсознательно, превознесъ въ своемъ героѣ плоды западнаго просвѣщенія, противопоставилъ его восточному насилію и варварству. Поэтому весь характеръ смоленскаго героя проникнутъ *рыцарствомъ:* это крестоносецъ, совершающій чудеса храбрости, это *Божій дворянинъ*, побороющій за христіанство противъ поганыхъ мусульманъ, это паладинъ изъ полчищъ Карла Великаго и вмѣстѣ съ тѣмъ благочестивый рыцарь, посвятившій себя на служеніе Мадоннѣ". [2]).

---

[1]) Русско-Ливонскіе акты, стр. 420—445; также см. въ сочиненіи Голубовскаго, стр. 156—170 (Смоленская Торговая Правда, статьи 11 и 12).

[2]) Истор. очерки рус. слов. и искусства", т. II, стр. 197.

Умственное движеніе шло въ Смоленскій край какъ изъ Византіи, такъ и съ запада (отъ нѣмцевъ—латинянъ) и изъ Скандинавіи. Не только произведенія письменной словесности, но и устныя сказанія, саги западныхъ народовъ находили свободное обращеніе въ смоленскомъ населеніи. Въ свою очередь и русскія былины, продуктъ творчества нашего народа, хорошо извѣстны были древнимъ скандинавамъ. Событія, въ которыхъ играютъ роль богатыри, въ ихъ сагахъ нерѣдко пріурочиваются къ Смоленску. Такъ, въ одной норвежской сагѣ (половины XIII в.) разсказывается, что Илья Муромецъ, какъ братъ Владиміра Святого, былъ сдѣланъ *намѣстникомъ въ Смоленскѣ* послѣ того, какъ освободилъ этотъ городъ отъ варваровъ. Въ другой варьируется русская былина о сватовствѣ Алеши Поповича къ Настасьѣ Микуличнѣ, происходившемъ въ Смоленскѣ, куда на пиръ къ Алешѣ является ея пропавшій мужъ Добрыня Никитичъ [1]). Единственный экземпляръ знаменитой уставной граматы Ростислава Мстиславича, памятникъ 1150 г., сохранился въ Швеціи, которую, очевидно, интересовало все, что было замѣчательнаго въ Смоленской землѣ [2]). Вспомнимъ еще ту подробность въ „Сказаніи о св. Меркуріи Смоленскомъ", которая повѣствуетъ о несеніи этимъ героемъ своей головы въ городъ послѣ побѣды надъ татарами, подробность, внесенную туда, какъ мы видѣли, изъ западной литературы [3]). Одновременно съ литературнымъ творчествомъ западныхъ народовъ на смолянъ, по крайней мѣрѣ, на болѣе интеллигентную часть ихъ, оказывало свое вліяніе и западно-европейское искусство живописи, рисованія. Убѣдитель-

---

1) „Русскія народныя картинки" Ровинскаго, кн. IV, 63—121.

2) Эта грамата отыскана въ шведскихъ архивахъ професоромъ Гельсингфорскаго университета М. А. Соловьевымъ во время путешествія его по Швейцаріи въ 1838 году, по порученію Археографической Комиссіи *(см. Протоколы засѣданій Археогр. Ком. 1835—1840 гг*, в. I, стр. 382).

3) „Очерки др.-рус. литературы житій святыхъ" Арс. Кадлубовскаго, 2, стр. 96—102.

нѣйшее доказательство этого даетъ намъ замѣчательный памятникъ смоленской письменности XIV в., недавно отысканный г. Бугославскимъ на сѣверѣ Россіи. Это—псалтирь Онежскаго Крестнаго монастыря, хранящаяся нынѣ въ библіотекѣ Архангел. Церковно-Археол. Комитета. Псалтирь эта, судя по имѣющейся въ ней записи, списана была въ 1395 году рукою нѣкоего инока Луки Смолянина. Она состоитъ изъ 150 псалмовъ (царя Давида) и 9 пѣсенъ (сестры Моисея и Аарона—Маріамы, прор. Моисея, матери прор. Самуила—Анны, прор. Аввакума и др.), писанныхъ крупнымъ, очень четкимъ и красивымъ полууставомъ, и снабжена цѣлымъ рядомъ собственноручныхъ рисунковъ Луки Смолянина: миніатюръ, заставокъ и разукрашенныхъ красками и золотомъ инициаловъ, которыми начинается каждый псаломъ и каждая пѣснь. Всѣ эти рисунки (ихъ въ книгѣ около 175) отличаются необыкновеннымъ разнообразіемъ и чрезвычайно отчетливымъ, даже изящнымъ выполненіемъ, характеризуя ихъ автора какъ весьма искуснаго рисовальщика, обладавшаго техническими познаніями въ этомъ дѣлѣ, и тонко развитымъ вкусомъ. Въ нихъ, по мнѣнію г. Бугославскаго, тщательно изучившаго псалтирь Онежскаго монастыря и давшаго о ней обстоятельный отчетъ въ Московскомъ Археологическомъ Обществѣ, Лука Смолянинъ обнаруживаетъ несомнѣнное знакомство не только съ византійскимъ иконописнымъ искусствомъ, но и съ западно-европейскими орнаментами (XIII—XIV в. в.), какъ *кельтскій* и тѣсно связанные съ нимъ *англо-саксонскій* и *скандинавскій*, а также романскій или *ломбардскій (фряжское* искусство, какъ выражались встарину). „Какъ произведеніе рукъ Смолянина—говоритъ Бугославскій—данная псалтирь служитъ нагляднымъ доказательствомъ того, какъ высоко стояло въ древнемъ Смоленскѣ въ XIV вѣкѣ искусство списыванія книгъ и рисованія, а также иконописанія (въ миніатюрахъ) Изъ детальнаго размотрѣнія украшающихъ ее рисунковъ

мы видимъ, что художественное образованіе Смоленска того времени сдѣлало значительный шагъ впередъ въ сравненіи съ болѣе древнимъ періодомъ и съ остальною Русью; мы видимъ, что къ тому времени оно вышло уже изъ непосредственнаго вліянія византійскаго искусства и благодаря оживленнымъ торговымъ сношеніямъ съ западной Европой, подпало подъ вліяніе западно-европейскаго искусства и довольно успѣшно стало подражать этому послѣднему въ лучшихъ его образцахъ" [1]).

Среди рисунковъ, помѣщенныхъ въ псалтири Онежскаго монастыря, особенное вниманіе обращаетъ на себя одинъ, имѣющій символико-политическое значеніе. На немъ въ квадратномъ порядкѣ изображены четыре звѣря - чудовища: вверху—левъ и барсъ съ крыльями, внизу—медвѣдь и какое-то странное животное съ козлиной мордой и рогами, между которыми находится небольшая человѣчья голова, и съ длиннымъ хвостомъ, оканчивающимся змѣиной головою. Лица ихъ обращены другъ противъ друга, пасти раскрыты, а когти внушительно выпущены, словно звѣри эти готовы вотъ - вотъ броситься одинъ на другого. Посрединѣ нарисованъ зайчикъ съ жалкой мордочкой, собирающійся прыгнуть. Надъ звѣрями имѣются слѣдующія надписи: надъ львомъ—*„царь Римьскій“*, надъ барсомъ—*„царь Македоньскій“*, надъ медвѣдемъ—*„царь Вавилоньскій“* и надъ чудовищемъ—*„антихрстъ“*. По объясненію г. Бугославскаго, подъ видомъ льва Лука Смолянинъ представилъ великое княжество Литовское, назвавъ его *римскимъ*, т.е. римско-католическимъ, потому, что къ тому времени оно соединилось съ Польшей и провозгласило католичество первенствующею религіей; подъ видомъ крылатаго барса онъ изобразилъ врага Литвы и Польши—Тевтонскій орденъ, который, по-

---

1) См. рефератъ Г. К. Бугославскаго: „Замѣчательный памятникъ древней смоленской письменности XIV в.“, напеч. по распоряженію Импер. Москов. Археол. Общ. (оттискъ изъ „Древностей“, т. XXI).

добно барсу, былъ быстръ въ своихъ нападеніяхъ; подъ медвѣдемъ съ его медлительностью и неуклюжею важностью онъ разумѣлъ, очевидно, великое княжество Московское, а подъ антихристомъ—татаръ, враговъ христіанства, которые, не смотря на пораженіе свое на Куликовомъ полѣ при вел. кн. Дмитріи Ивановичѣ, все еще представляли внушительную силу. Наконецъ, въ видѣ зайца характерно изображено смоляниномъ Лукою современное положеніе его родины, Смоленскаго княжества. А положеніе послѣдняго въ концѣ XIV в., дѣйствительно, было критическое. Съ одной стороны его тѣснили великіе князья литовскіе, которые отняли у него сначала г. Ржевъ съ его волостями, а затѣмъ, во времена Витовта, и г. Мстиславль, и если не успѣли завладать Смоленскомъ, то только благодаря Тевтонскому ордену, съ которымъ имъ пришлось тогда вести ожесточенную войну. Съ другой стороны, на Смоленскъ сильно зарилось великое княжество Московское, которое къ тому времени окончательно сложилось и окрѣпло. Великіе князья его, пользуясь слабостью Смоленскихъ князей, успѣли оттягать у нихъ г. Можайскъ, но дальнѣйшему движенію ихъ мѣшали татары, съ которыми имъ приходилось вести борьбу, защищая свои владѣнія отъ ихъ набѣговъ. Смоленскіе князья, не зная, какъ спастись отъ тѣснившихъ ихъ московскихъ и литовскихъ князей, бросались, безъ всякой пользы для себя, подъ защиту то однихъ, то другихъ, сильно напоминая собой въ этомъ отношеніи помѣщеннаго на рисункѣ между четырехъ грозныхъ звѣрей слабаго, безпомощнаго зайца. „Смолянинъ—инокъ Лука, говоритъ г. Бугославскій, слѣдя изъ монашеской кельи за судьбою своей родины, видѣлъ это безотрадное, близкое къ гибели состояніе ея и, какъ патріотъ, скорбя о томъ, рѣшилъ наглядно изобразить въ своей псалтири на память потомкамъ то отчаянное положеніе Смоленскаго княжества, въ какомъ оно находилось въ то время“.

Образцомъ для этого символико-политическаго рисунка могло послужить ему извѣстное видѣніе пророка Даніила, описанное въ VII главѣ его книги, а также изображенія древнихъ языческихъ царствъ въ космографіи Космы Индикоплова, византійскаго писателя VI вѣка [1]). Послѣднее сочиненіе пользовалось у нашихъ предковъ большимъ уваженіемъ и, вѣроятно, хорошо было знакомо Лукѣ Смолянину, какъ человѣку по тому времени весьма просвѣщенному. Объ этомъ можетъ свидѣтельствовать рукопись, изданная въ 1886 году обществомъ любителей древней письменности и украшенная многочисленными рисунками въ томъ же архаическомъ стилѣ, гдѣ изображены между прочимъ: потопъ, вавилонское столпотвореніе и раздѣленіе языковъ; восхожденіе и захожденіе солнца „по божественному писанію“ (за горой находящейся по ту сторону океана), царство небесное; обличительная картинка, изображающая нелѣпость ученія объ антиподахъ; трапеза въ Моисеевой скиніи, представляющая образъ земли; ангелы, движущіе звѣздами и т. д. Въ предисловіи къ этому великолѣпному факсимилированному изданію сказано, что сочиненіе Козьмы Индоплавателя отличается чрезвычайно цѣнными и точными свѣдѣніями о разныхъ странахъ его времени (Индіи, Ѳеіопіи, Китая и пр.), и что космографическія представленія этого писателя „вообще имѣли широкое распространеніе и признаніе въ теченіе среднихъ вѣковъ, а у насъ на Руси его трудъ, какъ это можно судить по многочисленнымъ спискамъ его перевода, былъ любимымъ чтеніемъ, начиная съ XIV вѣка, а можетъ быть и съ болѣе ранняго времени“.

Вообще псалтирь Онежскаго Крестнаго монастыря, благодаря своему прекрасному письму, обилію и разнообразію рисунковъ, представляетъ весьма цѣнный памятникъ древней смоленской письменности и какъ нельзя лучше

[1]) Въ русскихъ рукописяхъ она извѣстна подъ заглавіемъ: Книги о Христѣ объемлюще весь міръ“ или „Книга глаголемая Козмы Индикоплова.

подтверждаетъ высказанное нами выше (при разсмотрѣніи житія преп. Авраамія Смоленскаго) убѣжденіе, что въ Смоленской землѣ, въ XII—XIV в.в., въ эпоху ея самостоятельнаго политическаго существованія, списываніе книгъ, иконописаніе, рисованіе и другія проявленія культуры были на достаточно высокой ступени развитія. Псалтирь эта имѣетъ для насъ тѣмъ большую цѣнность, что она—почти единственный пока памятникъ, по которому можно болѣе или менѣе безошибочно судить о состояніи Смоленской образованности въ столь отдаленное отъ насъ время. Въ нѣкоторомъ соотвѣтствіи съ нимъ стоитъ лишь такъ называемое Оршанское пергаменное евангеліе XIII в., хранящееся нынѣ въ музеѣ Церковно-археологическаго Общества при Кіевской духовной академіи. Эта древняя рукопись принадлежала одному изъ православныхъ монастырей г. Орши (входившаго нѣкогда въ составъ Смоленскаго княжества и упоминаемаго въ лѣтописяхъ еще въ 1116 году) и въ отечественную войну 1812 г. была выброшена французами въ числѣ разныхъ церковныхъ вещей и бумагъ. Подобно псалтири Онежскаго монастыря, она написана на гладкомъ пергаментѣ, но уставомъ, и украшена заставками и иниціалами содержащими въ себѣ изображенія евангелистовъ (исполненныя красками, мѣстами покрытыми золотомъ), а также различныхъ животныхъ (птицъ, драконовъ, звѣрей, змѣй) и довольно оригинальныхъ фигуръ съ головою человѣка, иногда со змѣею во рту. Судя по этимъ рисункамъ, а также по діалектическимъ особенностямъ евангелія, оно того же происхожденія, что и псалтирь Луки Смолянина, т. е. писано было кѣмъ-либо изъ „доброписцевъ“ древняго Смоленскаго княжества [1]).

---

[1]) Подробное описаніе рукописнаго евангелія Оршанскаго, сдѣлано П. Пылаевымъ въ „Трудахъ Кіевской духовной академіи“ (1876 г., декабрь) и г. Крыжановскимъ въ его трудѣ: „Рукописныя евангелія Кіевскихъ книгохранилищъ“ (1889 г., стр. 3—52).

Въ то время, когда переписывалъ и разрисовывалъ свою псалтирь Смолянинъ Лука, его родина доживала послѣдніе дни своей политической самостоятельности. Около 1386 г. былъ завоеванъ Литвою ближайшій къ Смоленску удѣлъ Мстиславльскій, въ 1403 г. ея власти подчинилась Вязьма, другой довольно сильный удѣлъ Смоленскаго княжества, а 26 іюня 1404 г., послѣ долгой сравнительно осады, палъ и Смоленскъ предъ силою литовскаго великаго князя Витовта Кейстутьевича. Такъ въ самомъ началѣ XV в. не стало одного изъ самыхъ значительныхъ по объему княжествъ древней Руси, обратившагося съ этихъ поръ на цѣлое столѣтіе въ подчиненное Литвѣ намѣстничество [1]).

IV.

Съ переходомъ Смоленска во власть Литвы, въ русло его умственной жизни вливается новая струя — литовско-польская. На первыхъ порахъ она, правда, не оказываетъ особенно сильнаго вліянія на литературное творчество смолянъ, и русскій языкъ по прежнему преобладаетъ во всѣхъ письменныхъ памятникахъ того времени. Съ теченіемъ времени, однако, и литература, и языкъ начинаютъ поддаваться вліянію польскихъ началъ, и въ рукописныхъ произведеніяхъ средины XV в. мы уже видимъ явные признаки этого вліянія. Такъ въ одномъ изъ списковъ „Сказанія о св. Меркуріи“, недавно отысканномъ Г. К. Бугославскимъ на Сѣ-

---

[1]) Объемъ великаго княжества Смоленскаго, дѣйствительно, былъ весьма значителенъ. Уже въ эпоху Ростислава Мстиславича (оно обнимало собой нынѣшнюю губернію Смоленскую въ цѣломъ ея составѣ и нѣсколько уѣздовъ сосѣднихъ съ ней губерній: Псковской—Торжецкій и часть Холмскаго; Тверской—Осташковскій, Ржевскій и западная часть Старицкаго и Зубцовскаго; Московской—у. Можайскій; Калужской—части у.у. Мещовскаго, Мосальскаго и Жиздринскаго; Могилевской—части Климовскаго и Рогачевскаго, Чериковскій, Мстиславльскій, Чаусскій, Старобыховскій до Днѣпра, небольшую часть Могилевскаго, Горецкій и безъ малой части Оршанскій; наконецъ Витебской—всю восточную часть Велижскаго (см. брошюру Е. И. Кашпровскаго: "Борьба Василія III Ивановича съ Сигизмундомъ I Казимировичемъ изъ-за обладанія Смоленскомъ", Нѣжинъ, 1889 г., стр. 3).

верѣ и относящемся, по его мнѣнію, въ нѣкоторой своей части, въ отношеніи времени ея составленія, къ 1440 году, встрѣчаются такія чисто польскія выраженія, какъ *„флягмуя“* (отъ слова „flagme“, употребляемаго въ польской рѣчи и понынѣ, и означающаго отдѣленіе мокроты при кашлѣ) и *„захлыпаніе“* (отъ польскаго глагола „chlypac“—всхлипывать). Первое сказано составителемъ при разсказѣ о томъ, какъ пономарь Смоленскаго собора, по повелѣнію Богоматери, шелъ къ св. Меркурію; послѣдній „очютивъ пономаря того флягмуя по стогнамъ, яко объявляше себе ему“, т. е. узналъ объ его приближеніи къ нему по кашлю. Второе употреблено при описаніи горячей, „съ великимъ захлыпаніемъ слезнымъ“, молитвы св. Меркурія предъ иконою Пресв. Богородицы въ соборномъ храмѣ [1]). Слова эти дотолѣ были совершенно неизвѣстны ни церковно-славянскому, ни древнерусскому языку.

Несомнѣнно, такимъ образомъ, что свыше - столѣтій періодъ литовско-польскаго господства надъ Смоленскомъ (1404—1514) не только въ политическомъ, но и въ умственномъ отношеніи былъ временемъ вплыва въ его жизнь польскихъ началъ, которыя если и не вошли тогда въ рѣшительную борьбу съ теченіемъ старо-русскимъ, все-же не могли способствовать дальнѣйшему процвѣтанію отечественной литературы въ западной Руси. „Кромѣ памятниковъ юридическихъ, говоритъ извѣстный историкъ К. Н. Бестужевъ-Рюминъ, отъ этого времени дошло очень немного произведеній литературы, и мы даже не имѣемъ указаній на что-нибудь особенно замѣчательное. Одинъ проповѣдникъ, нѣсколько краткихъ лѣтописей—вотъ все, что оригинальнаго представляетъ западная Русь до начала XVI вѣка“. [2])

---

[1]) См. статью Бугославскаго: „Сказаніе о св. Меркуріи Смоленскомъ по рукописнымъ сборникамъ XVI в. Антоніева-Сійскаго монастыря“ въ „Смоленскихъ Епарх. Вѣдомостяхъ“ за 1907 г.

[2]) Бестужевъ-Рюминъ: „Русская исторія“, т. II, стр. 135 (СПБ. 1885 г.)

И дѣйствительно, литературная дѣятельность того времени въ Смоленскѣ, насколько показали даже новѣйшія археологическія открытія, не отличается особеннымъ процвѣтаніемъ, характеризуясь развѣ веденіемъ лѣтописей, составленіемъ (компиляціей) сборниковъ историческаго содержанія или же передѣлкой прежнихъ произведеній, въ родѣ только что упомянутой редакціи „Сказанія о св. Меркуріи".

Между литературными памятниками XV в., имѣющими отношеніе къ смоленской культурѣ, первое мѣсто по значенію занимаетъ лѣтописный сборникъ, найденный въ шестидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія историкомъ-археологомъ А. В. Рачинскимъ въ г. Полоцкѣ. Это—довольно объемистая, въ 450 страницъ, рукопись, писанная въ большей своей части полууставомъ и только на послѣднихъ страницахъ скорописью. Судя по припискѣ въ самомъ концѣ рукописи, или *послѣсловію*, этотъ сборникъ составленъ былъ въ 1495 году *„воградѣ Смоленсцѣ, при державѣ великаго князя Александра, повелѣніемъ епископа Смоленскаго Іосифа* (Болгариновича) *рукою многогрѣшнаго раба Божія Авраамки"*. По имени составителя, онъ названъ *лѣтописью Авраамки* и подъ этимъ именемъ изданъ въ 1889 году археографическою комиссіей (въ XVI томѣ „Полнаго собранія русскихъ лѣтописей").

Лѣтопись или точнѣе лѣтописный сборникъ Авраамки отличается весьма разнообразнымъ содержаніемъ и состоитъ изъ 4 отдѣловъ. Первый изъ нихъ представляетъ изъ себя лѣтописный сводъ и начинается обычнымъ хронографомъ, въ которомъ излагается вкратцѣ исторія библейская, римская временъ имперіи и византійская до конца X вѣка. Особенное вниманіе при этомъ обращено на раздѣленіе церкви на восточную и западную, и главнымъ виновникомъ этого факта выставленъ императоръ Карлъ Великій. Затѣмъ, какъ бы въ разъясненіе сущности вѣроученія западнаго, римско-католическаго, и отличія его отъ восточнаго, право-

славнаго, помѣщены двѣ статьи—списаніе (сочиненіе) *честнѣйшаго хартофилака и протосингела Никейской* (восточной) *церкви Иникиты* (Акамината): 1) *о латинѣхъ и безквасной службѣ* и 2) *о латинѣхъ и службѣ ихъ*. Между этими статьями вдвинуто извѣстіе о крещеніи болгаръ и Руси. По объясненію редакторовъ лѣтописи Авраамки (въ изданіи ея Археографическою комиссіей), извѣстныхъ ученыхъ К. Н. Бестужева-Рюмина и А. Ѳ. Бычкова, хронографъ этотъ составленъ на основаніи различныхъ источниковъ — Толковой Палеи, хроники Георгія Амартола и другихъ переводныхъ греческихъ сочиненій, по преимуществу историческаго содержанія, имѣвшихъ довольно широкое распространеніе въ древней Руси. Вслѣдствіе этого надо думать, что онъ не что иное, какъ компилятивный трудъ Авраамки, имѣвшій особую, спеціальную цѣль, судя по помѣщенію въ немъ статьи объ отпаденіи западной церкви отъ восточной, съ преданіемъ отпавшихъ анаѳемѣ, и произведеній Аникиты, направленныхъ противъ католиковъ. Весьма вѣроятно, что въ выборѣ этихъ статей Авраамка руководился указаніями своего патрона — Іосифа Болгариновича, епископа Смоленскаго и вмѣстѣ съ тѣмъ завѣдывавшаго Кіевской митрополіей, на прямой обязанности котораго лежало упроченіе православія въ Литвѣ и возможное противодѣйствіе латинству и уніи [1]).

За хронографомь слѣдуетъ 4 небольшихъ статьи, заключающія въ себѣ: лѣтосчисленіе отъ созданія міра до 7-го

---

[1]) Присоединяемся при этомъ къ мнѣнію Г. К. Бугославскаго, выраженному имъ въ статьѣ: „О смолянинѣ Авраамкѣ и его лѣтописи конца XV в.“ („Смолен. Епарх. Вѣдом.“ за 1900 г., № 5), въ противоположность существующему въ исторической наукѣ взгляду на епископа Іосифа Болгариновича, „нареченнаго митрополита Кіевскаго“, какъ на человѣка съ сомнительнымъ вѣроученіемъ, накъ на сторонника Флорентійской уніи, склоннаго болѣе къ католичеству, чѣмъ къ православію (митроп. Макарій въ своей „Исторіи Русской церкви“ и проф. Н. И. Петровъ въ изданіи П. Н. Батюшкова: „Бѣлоруссія и Литва“.

вселенскаго собора (при чемъ перечислены всѣ 7 соборовъ съ обозначеніемъ года, въ который каждый изъ нихъ состоялся, царей, при коихъ они были собраны, и поводовъ ихъ созыва), родословіе отъ Адама до Рождества Христова (съ краткимъ изложеніемъ новозавѣтныхъ событій), повѣствованіе объ Іосифѣ Клеопѣ, братѣ Спасителя, и, наконецъ, сообщеніе „о сотвореніи грамотѣ гречьской". Далѣе идетъ лѣтописный сводъ, открывающійся заглавіемъ: „начало рустіи земли". Сводъ этотъ содержитъ въ себѣ исторію Руси отъ разселенія славянъ до 1469 г., изложенную частью по новгородскимъ, частью по другимъ, не дошедшимъ до насъ, лѣтописямъ. При этомъ, какъ и ранѣе, компиляторъ обращаетъ особенное вниманіе на дѣла, относящіяся къ церкви (напр. статья о смерти митрополита Кипріана и т. п.), а также на событія, касавшіяся его родины—Смоленска (двукратное описаніе взятія его вел. княземъ литовскимъ Витовтомъ) и великаго княжества Московскаго, тяготѣніе къ которому со стороны смолянъ въ концѣ XV в. было выражено уже съ достаточною опредѣленностью.

Второй отдѣлъ сборника Авраамки содержитъ въ себѣ лѣтописный отрывокъ съ 945 по 988 г. отъ Рожд. Хр., по редакціи сходный съ лѣтописью Софійскаго временника и раздѣляющійся на нѣсколько статей или главъ. Начало этого отрывка утеряно, а потому первая статья представляетъ собою изложеніе событій, происходившихъ лишь въ княженіе Игоря. Дальнѣйшія статьи озаглавлены такъ: *„Ольгино княженіе"*, *„Начало княженія Святославля"*, *„О крещеніи Ольгинѣ"*, *„Ярополче"*, *„Начало княженія Владиміра"*, *„О Иванѣ христіанинѣ и отцѣ его"*, *„О срочинской* (т. е. магометанской) *вѣрѣ"*, *„О нѣмецкой* (римско-католической) *вѣрѣ"*, *„О жидовской вѣрѣ"*, *„Сказаніе о вѣрѣ христіанстѣй изначала"*, *„О испытаніи вѣры христіанской"*, *„О взятіи Корсунстѣ"*, *„О крещеніи Владимирѣ"*. Оканчивается лѣтописный отрывокъ сообщеніемъ о построеніи св. Владиміромъ

въ Кіевѣ церкви во имя св. Георгія, объ основаніи г. Владиміра Суздальскаго, построеніи въ немъ деревянной соборной церкви во имя Пресв. Богородицы и крещеніи русскихъ людей и намѣстниковъ.

Здѣсь опять обращаетъ на себя вниманіе помѣщеніе въ отрывкѣ статей о разныхъ исповѣданіяхъ и стремленіе его составителя выставить преимущество предъ послѣдними вѣры православной. Это обстоятельство въ связи съ сравнительно хорошей литературной обработкой и удобопонятнымъ изложеніемъ заставляетъ думать, что статьи эти предназначались Авраамкою какъ для чтенія на дому, такъ и для изученія въ школахъ того времени. По нимъ школьники XV—XVI вв. легко могли знакомиться съ важнѣйшими событіями древне-русской исторіи и притомъ въ духѣ православія.

Третій отдѣлъ лѣтописи Авраамки открывается родословною русскихъ князей отъ Рюрика до современнаго составителю великаго князя московскаго Ивана III Васильевича и его сыновей. За родословною помѣщено нѣсколько статей чисто юридическаго характера, относящихся преимущественно къ области духовнаго, епископскаго суда. Таковы: *„Правило законно о церковныхъ людехъ, о десятинахъ и о мѣрилахъ* (мѣрахъ и вѣсѣ) *градскихъ и о судѣхъ епископскихъ“, „Рукописаніе св. кн. Владиміра, крестившаго русскую землю“, „Уставъ* или *свитокъ вел. кн. Ярослава о судѣхъ святительскихъ“, „Уставъ вел. кн. Всеволода о церковныхъ судѣхъ и о людехъ, и о мѣрилѣхъ торговыхъ“* и др. Далѣе слѣдуютъ статьи содержанія историческаго, въ которыхъ предлагаются генеологія и хронологія русскихъ князей, преемственность на Руси митрополитовъ (начиная съ Леонтія и кончая Герасимомъ), перечень новгородскихъ архіепископовъ, краткая исторія земель—Новгородской, Кіевской и Суздальской и, наконецъ, повѣсть о тверскомъ епископѣ Арсеніи (скончавшемся въ началѣ XV в.).

Большинство этихъ статей заимствовано Авраамкою изъ какихъ-то, неизвѣстныхъ намъ, лѣтописей, по всей вѣроятности, новгородскихъ и тверскихъ, а также изъ такъ называемыхъ *Кормчихъ книгъ* Великаго Новгорода. Внесеніе ихъ въ сборникъ вызвано было назрѣвшею тогда необходимостью устранить разныя нестроенія въ управленіи какъ Смоленскою епископіею, такъ и Кіевскою митрополіей, основанныя, главнымъ образомъ, на почвѣ экономической. Литовскіе намѣстники или *державцы* (какъ ихъ тогда называли) не признавали юрисдикціи святительскаго суда и часто вмѣшивались въ дѣла, подлежащія его исключительному вѣдѣнію. Это вмѣшательство отражалось крайне неблагопріятно какъ на авторитетѣ и нравственности православнаго духовенства Западной Руси и другихъ лицъ, подвѣдомственныхъ суду митрополіи и епископій, такъ и на доходности послѣднихъ. Упорядочить же все это было возможно лишь возстановленіемъ тѣхъ правъ, которыя предоставлены были церкви св. Владиміромъ, Ярославомъ Мудрымъ и ихъ преемниками. А для этого нужно было отыскать и представить свѣтской власти уставныя грамоты этихъ князей, какъ документы юридическіе, безъ которыхъ нечего было и думать, чтобы великій князь Литовскій, по вѣроисповѣданію католикъ, согласился на предоставленіе православной церкви какихъ-либо льготъ и права самостоятельнаго суда. Очевидно, съ этою именно цѣлью онѣ и были списаны Авраамкою, по распоряженію епископа Іосифа Болгариновича. Лучшимъ доказательствомъ этого служитъ жалованная грамота вел. кн. литовскаго Александра о неприкосновенности святительскаго суда, данная имъ 20 марта 1499 г. „нареченному митрополиту Кіевскому и всея Руси, епископу Смоленскому Іосифу,“ несомнѣнно, на основаніи поднесеннаго послѣднимъ князю „свитка Ярослава“ [1]).

---

[1]) Грамота эта и свитокъ Ярослава напечатаны въ „Актахъ, относящихся къ исторіи Зап. Россіи,“ т. I, подъ № 166.

Четвертая часть сборника Авраамки составляетъ такъ называемый „Лѣтописецъ Литовскій", заключающій въ себѣ исторію Литовской земли съ вошедшими въ нее русскими княжествами, въ томъ числѣ и Смоленскимъ. Однако, эта часть, весьма цѣнная для лицъ, интересующихся Смоленскою исторіей въ изданіи Археографической Комиссіи опущена: редакторы „Лѣтописи Авраамки" нашли находящійся въ ней „Лѣтописецъ Литовскій" вполнѣ сходнымъ съ подобными же лѣтописцами, уже изданными ранѣе проф. Даниловичемъ и А. Н. Поповымъ [1]).

Таковъ составъ лѣтописнаго сборника XV в., принадлежащаго перу смолянина Авраамки, и значеніе нѣкоторыхъ его частей. Если съ точки зрѣнія исторической науки сборникъ этотъ, несмотря на весьма разнообразное его содержаніе, вноситъ сравнительно немного такого, что не было бы извѣстно по другимъ историческимъ источникамъ, то, какъ памятникъ литературный, онъ представляетъ значительный интересъ, по крайней мѣрѣ, для тѣхъ смолянъ, которые относятся небезразлично къ исторіи культурнаго развитія своей родины.

Прежде всего лѣтописный сборникъ Авраамки даетъ намъ богатый матеріалъ для сужденія о степени интеллигентности смолянина XV в., для уясненія его умственныхъ запросовъ и потребностей, всего того, чѣмъ онъ интересовался и что его занимало. Имѣющаяся же въ концѣ сборника (предъ литовскою лѣтописью) приписка или послѣсловіе списателя (точнѣе, составителя) даетъ возможность составить понятіе какъ объ его собственной личности, такъ и о тѣхъ вообще людяхъ, которые занимались въ то время списываніемъ и компиляціей разнаго рода сборниковъ. Послѣсловіе это настолько интересно, что считаемъ необ-

---

[1]) Впрочемъ, этотъ пробѣлъ пополненъ тою же Археографическою Комиссіей въ 1893 г. подъ заглавіемъ: „отрывокъ краткой Литовской Лѣтописи, находящійся въ лѣтописномъ сборникѣ, именуемомъ лѣтописью Авраамки".

ходимымъ привести его здѣсь дословно, тѣмъ болѣе, что оно знакомитъ насъ до нѣкоторой степени и съ литературнымъ языкомъ смолянъ конца XV в.:

„Въ лѣто 7003 (отъ сотворенія міра, а отъ Р. Х. въ 1495 г.) написана, бысть сія книга, глаголемый лѣтописецъ, *во градѣ Смоленсцѣ*, при дръжавѣ великаго князя Александра, изволеніемъ Божіимъ и повелѣніемъ господина владыки, епископа Смоленскаго Іосифа, *рукою многогрѣшнаго раба Божія Аврамка*. Но господье отцы и братья, и гдѣ буду неисправно поставилъ или о которой въ иной вещи, и вы, господіе мои, простите мя, Бога ради, *понеже убо младъ есмъ* и помыслъ ми приходитъ о всемъ, якоже корабль, являясь въ пучинѣ морьстей, и потопляемь бываетъ, такоже и азъ, мысля суетная, погыбаю. Еже бо отдаяти искрѣннему отъ сердце грѣхъ, Господня есть заповѣдь, и спасанная всемъ человѣкомъ: аще бо простимъ, прощены будемъ, аще ли ни, то запечатлеемъ свои грѣхи. Кто убо премудръ хотя улучшити оставленіе бещисленныхъ своихъ прегрѣшеній, да съ радостію оставиши искрьнему своему отъ сердца грѣхъ. Пророкъ Овдея рече: имъ же образомъ сотвориши, будетъ ти такожде возданіе на главу твою. Рече Богъ: аще не отпустите брату согрѣшеніе его, ни отецъ вашъ небесный не отпуститъ вамъ согрѣшеній вашихъ; рабе бо, рче, лукавыи всь долгъ отдахъ ти, понеже умоли ми, не подобаше ли *тобѣ* помиловати клеврета своего, якоже и азъ помиловахъ тя. Апостолъ Павелъ глаголеть; мняися стояти, да блюдеться, да ся не падеть блюдыи *собе*, егда и ты искушенъ будешь. Аѳанасій рече: грѣхи человѣчи видехомъ, а покаяніе ихъ не видехомъ, не подобаетъ бо осуждати всякаго человѣка, дондеже Господь судить ему, темже судя и согрѣшающаго самъ Христосъ восхищаетъ, и есть таковый антихристъ, укоряеми бо здѣ, отъ Бога оставленіе грѣховъ приимутъ, никто же бо безъ грѣха, токмо Богъ единъ сіе бо глаголю вамъ не отъ своего ума, но отъ Божественныхъ писаній. Кириллъ бо философъ рече: въ души грѣшнѣ ни дѣло благо, ни слово полезно рожаеться. Иларіонъ новый рече: кая бо грѣшнича хитрость, токмо грѣхы!“

Изъ того послѣсловія видно, что составитель лѣтописи Авраамка былъ человѣкъ хотя и молодой, но по своему времени достаточно образованный. Судя по ссылкамъ, приводимымъ имъ здѣсь въ оправданіе невольныхъ погрѣшностей при перепискѣ своего сборника, ему хорошо были извѣстны не только книги Ветхаго и Новаго Завѣта (напр., книга пророка Авдѣя, посланія апостола Павла), но и сочиненія такихъ церковно-византійскихъ писателей, какъ св. Аѳанасій Великій, Кириллъ—философъ и Иларіонъ Новый. „Знакомство Авраамки съ Свящ. Писаніемъ и твореніями отцовъ церкви еще въ молодыхъ годахъ и притомъ настолько ос-

новательное, что онъ могъ пользоваться ими для извѣстной цѣли,—говоритъ Г. К. Бугославскій,—даетъ намъ основаніе думать, что онъ *пріобрѣлъ свои познанія не путемъ начетничества, а систематическимъ изученіемъ, что возможно только въ школахъ.* Это же въ свою очередь характеризуетъ намъ постановку обученія въ смоленскихъ школахъ того времени, указываетъ на то, что въ этихъ школахъ обучали не только чтенію и письму, но знакомили, и притомъ основательно, съ Свящ. Писаніемъ и твореніями св. отецъ" [1]). О молодости лѣтописца, помимо его собственнаго признанія, свидѣтельствуетъ также и употребленіе имъ своего имени въ уменьшительной формѣ—Авраамка вм. Авраамій, Авраамъ, хотя подобное именованіе вообще лицъ, занимавшихъ невысокое положеніе, было въ то время въ обычаѣ. Это же имя даетъ основаніе заключить, что и родомъ онъ былъ смолянинъ, ибо на Руси издавна принято давать дѣтямъ имена по преимуществу тѣхъ святыхъ, которые наиболѣе чтимы въ данной мѣстности. Память же преп. Авраамія Смоленскаго въ XV в. была весьма чтима въ г. Смоленскѣ. На Смоленское происхожденіе Авраамки указываютъ также отчасти особенности его рѣчи, какъ, напримѣръ, выраженія: „тобѣ", „собѣ", „въ Смоленсцѣ" (вм. „въ Смоленьскѣ") и т. п. Наконецъ, нѣкоторая зависимость Авраамки отъ Смоленскаго владыки Іосифа, усматриваемая въ томъ, что свою лѣтопись писалъ онъ „по повелѣнію" этого епископа, наводитъ на предположеніе, что Авраамка былъ изъ числа клириковъ Смоленскаго каѳедральнаго собора, при которомъ, очевидно, было тогда богатое книгохранилище [2]). Изъ содержанія

---

[1]) Смол. Епарх. Вѣд. за 1900 г., № 5.

[2]) Оно цѣликомъ погибло при штурмѣ Смоленска королемъ Сигизмундомъ III въ ночь на 3 іюня 1611 года, когда соборъ былъ взорванъ порохомъ и горѣлъ (какъ о томъ говорятъ польскіе историки—современники и очевидцы—участники осады). Замѣчательно, что среди книжныхъ сокровищъ Смоленскаго собора, судя по изданнымъ описаніямъ, нѣтъ книгъ, которыя бы относились ко времени до 1611 года. А между тѣмъ извѣстно, что епископъ Смоленскій

лѣтописи Авраамки мы знаемъ, что онъ пользовался для нея (компилировалъ) многими произведеніями тогдашней церковной и исторической литературы. Кромѣ твореній отцовъ церкви, на которыхъ онъ ссылается въ своемъ послѣсловіи, ему доступны были: толковыя палеи, хроники (въ родѣ хроники Амартола), сочиненія Никиты Акамината (названнаго въ лѣтописи Никейскимъ), лучшаго византійскаго писателя XII—XIII вв., лѣтописи Литовскія, Тверскія, Новгородскія въ разныхъ редакціяхъ, Кормчія книги и пр.

Итакъ средній интеллигентъ Смоленской области конца XV в. прекрасно зналъ Свящ. Писаніе и творенія отцовъ церкви и интересовался не только исторіей библейскою, церковною, но и свѣтскою—Византійскою, римскою и русскою (и притомъ не одной какой-либо области Руси, а въ цѣломъ составѣ ея), а также исторіей Литовской земли, съ которою Смоленскъ въ то время былъ тѣсно связанъ. На ряду съ ходомъ историческихъ событій на Руси интеллигентъ—смолянинъ интересовался также юридическими нормами древняго русскаго законодательства, какъ свѣтскаго, такъ и духовнаго, и притомъ въ историческомъ его развитіи. Наконецъ, не чуждъ онъ былъ и религіозныхъ вопросовъ, при чемъ всѣ симпатіи его въ этомъ случаѣ были на сторонѣ древняго восточнаго православія.

Составленная въ чисто-русскомъ, національно-православномъ духѣ, лѣтопись Авраамки, несомнѣнно, должна была поддерживать среди читателей патріотическія чувства ихъ и тѣмъ препятствовать вліянію чуждыхъ духу смолянина національностей—литовской и польской. Она же свидѣтельствуетъ намъ, между прочимъ, и о томъ, что, несмотря на почти столѣтнее завладѣніе Литвы г. Смоленскомъ и его

Іосифъ Солтанъ (съ 1498 г.), впослѣдствіи митрополитъ Кіевскій, пожертвовалъ учрежденному при немъ (1500 г.) Супрасльскому монастырю въ числѣ другихъ церковныхъ вещей и нѣсколько книгъ изъ соборной библіотеки. („Супрасльскій Благовѣщ. монастырь". Историко-статистич. описаніе, составл. архим. Николаемъ Далматовымъ, С.-Пб. 1892).

областью, господствующимъ языкомъ въ немъ даже въ концѣ XV в. оставался русскій.

Помимо „лѣтописца Литовскаго“, составляющаго четвертую часть сборника Авраамки и списаннаго, несомнѣнно, въ Смоленскѣ въ концѣ XV в. (какъ о томъ ясно свидѣтельствуетъ вышеприведенное послѣсловіе), до насъ дошли и нѣкоторыя другія такъ называемыя „литовскія“, но, вѣрнѣе, западно-русскія, лѣтописи, ибо онѣ написаны на бѣлорусскомъ нарѣчіи. Еще Стрыйковскій, извѣстный польско-литовскій хронистъ XVI в., удостовѣрилъ, что „всѣ литовскія лѣтописи (которыми онъ пользовался) были писаны по-русски,“ и что „безъ Руси Литва не знала бы своей исторіи, ибо русскіе имѣютъ древнѣйшія сказанія“ [1]. Въ настоящее же время вопросъ о происхожденіи литовскихъ лѣтописей, благодаря критическимъ изслѣдованіямъ профессоровъ: И. Н. Даниловича, Н. Г. Устрялова, К. Н. Бестужева-Рюмина и И. А. Тихомирова, можно считать установленнымъ окончательно: всѣ литовскія лѣтописи, несомнѣнно, велись на языкѣ западной Руси и называются такъ только потому, что имѣли своимъ содержаніемъ судьбу литовскаго княжества; своего же національнаго лѣтописца, писавшаго на литовскомъ языкѣ, у Литвы не было. Въ 1820 году въ сборникѣ Супрасльскаго (что около Бѣлостока) монастыря, основаннаго около 1498—1500 г.г. при усердномъ содѣйствіи тогдашняго Смоленскаго епископа Іосифа Солтана (впослѣдствіи митрополита литовскаго), проф. Даниловичъ обнаружилъ древній списокъ литовской лѣтописи, исполненный, судя по имѣющейся на немъ записи, по приказанію князя Симеона Одынцевича какимъ-то священническимъ сыномъ Григоріемъ

[1]) **Stryikowsky: „Kronika Polska, Litewska, Zmudzka i wszystkiej Rusi“. Warszawa.** Изд. 1846 г., т. I, 354 и 219 стр.—Этотъ Стрыйковскій, Краковскій каноникъ, жилъ отъ 1547 до 1580 г.; свой трудъ предпринялъ по желанію самогитскаго епископа Мельхіора Гедройца и для этой цѣли, какъ онъ самъ говоритъ, въ своемъ распоряженіи имѣлъ до 12—15 древнѣйшихъ рукописей, собранныхъ имъ *отовсюду*.

Ивановичемъ въ началѣ XVI в. (въ 1520 году). Списокъ этотъ по своему содержанію весьма сходенъ съ упомянутымъ „лѣтописцемъ литовскимъ“ Авраамки и, надо думать, однороднаго съ послѣднимъ, т. е. смоленскаго, происхожденія. Самъ Даниловичъ изъ произведеннаго надъ нимъ анализа и сравненія съ полубаснословными сказаніями Стрыйковскаго пришелъ къ рѣшительному заключенію, что въ основаніи найденнаго имъ списка лежитъ цѣльное произведеніе—какая-то древняя лѣтопись, относящаяся къ XIV—XV в.в. и принадлежащая перу одного, неизвѣстнаго намъ по имени и званію, автора [1]). Очень близкое сходство съ этимъ спискомъ имѣетъ „Лѣтопись великихъ князей литовскихъ“, изданная А. Н. Поповымъ по рукописи графа А. С. Уварова и, по времени составленія, относимая издателемъ къ періоду между 1385 и 1450 г.г. Она принадлежала князю Юрію Слуцкому (+1542), потомку литовскаго князя Ольгерда, и написана почеркомъ не позднѣе половины XV в. (полууставомъ). Да и фактическій матеріалъ, заключающійся въ ней, представляетъ собою много общаго съ лѣтописью по списку, найденному Даниловичемъ. Поповъ напечаталъ Уваровскій списокъ, строго сличивъ его съ первымъ и указавъ въ построчныхъ примѣчаніяхъ всѣ ихъ разнорѣчія [2]). По мнѣнію проф. И. А. Тихомирова, многія событія, изложенныя въ обоихъ этихъ спискахъ, особенно тѣ, которыя касаются Смоленска, записаны въ этомъ послѣднемъ городѣ и, несом-

1) См. статью его: „О литовскихъ лѣтописяхъ“ въ журн. М. Н. Пр. за 1840 г., т. XXVIII, стр. 70—114. (Эта же статья на польскомъ языкѣ приложена имъ къ „Хроникѣ“ Стрыйковскаго въ изд. 1848 г.). Свою лѣтопись Даниловичъ напечаталъ въ „Дневникѣ Вилейскомъ“ за 1823 г. латинскими буквами (по польскому произношенію). Отдѣльно она издана А. Марциновскимъ въ Вильнѣ же, въ 1827 году, подъ заглавіемъ: „**Latopisiec Litwy i Kronika Ruska**“. Русскими буквами перепечаталъ ее впервые Руссовъ въ своемъ періодическомъ изданіи „Воспоминанія“ за 1832 г. (т. IV, стр. 19—48; V, 16—39; VI, 64—68).

2) См. „Ученыя записки II Отдѣл. Имп. Акад. наукъ,“ кн. I, въ прил., стр. 21—58.

нѣнно, мѣстнымъ жителемъ, современникомъ и очевидцемъ тогдашней Смоленской жизни. Таково, напр., одно изъ извѣстій о первомъ нападеніи Витовта на Смоленскъ, изложенное съ совершенно русской точки зрѣнія, о занятіи Смоленска княземъ Юріемъ Святославичемъ и о вторичномъ нападеніи Витовта на Смоленскъ въ 1401 году, о солнечномъ затменіи 7 іюня 1415 г. (въ 4 часа дня въ обѣдню), о пожарѣ въ Москвѣ и Смоленскѣ въ томъ же году, о голодѣ и морѣ, бывшемъ въ Смоленскѣ въ 1438 г., о бунтѣ смоленской черни въ 1440 г. при извѣстіи о смерти Сигизмунда I и пр. „Современникъ — говоритъ И. А. Тихомировъ — замѣтенъ какъ по массѣ числовыхъ данныхъ, такъ и по тону, какимъ извѣстія сообщаются... Говоря о студеной зимѣ 1443 года, лѣтописецъ замѣчаетъ: *„а снег был велик велма, зла многа лета тако не запомнят“*—такъ могъ сказать только современникъ; 23-го сентября того же года померъ Спасскій архимандритъ Ануфрій, *„и проводиша* его честно“—опять отзывъ очевидца; такой же точно отзывъ дается по случаю смерти смоленскаго владыки Симеона, скончавшагося *3-го марта, на средокрестной недѣлѣ, въ среду: и проводиша со честью у святого Спаса во монастыри“* [1]). Несомнѣнно, что

[1]) См. ст. И. А. Тихомирова: „О составѣ западно-русскихъ, такъ называемыхъ *литовскихъ* рукописей“. (Журн. Мин. Н. Пр. за 1901 г., мартъ и май).—Упоминаемый здѣсь Спасскій монастырь, повидимому, одинъ изъ древнѣйшихъ смоленскихъ монастырей. Въ рукописи Смол. Епарх. библ. $\frac{334}{12}$ сказано, что извѣстія о немъ встрѣчаются съ 1197 по 1609 г.г. (См. также „Географію Смолен. губ.“ Цебрикова, С.-Пб. 1862 г., стр. 330). Съ конца XIV в. онъ пользовался, какъ свидѣтельствуютъ лѣтописи, довольно широкою извѣстностью и значеніемъ. Такъ, судя по извѣстію Никоновой лѣтописи, приводимому Карамзинымъ („Исторія Гос. Росс.“, т. V, прим. 137), въ 1384 г. въ немъ (въ церкви св. Спаса) вѣнчался сынъ вел. кн. Тверского, Борисъ Михайловичъ, съ дочерью вел. кн. Смоленскаго Святослава Ивановича. Затѣмъ о Спасской обители дошло нѣсколько свѣдѣній отъ эпохи литовскаго владычества надъ Смоленскомъ—въ лѣтопис. и жалованныхъ грамотахъ великихъ князей литовскихъ этому монастырю. При осадѣ Смоленска поляками въ 1609 г. онъ сильно пострадалъ отъ пушечной пальбы русскихъ съ крѣпости, а по взятіи города

такіе мелкіе факты могъ запомнить и съ такою точностью передавать только мѣстный обыватель, современникъ—смолянинъ.

Кромѣ лѣтописи Авраамки, Супрасльской рукописи, изданной Даниловичемъ, и списка графа Уварова, обнародованнаго Поповымъ, существуютъ еще двѣ рукописи XVI вѣка подъ одинаковымъ заглавіемъ: „Лѣтописецъ великаго княжества Литовъскаго и Жимоитскаго". Это—рукопись изданная въ 1893 г. Археографической комиссіей подъ названіемъ: „Литовская лѣтопись по списку, находящемуся въ Варшавской библіотекѣ графа Красинскаго", и такъ называемая Познанская рукопись, еще не изданная и хранящаяся въ библіотекѣ графовъ Рачинскихъ (въ Познани). Отъ вышеназванныхъ списковъ литовскихъ лѣтописей онѣ отличаются, во-первыхъ, тѣмъ, что въ началѣ ихъ прибавлена древнѣйшая баснословная исторія Литвы, а во-вторыхъ, нѣсколько инымъ расположеніемъ въ изложеніи событій. Характерны, между прочимъ, такія замѣчанія, какъ въ извѣстіи о морѣ въ Смоленскѣ, бывшемъ вслѣдствіе голода въ 1438 г.: „моръ былъ велми великій на людъ, ижъ о таковомъ страху люди старые не могутъ паметати...", или въ другомъ мѣстѣ: „старые люди не помѣли..." Есть извѣстія, не находящіяся въ другихъ спискахъ литовскихъ лѣтописей, но отличающіяся, по мнѣнію проф. Тихомирова, почти буквальнымъ сходствомъ съ извѣстіями, вошедшими въ I и IV новгородскія лѣтописи и въ Супрасльскую, изданную княземъ М. А. Оболенскимъ [1]). Какъ первая, такъ осо-

на его мѣстѣ устроенъ былъ іезуитскій костелъ. Для православнаго же богослуженія болѣе онъ не возобновлялся. Слѣды монастыря и доселѣ видны на краю дер. Чернушекъ (выше Свирской церкви). Болѣе подробно о немъ см. въ соч. Н. В. Трофимовскаго: „Историко-стат. описаніе Смол. епархіи", стр. 218—220, въ „Пам. книгѣ г. Смоленска" С. П. Писарева, стр. 161—162, и въ брошюрѣ И. И. Орловскаго: „Достопамятности Смоленска", стр. 37—38.

[1]) Напечат. въ „Чтеніяхъ Общ. Ист. и древн. Россійскихъ" за 1836 г., отдѣльно въ 1838 году.

бенно послѣдняя, кстати сказать, изобилуютъ данными, заимствованными изъ недошедшихъ до насъ лѣтописей, которыя, несомнѣнно, велись въ свое время въ Смоленскѣ. Таково, напр., слѣдующее извѣстіе о битвѣ подъ Мстиславлемъ и убіеніи смоленскаго князя Святослава Ивановича въ 1489 г., находящееся въ IV Новгородской лѣтописи: 23 марта на средокрестной недѣлѣ къ Святославу собрались союзники, на страстной недѣлѣ 18 апрѣля они пришли къ Мстиславлю; граждане послѣдняго затворились, и смоляне стояли 11 дней безъ всякаго успѣха; въ Ѳомино же воскресенье, „въ полъобѣда, възрѣвше смоляни и видѣша въ полѣ, и се явися стягъ, иже есть полкъ рати литовскія...“, „и тыи полци литовьстіи бяху борзо идуще на поле. Смолнянѣ же видѣвше смутишася..., а людіе граждане (мстиславскіе) стояще на забралахъ, зряще съ города...“ [1]) Всѣ эти подробности и самое выраженіе ихъ носятъ на себѣ печать современности и, безъ всякаго сомнѣнія, принадлежали какому-то смолянину, очевидцу и участнику событія. Въ Смоленскѣ же или, по крайней мѣрѣ, смоляниномъ написана и Супрасльская лѣтопись. Она излагаетъ событія съ 862 по 1515 г. и состоитъ изъ двухъ частей, первая изъ которыхъ содержитъ въ себѣ краткую новгородскую, а вторая такъ называемую кіевскую сокращенную лѣтопись. Въ обѣихъ частяхъ, особенно въ послѣдней имѣется множество свѣдѣній, касающихся смоленской земли, при чемъ нѣкоторыя изъ нихъ, иногда мелочныя, отличаются такою поразительною точностью, которая можетъ быть объяснена только тѣмъ, что сообщало ихъ лицо, жившее въ Смоленскѣ. Напр., подъ 1496 г. описанъ пріѣздъ въ Смоленскъ княжны Елены Ивановны, невѣсты великаго князя литовскаго Александра, при чемъ сказано, что это произошло 15 февраля, передъ масленицею, въ день памяти св. апостола Онисима. Далѣе точно обозначено назначеніе епископа смоленскаго Іосифа

[1]) Полн. Собр. Лѣт. Рус., IV, 92—93.

Солтана кіевскимъ митрополитомъ—30 мая 1498 г., а посвященіе его—10 мая 1500 г. Затѣмъ подъ 1495—96 гг. часто употребляются слова: „насъ", „наше", ясно указывающія, что переписчикъ или составитель Супрасльской лѣтописи былъ человѣкъ мѣстный, смолянинъ.

Въ 1898 г. извѣстный знатокъ нашей старины С. А. Бѣлокуровъ обнародовалъ нѣсколько русскихъ лѣтописей по рукописному сборнику, относящемуся по письму къ концу XV в. принадлежащему г. Никифорову [1]. Въ числѣ этихъ лѣтописей находится и такъ называемая литовская, изданная нѣкогда проф. Даниловичемъ по списку XVI в., но въ болѣе краткой, сравнительно съ послѣднимъ, редакціи. Бѣлокуровъ назвалъ ее „Хроникою русскою, или лѣтописцемъ вкратцѣ" и предполагаетъ, что составителемъ ея былъ смоленскій епископъ Герасимъ, впослѣдствіи кіевскій митрополитъ, или лицо, близкое къ нему въ бытность его епископомъ, (1426—1432). Надо сказать, что епископу Герасиму придаютъ большое значеніе въ дѣлѣ Смоленскаго лѣтописанія и современные польскіе историки: Исид. Шараневичъ, Стан. Смолька и А. Прохаска (профессора въ Краковѣ и Львовѣ), которые признаютъ, что общимъ источникомъ для всѣхъ сборниковъ, литовско-русскихъ лѣтописей были лѣтописи смоленскія, приведенныя въ порядокъ при этомъ епископѣ [2]. По мнѣнію Смольки, въ Смоленскѣ велись двѣ лѣтописи: одна съ 1395 по 1418 г., а другая съ 1432 по 1446; Прохаска же признаетъ только одну, ибо въ Смоленскѣ лѣтописныя замѣтки дѣлались и до Герасима и послѣ него. Съ послѣднимъ мнѣніемъ соглашается и нашъ ученый Тихомировъ, утверждающій при этомъ, что въ основаніе историческаго труда, составленнаго при епископѣ Гера-

[1] См. „Чтенія Москов. общ. ист. и Древ." за 1898 г., кн. IV.

[2] См. труды ихъ: 1) Izydor Szaraniewicz, O latopisach i kronikach XVI i XVII wieku (Krakow, 1882) 2) Stanislav Smolka, Naidawnejsze Pomniki dziejopisarstwa rusko-litewskiego (Krakow, 1889), 3) A. Prochaska latopis litewski (Lwow, 1890).

симѣ, легъ „Владимірскій лѣтописецъ“, доведенный отъ принятія христіанства до 1427 г., а для русско-литовской хроники взяты были офиціальные матеріалы изъ княжеской литовской канцеляріи, добытые владыкою, благодаря его вліянію при дворѣ, и разныя лѣтописныя замѣтки, веденныя въ Смоленскѣ до и послѣ его епископства. Извѣстно, что Герасимъ, возвратившись въ 1432 г. изъ своего путешествія въ Константинополь для поставленія въ митрополиты, не занялъ стольнаго города Кіева, а остался жить въ своей прежней епископской столицѣ, Этимъ, между прочимъ, объясняется возникновеніе той смоленской хроники, которая начинается извѣстіемъ о возведеніи Герасима въ митрополиты и служитъ явнымъ продолженіемъ ранѣе начатой лѣтописи. „По нашему мнѣнію,—говоритъ проф. Тихомировъ, — причины возникновенія литовско-русскихъ лѣтописей были совершенно такія же, какъ и вообще всѣхъ лѣтописей,—это желаніе оставить потомству извѣстія о прожитомъ и о дѣлахъ, случавшихся на глазахъ лѣтописца, а съ другой стороны, и самому узнать о дѣлахъ давно минувшихъ дней“ [1]).

Всѣ дошедшія до насъ русско-литовскія лѣтописи принято дѣлить на два свода краткій и полный. Краткій сводъ отъ смерти Гедимина до 1446 г. представляютъ лѣтописные списки, изданные Даниловичемъ, Поповымъ и Бѣлокуровымъ, лѣтопись Авраамки, списокъ гр. Красинскихъ и такъ называемая Познанская рукопись [2]). Полный же сохранился лишь въ единственномъ дошедшемъ до насъ сводѣ,

[1]) См. „Журн. М. Н. Пр.“ за 1891 г, № 2 (Замѣтка И. А. Тихомирова: „Два польскихъ труда о западно-русскихъ лѣтописяхъ“, стр. 397—412).

[2]) Списокъ, гр. Красинскихъ находится въ ихъ библіотекѣ въ Варшавѣ, среди статей сборника XVI в. и имѣетъ заглавіе: „Лѣтописецъ великаго князьства литовскаго и жимоицьскаго“. Весь сборникъ очень подробно описанъ въ статьѣ проф. Е. Ѳ. Карскаго: „О языкѣ такъ назыв. литовскихъ лѣтописей“ (въ „Варшав. Унив. Изв. 1894 г., № 11 и отд. оттискѣ), при чемъ приведено много выдержекъ изъ лѣтописи. Познанскій списокъ заключается тоже въ сборникѣ XVI в., хранящемся въ библіотекѣ гр. Рачинскихъ, въ Познани, и озаглавленъ совершенно такъ же, какъ и предыдущій. Отрывки изъ него на-

извѣстномъ подъ именемъ „Лѣтописи Быховца“ и изданномъ г. Нарбутомъ. Лѣтопись эта содержитъ въ себѣ, какъ и списки гр. Красинскихъ и Познанскій, древнѣйшую баснословную исторію Литвы, но доведена до 1506 г. Писана она латинскими буквами и по бумагѣ и почерку относится, по мнѣнію издателя, къ концу XVI или началу XVII вѣка. Какъ и другія такъ называемыя *литовскія* лѣтописи, она также западно-русскаго происхожденія: на послѣдней страницѣ рукописи имѣется приписка: „**Kronika Litewska z Ruskiego języka na Polski przetlumaczona**“, по поводу чего самъ издатель замѣчаетъ, что переводъ этотъ заключается лишь въ замѣнѣ польскимъ переписчикомъ кирилловскихъ (русскихъ) буквъ латинскими [1]). Въ составъ лѣтописи Быховца, по мнѣнію проф. Тихомирова, сдѣлавшаго подробный ея анализъ, вошли какъ краткія литовскія, такъ и южно-русскія хроники, *которыхъ лѣтописецъ, повидимому, не различалъ, совершенно справедливо считая ихъ за одно и то же*. Того же самаго взгляда держался и извѣстный польскій хронистъ XVI в. Мартинъ Бѣльскій (род. около 1495+1576 г.), который для своей „**Kronika Polska**“ (Sanok, 1856) пользовался многими, по его выраженію, *„литовскими или русскими лѣтописцами“* [2]).

Итакъ въ XVI в. литовскіе лѣтописцы или русскіе представляли собой понятіе тождественное, а слѣдовательно и оба названія лѣтописей: *литовскія* и *русскія* имѣютъ со-

---

печатаны въ статьяхъ объ этомъ сборникѣ акад. Бодянскаго: „О поискахъ моихъ въ Познанской библіотекѣ“ (*Чтенія въ Имп. Общ. ист. и др росс.*, 1846 г., № 1) и нѣмецкаго ученаго, проф. А. Брюкнера: „**Ein weis russischer Kodex miscelaneus der Gräflich Raczynski'schen Bibliotek in Posen**“ (**Archiw für Sl. Phil.**, 1886 г., IX).

[1]) Г. Нарбутъ издалъ лѣтопись Быховца (такъ она называется по имени владѣльца) въ польской транскрипціи подъ полнымъ заглавіемъ ея рукописи: **Pomniki do dziejow Litewskich. Kronika Litewska. Wilno. 1846.** Въ русской транскрипціи она напечатана Археогр. Комиссіей въ т. XVII „Полнаго Собр. Рус. Лѣт.“. Отрывокъ изъ нея имѣется также въ „Сборникѣ Муханова“, М. 1836 г.

[2]) Переводъ же этой хроники съ польскаго на русскій, надо думать, во всякомъ случаѣ сдѣланъ былъ въ Смоленскѣ.

вершенно одинаковое значенie, прилагаются къ одному и тому же предмету. Первое прилагается къ лѣтописямъ по ихъ содержанiю, потому что они излагаютъ судьбы литовскаго народа и государства, а второе—по ихъ внѣшнему виду, потому что писаны были по-русски, точнѣе, на *бѣлорусскомъ* нарѣчiи, употребляющемся и доселѣ въ областяхъ западной Руси, въ томъ числѣ и въ большей части губернiи Смоленской [1]).

Недавно въ одномъ изъ сборниковъ XVI в., принадлежащемъ библiотекѣ Арханг. Церк.-Археолог. Комитета, г. Бугославскiй разыскалъ совершенно краткую редакцiю литовской или западно-русской лѣтописи, которая по содержанiю и языку, несомнѣнно, *смоленскаго* происхожденiя. Исторiя литовскаго княжества заканчивается здѣсь описанiемъ борьбы князя Сигизмунда Кейстутьевича съ Свидригайломъ, котораго русскiе князья и бояре избрали на княженiе—въ Кiевѣ, Смоленскѣ, Витебскѣ и прочихъ „градахъ русскихъ". Сигизмундъ выходитъ изъ этой борьбы побѣдителемъ и торжествуетъ, послѣ чего, сказано въ лѣтописи, „начаша русскихъ князей роды оскудѣвати и отечества меншати, ненависть бо велiю имѣяху на нихъ злыя панове ляхове; по сихъ же окаяннiи своего государя, великаго князя литовскаго Жигимонта убиша", (что произошло въ 1440 г.). Къ лѣтописи прибавлено „родословiе литовскаго княжества, гдѣ описана сначала женитьба Гегименика, конюшаго князя Витеница, происходившаго изъ рода вел. князя смоленскаго Ростислава Мстиславича, на вдовѣ этого Витеница; затѣмъ говорится о рожденiи отъ этого брака 7 сыновей, о занятiи Гегимеником, по порученiю вел. кн. Александра

---

[1]) Бѣлорусское нарѣчiе стало въ большей или меньшей степени слагаться не позже XIII в.; окончательно же выработалось оно въ эпоху литовскаго владычества, ставъ не только разговорнымъ языкомъ у русскихъ, но и оффицiальнымъ у литовцевъ. (Проф. Е. Ф. Карскiй: „Бѣлоруссы. Введенiе къ изученiю языка и народной словесности" Книга I „Виленскаго Временника", изд. Вил. Ген.-Губерн. Упр., 1904 г., стр. 105, 118, 123—124).

Михайловича, „принѣманской стороны“ и о принятіи званія великаго князя подъ именемъ Гедимина; наконецъ идетъ перечисленіе его потомства поколѣнно вплоть до Сигизмунда, который названъ здѣсь „кралемъ нынѣшнимъ, т. е. современникомъ вел. князя Василія III Ивановича, при которомъ Смоленскъ перешелъ подъ власть Москвы [1]).

На ряду съ лѣтописною литературою въ Смоленскѣ продолжала развиваться, конечно, и церковная письменность. Хотя во время религіозныхъ преслѣдованій православія (въ періодъ династической уніи Литвы съ Польшей и особенно при Сигизмундѣ III, въ польскую эпоху исторической жизни Смоленска), масса церковныхъ русскихъ рукописей подверглась безпощадному истребленію, все же нѣкоторыя изъ нихъ, правда, очень немногія дошли и до нашего времени и могутъ служить наглядным доказательствомъ этого развитія. Таковъ, во-первыхъ, *сборникъ словъ преп. Исаака Сирина*, хранящійся въ С.-Петербургской Императорской Публичной библіотекѣ. На немъ имѣется запись, изъ которой видно, что слова преп. Исаака Сирина переписаны были въ 1428 году, въ княженіе Витовта, въ г. Смоленскѣ по порученію тогдашняго епископа Герасима, при которомъ, какъ мы видѣли велась и смоленская лѣтопись [2]). Другимъ образцомъ смоленскаго рукописнаго искусства того времени является *минея мѣсячная за мартъ и апрѣль*, переписанная въ 1487 году дьякомъ Сенкомъ Яковлевичемъ, Смоленскимъ уроженцемъ. Въ концѣ этой рукописи (изъ 183 страницъ, исписанныхъ въ два столбца полууставомъ XV в.), въ послѣсловіи, читаемъ: „Изволися написати сіа книгы, ре-

---

[1]) „Архангел. Епарх. Вѣд.“ за 1904 г., статья Г. К. Бугославскаго: „Одинъ изъ рукописныхъ сборниковъ XVI в., хранящихся въ древнехранилищѣ Арханг. Епарх. Церковно-Археолог. Комитета“.

[2]) Чтенія въ Историч. Общ. Нестора Лѣтописца“ за 1895 г. кн. 9 (ст. акад. и проф. А. И. Соболевскаго: „Запись начала XV в.); см. также „Смол. Епарх. Вѣдом.“ за 1899 г., № 10 (замѣтка Г. К. Бугославскаго: „Нѣсколько словъ о смоленскомъ епископѣ начала XV в. Герасимѣ“).

комы мартъ съ априлемъ, лѣта (отъ Рожд. Хр.) тысяча чотыриста осмъ десятъ семого, при державѣ короля польскаго Казимира, великаго князя литовскаго, а повелѣніемъ и желаніемъ пана Солтана, короля его милости маршалка литовьскаго, нареченнаго въ святѣмъ крещеніи Александръ, рукою многогрѣщнаго и грубаго діакона Сенка, *родомъ Смольянина*, отъ отца именемъ Іакова..." Изъ дальнѣйшихъ приписокъ на этой рукописи видно, что она въ 1626 году была передана въ знаменитый тогда Жировицкій монастырь, основателемъ котораго былъ отецъ названнаго въ послѣсловіи Александра Солтана, также Александръ, подскарбій земли литовской; оттуда она поступила впослѣдствіи въ литовскую духовную семинарію, а нынѣ находится въ Виленской Публичной библіотекѣ. Тѣмъ же почеркомъ и, вѣроятно, тѣмъ же доброписцемъ написана и другая *минея за январь и февраль* (XV в.), хранящаяся въ этой библіотекѣ и попавшая въ нее изъ того же Жировицкаго монастыря [1]).

Къ памятникамъ смоленской письменности XV в. надо отнести также разнаго рода акты юридическаго характера, уставныя и жалованныя грамоты или „привилеи", листы судовые, купчіе, раздѣльные, долговые, вѣновные, поручные, записные, заставные и т. п. [2]). Всѣ эти юридическіе памят-

---

1) „Описаніе рукописей Виленской Публ. Библ." Ф. Добрянскаго, Вильна, 1882 г., стр. 198, 199 и 287; см. также „Смол. Епарх. Вѣдом." за 1899 г., № 23 (замѣтка Г. К. Бугославскаго: „О дьякѣ—смолянинѣ XV в. Сенкѣ Яковлевичѣ и нѣсколько словъ о рукописяхъ Вилен. Публ. Библ., имѣющихъ значеніе для исторіи Смоленской земли".

2) Многіе изъ этихъ актовъ напечатаны въ разныхъ сборникахъ (напр. Муханова, Оболенскаго и др.) и ученыхъ изданіяхъ (особенно въ изданіи Археографической Комиссіи: „Акты, относ. къ исторіи Зап. Россіи"), но большинство находится еще въ такъ называемой *Литовской Метрикѣ* (т. е. въ документахъ польскаго королевства, хранящихся въ значительной части въ *Архивѣ Министерства Юстиціи)*. Послѣдними пользовался московскій проф. М. К. Любавскій для своей монографіи: „Областное дѣленіе и мѣстное управленіе Литовско-русскаго государства ко времени изданія перваго Литовскаго статута" (напечат. въ „Чтеніяхъ Импер. общества исторіи и древн. росс. при Москов. универс." за 1892—1893 г.г. и отдѣльно). Въ этой замѣчательной

ники писались на *бѣлорусскомъ* языкѣ; нѣкоторые изъ нихъ изложены и литературно и научно и свидѣтельствуютъ о довольно высокой культурѣ смолянъ въ эпоху подчиненія ихъ области Литвѣ. Особенно замѣчательна между ними и важна для исторіи Смоленской земли ***уставная грамота великаго князя литовскаго и короля польскаго Александра Казиміровича, данная имъ 1 марта 1505 г.*** по просьбѣ смоленскаго епископа Іосифа (Солтана), окольничихъ Смоленскихъ, всѣхъ князей, пановъ, бояръ, мѣщанъ, черныхъ людей и всего вообще населенія города Смоленска и земли Смоленской. Историческое значеніе этой грамоты помимо ея сущности, заключается въ томъ, что въ ней внесены 4 такихъ же документа предшествующаго времени: ***уставная грамота,*** пожалованная вел. кн. Казиміромъ Ягелловичемъ, отцомъ Александра, около 1445 г. въ подтвержденіе правъ и обычаевъ Смоленской земли, санкціонированныхъ раньше Витовтомъ, ея завоевателемъ, и его ближайшими преемниками; два ***судовыхъ листа,*** данныхъ тѣмъ же Казиміромъ на имя ***державцы*** (намѣстника) Смоленскаго Николая Радзивилла вслѣдствіе жалобъ на него смолянъ; ***листъ*** самого Александра, писанный къ Смоленскому намѣстнику Юрію Глѣбовичу, объ отбываніи горожанами и владѣльческими людьми различныхъ повинностей. Такимъ образомъ въ грамотѣ иди привилеѣ 1505 г. отразился гражданскій бытъ и правовое положеніе смолянъ почти за все время зависимости ихъ отъ Литвы. По ней мы можемъ судить какъ о притѣсненіяхъ, чинимыхъ смолянамъ правительственными чиновниками, такъ въ особенности о тѣхъ льготахъ и привиллегіяхъ, которыя давались Смоленской землѣ литов-

---

работѣ дано много свѣдѣній о Смоленской землѣ въ литовскую эпоху ея историч. жизни, обнародованныхъ впервые и почерпнутыхъ изъ обильнаго матеріала, представляемаго изслѣдователямъ Литовскою Метрикой. О послѣдней см. работу С. Л. Пташицкаго: „Описаніе книгъ и документовъ Литовской Метрики“, СПБ., 1887 г. заслуживаютъ вниманія также статьи проф. Ѳ. И. Леонтовича: „Крестьянскій дворъ“ и др. (напеч. въ „Журн. М. Нар. Пр.“ за 1896 г. и отдѣльно).

скими князьями [1]). Интересна дальнѣйшая судьба этой грамоты. Въ 1514 году Смоленскъ, какъ мы уже знаемъ, былъ отнятъ у Литвы вел. кн. Василіемъ Ивановичемъ. Тотчасъ послѣ присоединенія его къ Москвѣ великій князь подтвердилъ Смоленскую уставную грамоту, при чемъ обѣщалъ „ихъ (т. е. смолянъ) держати о всемъ по тому, какъ ихъ держалъ князь великій Витовтъ и иные государеве, и Александръ король, и Жигимонтъ, по ихъ утвержденнымъ грамотамъ" [2]).

Для образца языка, на которомъ писались всевозможные юридическіе акты въ Смоленской землѣ въ литовскій періодъ, приведемъ ***присягу паня Юрья Андреевича. (Сологуба) воеводы Смоленскаго.***

„Я, Юрьи Андреевичъ, воевода Смоленскій, присегаю Богу и Пречистой Его Матери и всимъ светымъ наиживотворящій крестъ, штожъ господарь король и великій князь Жикоимонтъ его милость пожаловалъ, далъ ми воеводство Смоленское, замокъ Смоленскій на себе держати: и я маю его милости господару моему верне и справедливе служити и индѣй нигдѣ не маю ея склоняти змысломъ и вчинкомъ и маю на господара его милости Жикгимонта, короля Польского и великаго князя, тотъ замокъ держати и его до горла моего боронити и никому не подавати, только ему, господару моему прирожоному. А што вѣдати буду на кого—колвекъ (кого-либо), штобы было ку господарьскому и земли тое, великаго князства Литовскаго, шкодному вмыщлено або справено, мнѣ тою боронити и господарю вѣдати и знати дати, какъ есть у правдѣ. А если бы ся надъ господаремъ Божья воля стала, его жъ Боже вховай, и я маю тою жъ мѣрою вѣдне и справедливе тотъ замокъ на дѣти его милости, господаря моего къ великому князьству Литовскому держати, какъ и на самого его милость, и во всемъ детемъ его милости службу и вѣрность маю полнити, какъ и самому его милости господару. Естли пополню, Боже ми помози, а естли не пополню, побій мне въ души и въ теле моемъ въ сей вѣкъ и на будучій. Мѣсеца апрѣля 9 день, индиктъ 2 (1514 г.)" [3]).

---

[1]) Значеніе этой грамоты (напеч. въ Актахъ Зап. Рос., т. I, № 213, стр. 359—363) Смоленской земли выяснено, между прочимъ, въ сочиненіи Кіевскаго профессора М. Ясинскаго: „Уставныя земскія грамоты Литовско-Русскаго государства", Кіевъ, 1889 г., стр. 57—61, 83—85.

[2]) Сборникъ госуд. грам. и догов., т. I, № 149, стр. 412.

[3]) Наход. въ Литов. Метрикѣ, книга записей VII, л. 253—254; напеч. въ монографіи проф. Любавскаго, прил. № 24, стр. XXI, а также въ брошюрѣ Е. И. Кашпровскаго: „Борьба Василія III Ивановича съ Сигизмундомъ I, Казиміровичемъ изъ-за обладанія Смоленскомъ", Нѣжинъ, 1899 г., стр. 123 прил. № 1.

Такимъ образомъ, съ переходомъ Смоленскаго княжества подъ власть литовскихъ великихъ князей, условія умственной жизни смолянъ не измѣнились къ худшему. Мало цивилизованные побѣдители, взявшіе верхъ надъ всею Западною Русью лишь грубой силой, не могли навязать ей свои порядки и обычаи, не могли обезличить ее, но, наоборотъ, сами подчинились мирному оружію покореннаго народа, его вѣками нажитой цивилизаціи. Русская образованность, русскіе языкъ и письменность становятся господствующими во всемъ литовскомъ государствѣ; князья литовскіе охотно усваиваютъ все русское, удерживаютъ въ присоединенныхъ земляхъ ихъ древніе порядки, сохраняютъ вѣчевое устройство городовъ [1]), терпимо относятся къ православной вѣрѣ и даже сами принимаютъ крещеніе по обряду греко-русской церкви [2]). Овладѣвъ Смоленскомъ и желая упрочить за собой покоренную землю, Витовтъ, какъ говоритъ лѣтопись, тотчасъ же пожаловалъ ей уставную грамоту, которою гарантировалъ личныя и

---

[1]) См., напр., *Акты Зап. Россіи*, т. I, № 60, откуда видно, что *вѣче* въ нѣкоторыхъ древне-русскихъ городахъ, подвластныхъ Литвѣ, продолжало существовать и въ XV в. Въ Смоленскѣ въ 1440 году, по убіеніи вел. кн. Литовскаго Сигизмунда Кейстутьевича въ Трокахъ, смоляне (преимущественно купцы и ремесленники), какъ сказано въ „Хроникѣ о литов. князьяхъ" (изд. 1893 г., стр. 40), „вздумали раду собе", зазвонили въ королевскій *радный* (вѣчевой) колоколъ и стали собираться у церкви свв. Бориса и Глѣба. На этой радѣ они рѣшили изгнать изъ Смоленска Литовскаго Воеводу (маршала) пана Андрея Сановича, за его поборы и суровое, явно несправедливое отношеніе къ народу, а на его мѣсто избрали русскаго православнаго князя Андрея Дмитріевича Дорогобужскаго, (а послѣ за его отказомъ князя Юрія Лугвеневича Мстиславльскаго). По присоединеніи Смоленска къ Москвѣ этотъ королевскій колоколъ, сзывавшій населеніе для рѣшенія дѣлъ и напоминавшій собою вел. кн. Василію III вѣчевые колокола Новгорода и Пскова, былъ снятъ и перевезенъ въ Москву. Однако черезъ 2 года великій князь послалъ въ Смоленскъ новый, слитый изъ двухъ мѣрою и вѣсомъ въ прежній „королевской большой Смоленской" (*Влад. лѣт.* подъ 20 сент. 1514 г. и *рукоп. Москов. Синод. Библ.*, № 793, л. 232 и об. л. 234).

[2]) Такъ Гедиминъ, оставаясь язычникомъ, не препятствовалъ однако своимъ сыновьямъ и дочерямъ (при ихъ замужествѣ) принимать крещеніе.

имущественныя права населенія и подтвердилъ мѣстные обычаи и искони сложившіеся порядки [1]). Эти привиллегіи и льготы Смоленскому населенію были затѣмъ не разъ подтверждены преемниками Витовта: Сигизмундомъ Кейстутьевичемъ (въ 1435 г.), Казиміромъ Ягелловичемъ (въ 1445 г.) и, наконецъ, Александромъ Казиміровичемъ (въ 1505 г.). Не лишая возможности Смоленскую паству своихъ архипастырей, литовско-польское правительство оказывало въ то же время заботу и о сохраненіи правъ, присвоенныхъ православнымъ епископамъ. Доказательствомъ этого служатъ дошедшія до насъ **жалованныя грамоты** литовскихъ князей Смоленскимъ епископамъ: Іосифу Болгариновичу и Іосифу Солтану. Такъ въ 1494 г. вел. княземъ Александромъ было подтверждено Смоленскому намѣстнику въ суды церковные не вступаться; въ 1499 г., при епископѣ Іосифѣ Болгариновичѣ, возстановлена судебная грамота или свитокъ вел. кн. Ярослава Мудраго, гдѣ кругъ и порядокъ судопроизводства утвержденъ въ прежнемъ видѣ; въ 1505 г. новою грамотою обѣщано по примѣру предковъ, „христіанства греческаго закону не рушити, налога на ихъ (православныхъ) вѣру не чинити, въ церковныя земли и воды не вступатися, также и въ монастыри“ [2]). Въ 1511 г. литовско-польскій король Сигизмундъ I старый въ жалованной своей грамотѣ православнымъ епископамъ между прочимъ писалъ такъ: „Били намъ челомъ митрополитъ Іосифъ (Солтанъ) и епископы, которые суть подъ митрополіею Кіевскою и всея Руси, и клали предъ нами листы предка нашего кн. Витовта, и отца нашего Казиміра, и брата нашего Александра, которыми сіи короли и великіе князи утвердили церковные закону Греческаго справы и суды... И мы посмотрѣвши на ихъ

---

[1]) См. ***Никон. лѣт.*** IV, 310 стр., (подъ 1404 г,) гдѣ сказано: „Въ Смоленсцѣ (Витовтъ) свои намѣстници пасади, ляхи, и приказа людемъ Смоленскимъ *лготу многу чинити*, отводя ихъ отъ князя Юрья (Святославича)“.

[2]) Акты Зап. Россіи, т. I, стр. 142 (№№ 43 и 82) и стр. 359.

права духовныя писанныя, которыя съ начатку вѣры ихъ установлены и имъ даны..., подтверждаемъ симъ нашимъ листомъ митрополиту Кіевскому и всея Руси Іосифу и всѣмъ епископамъ въ отчинѣ нашей, великомъ княжествѣ Литовскомъ и Русскомъ, какъ духовныхъ, такъ и свѣтскихъ судити и рядити, и всякія дѣла духовныя справляти и благословляти, и непослушныхъ карати по правамъ и уставамъ Соборной Восточной церкви... И приказуемъ, дабы вси князи и панове нашего Римскаго Закону, какъ духовные, такъ свѣтскіе, и воеводы, и старосты, и намѣстники наши какъ Римскаго Закону, такъ и Греческаго, и тивуны, и вси заказники..., кривды церкви Божіей и митрополнту и епископамъ не чинили и въ доходы церковные не вступалися" [1]). Сюда же надо отнести ***листы*** или ***наданья*** литовско-польскихъ королей различнымъ Смоленскимъ храмамъ и монастырямъ, утверждавшіе права послѣднихъ на владѣніе какъ прежнею, такъ и вновь пріобрѣтаемою или же жалуемою собственностью. Таковы: ***правая грамота*** короля польскаго Казиміра (1486 г.) Смоленскому Архангело-Михайловскому монастырю (нынѣ Свирская церковь) на владѣніе селищемъ Макѣевскимъ; ***судная грамота*** того же короля (1489 г.) причту Смоленской церкви св. Николая Полетѣлаго (прекрат. существованіе еще до взятія Смоленска поляками) на владѣніе селомъ Ѳоминымъ на Рогожѣ съ десятиною; ***жалованныя грамоты*** Сигизмунда I (1508 и 1510 г.г.) Смоленскимъ монастырямъ: Іоанно-Богословскому (нынѣ обыкновенный храмъ), Спасскому (нынѣ не существ.) и Троицкому (бывш. тогда на Кловкѣ) и т. п. [2]).

Хотя выдача всѣхъ этихъ грамотъ и листовъ или ***привилеевъ*** (какъ ихъ въ то время называли) обусловливалась

---

[1]) **Ibidem**, т. II, стр., 82 (№ 65).

[2]) **Ibid.** т. I, стр. 106 (№ 87), 112 (№ 95); т. II, стр. 26, 27 и 174, см. также „Вѣстникъ Зап. Россіи" за 1870 г., стр. 47—49. Первая изъ этихъ грамотъ (на имя Архангело-Михайловскаго монастыря напечатана и у Писарева („княж. мѣстность и храмъ князей въ Смоленскѣ", стр. 81—82).

исключительно политическимъ тактомъ литовско-польскихъ государей, требовавшихъ отъ нихъ закрѣпленія привязанности къ себѣ покореннаго народа, но въ данномъ случаѣ имѣетъ значеніе то, что за Смоленской землей обезпечена была и политическая до извѣстной степени самостоятельность, и, главное, религіозная независимость и самобытность. Особенно же важно для насъ усвоеніе юридическаго значенія языку **русскому**, то, что на немъ должны были писаться и писались всѣ тогдашніе гражданскіе и даже государственные акты, что онъ, слѣдовательно, былъ признанъ оффиціальнымъ, какъ языкъ законодательства, управленія, суда. А это обстоятельство поневолѣ вызывало на изученіе русской грамоты и, конечно, вполнѣ гарантировало свободу русской школы и просвѣщенія. Веденіе и списываніе лѣтописей, переписка богослужебныхъ книгъ и вообще духовныхъ сочиненій и, наконецъ, дошедшіе до насъ различные юридическіе документы—все это служитъ для насъ нагляднымъ доказательствомъ довольно широкаго развитія грамотности и письменности, является яснымъ указаніемъ на то, что и въ періодъ подчиненія Смоленска Литвѣ въ немъ продолжали существовать **училища**. Вѣдь должны же были гдѣ-нибудь учиться лѣтописатели, въ родѣ вышеупомянутаго Авраамки, или „доброписцы“, какъ извѣстный намъ **дьякъ** (писецъ) Сенко Яковлевичъ, который, какъ мастеръ, спеціалистъ своего дѣла, приглашенъ былъ на службу даже къ виленскому сановнику. Должны были учиться и тѣ многочисленные „урядовые служебники“, на обязанности коихъ лежало изготовленіе всевозможныхъ юридическихъ актовъ, какъ духовныя завѣщанія, листы купчіе, раздѣльные, долговые, земельные, заставные, поручные, вѣновные и т. п. Обширное и сложное канцелярское дѣлопроизводство при воеводахъ и старостахъ требовало, по словамъ проф. Любавскаго, громаднаго штата **писарей** и **дьяковъ**, для которыхъ безусловно необходимо было отчетливое знаніе русской грамоты и письма. Необхо-

димо было оно, конечно, и для лицъ высшей администраціи и суда, какъ ***намѣстникъ - державца*** или ***воевода*** и его ближайшіе помощники: ***староста мѣста Смоленскаго, городничій, казначей, окольничіе*** и „иншіе врядники“, т. е. и другіе центральные чиновники, оставшіеся отъ прежней (удѣльной) эпохи и вершившіе съ намѣстникомъ всякія текущія дѣла [1]).

V.

Присоединивъ Смоленскъ послѣ двухлѣтней упорной осады, къ московскому государству и поставивъ намѣстникомъ въ немъ одного изъ своихъ воеводъ—князя Василія Шуйскаго, великій князь Василій III двумя жалованными грамотами подтвердилъ, какъ сказано выше, всѣ прежнія его права и привиллегіи, дарованныя литовскими государями [2]).

Внутренняя жизнь Смоленска, ставшаго теперь Московскимъ пригородомъ, и всего воеводства смоленскаго оставалась, такимъ образомъ, пока безъ всякихъ измѣненій, и смоляне продолжали жить по тѣмъ формамъ, какія выработались у нихъ за 100 слишкомъ лѣтъ литовскаго влады-

---

[1]) ***Любавскій, М.:*** „Областное дѣленіе и мѣстное управленіе Литовско Русскаго государства“, стр. 667 и др.

[2]) Опись царскаго архива говоритъ о *двухъ* грамотахъ, данныхъ Василіемъ Ивановичемъ новопріобрѣтенной отчинѣ: одна—„*какъ пожаловалъ мѣщанъ Смоленскихъ*“, другая—„*болшая всей землѣ, какъ взятъ Смоленскъ*“, (Акт. Арх. Эксп., т. I, № 289, стр. 342, ящикъ 74). Изъ указанныхъ описью грамотъ первая утеряна, вторая же сохранилась и была напечатана. На ней есть дата: "Писана въ нашей отчинѣ въ Смоленску, лѣта 7022 (1514), іюля і 10 день“ (Собр. госуд. грам. и догов., ч. I, № 148, стр. 412—413). Въ грамотѣ этой сказано: „И мы Великій Государь Василій, Божіею милостію Государь всея Руссіи и Великій Князь, Владыку и окольничихъ, и князей, и бояръ, и мѣщанъ, и черныхъ людей, и всѣхъ людей нашеи отчины Смоленскіе земли пожаловали, дали есмя имъ свою грамату жаловальную, что намъ ихъ держати о всемъ по тому, какъ ихъ держалъ Князь Великій Витофтъ и иные Государеве, и Александръ Король и Жигимонтъ, по ихъ утвержденнымъ граматамъ и по сей нашей жалованной грамотѣ: а пречистые намъ дому, и скарбу, и манастырей, и церквей не рушати ничѣмъ, ни въ земли намъ, ни въ воды церковные и монастырскіе не вступатися ничѣмъ....“.

чества. Но дальнѣйшій культурный прогрессъ края, умственное движеніе среди его населенія нѣсколько пріостановилось и какъ бы затихло. По крайней мѣрѣ въ области литературы, этого главнаго проявленія духовной жизни каждой страны, отъ Смоленской земли за весь XVI вѣкъ до насъ не дошло рѣшительно ничего оригинальнаго. Рядъ списковъ прежнихъ литературныхъ произведеній — житія преп. Авраамія и сказанія о героѣ—мученикѣ Меркуріи, вновь составленная церковная служба этому святому, [1]) повѣсть „О великомъ князѣ Ростиславѣ Смоленскомъ и о церкви", [2]) жалованныя грамоты Василія III землѣ Смоленской и „противень слово въ слово" или списокъ съ уставныхъ грамотъ Ростислава Мстиславича и епископа Мануила объ учрежденіи смоленской епископіи [3])— вотъ собственно почти все, что намъ извѣстно отъ этой эпохи. Возможно, конечно, что многое исчезло въ смутныя времена начала XVII в., когда Смоленскъ подвергся крайне разорительному нападенію со стороны поляковъ, многое было

---

[1]) По мнѣнію Е. И. Кашпровскаго, служба св. Меркурію Смоленскому составлена была во время осады Смоленска Василіемъ III, по благословенію архіепископа Варсонофія, не сочувствовавшаго стремленіямъ великаго князя. Это видно изъ рукописи принадлежащей графу Ѳ. А. Уварову ($\frac{№ 681, 573}{862}$), гдѣ на листѣ 416, предъ канономъ есть приписка: „Канон святому Меркурию повелѣниемъ и благословѣнія святого его рукоположенія. Бывает исписана блажнейшаго епископа того же Смоленска Кир. Варсоноѳя. И мы краегравесие сицево. Святого доблего Меркурія". (См. его брошюру: „борьба Василія III Ивановича съ Сигизмундомъ I Казиміровичемъ изъ-за обладанія Смоленскомъ", стр. 60—61).

[2]) Помѣщена въ такъ называемомъ Нифонтовскомъ Сборникѣ—библіотеки Іосифа—Волоцкаго монастыря, нынѣ принадлежащемъ библіотекѣ Московской духовной академіи. Копія съ нея, снятая для графа Румянцева, хранится въ Румянцев. музеѣ (Востоковъ: „Опис. рук. Рум. музея, XXXIV, стр. 38),

[3]) „Противень" этотъ принадлежитъ XVI вѣку и писанъ западно-русскимъ письмомъ. Отысканъ онъ въ Стокгольмѣ проф. Гельсингфорскаго универс. Соловьевымъ въ 1838 году и напечатанъ въ „Доп. къ Акт. Ист. т. I, № 4.

уничтожено въ періодъ ихъ владычества, особенно при фанатичномъ королѣ Сигизмундѣ III, задавшемся цѣлью, какъ далѣе увидимъ, окатоличить и ополячить смолянъ; что-нибудь, быть можетъ, пребываетъ еще въ неизвѣстности въ томъ или иномъ изъ нашихъ монастырей или же таится въ заграничныхъ архивахъ и библіотекахъ, куда могло попасть благодаря полякамъ и шведамъ, пограбившимъ въ свое время нс мало русскаго добра и русскихъ сокровищъ и перевезшимъ все это въ свои страны, къ своимъ любителямъ старины и цѣнностей. Во всякомъ случаѣ XVI вѣкъ не даетъ намъ ничего особенно выдающагося, ничего новаго въ сферѣ духовнаго творчества смолянъ. Впрочемъ, тогда и во всей Руси Московской, въ составъ которой вошелъ Смоленскъ, какъ извѣстно, почти ничего новаго и оригинальнаго создано не было, а подводились, главнымъ образомъ, итоги прошлому.

Что касается школъ и народнаго просвѣщенія, то это дѣло, нужно думать, шло въ Смоленскѣ попрежнему или, по крайней мѣрѣ, не хуже прежняго. Изъ показаній иностранца-путешественника Фабра мы узнаемъ, что на пути своемъ въ Московію (въ 1525 году) онъ находилъ даже „гимназіи", хотя и немногочисленныя, гдѣ, по его словамъ, дѣти знатныхъ учились на русскомъ языкѣ свободнымъ наукамъ и преимущественно священнымъ, при чемъ весьма многіе изъ нихъ ради писаній св. отцовъ занимались греческимъ языкомъ, иные же изучали и иностранные [1]. Послѣднее какъ бы указываетъ на Смоленскъ, въ которомъ какъ мы видѣли, вслѣдствіе торговыхъ сношеній его съ различными народами, съ Византіей и союзомъ Ганзейскихъ городовъ, издавна велось преподаваніе иноземныхъ языковъ.

[1]) Rerum Moscovitarum auctores varii unum in corpus nunc primum congesti, Francofurti, 1600, 140. Id. Starczewsky, Historiae Ruthenicae scriptores exteri saeculi XVI, vol. I, p. 11.

Обыкновенно думаютъ, что грамотность въ Московской Руси въ XV—XVI вв. развита была чрезвычайно слабо среди всѣхъ слоевъ населенія, при чемъ ссылаются на извѣстную грамоту новгородскаго архіепископа Геннадія (самаго конца XV в.) и на постановленія Стоглаваго собора. Но извѣстный академикъ и профессоръ А. И. Соболевскій въ своей превосходной рѣчи, читанной на годичномъ актѣ С.-Петербургскаго университета въ 1892 году, доказалъ, что мнѣніе это ошибочно и во всякомъ случаѣ можетъ быть принято съ большими ограниченіями [1]). При этомъ онъ опирался на громадное количество дошедшихъ до насъ отъ того времени (несмотря на пожары и всякія невзгоды, постигавшіе русскіе города и села) различныхъ книгъ и документовъ, хранящихся въ нашихъ библіотекахъ и архивахъ. Сохранились даже книги, изготовленныя въ деревняхъ и селахъ. Таково, напримѣръ, Евангеліе, писанное въ 1527 году въ селѣ Новомъ, близъ г. Вязьмы [2]). Между тѣмъ, насколько извѣстно, до XVI вѣка книги писались лишь въ большихъ городахъ и монастыряхъ. Любопытно отмѣтить также, какъ очень нерѣдкое явленіе, включеніе въ сборники XV—XVII вв. статей о пользѣ чтенія книгъ. Сами отцы Стоглаваго собора (1551 г.), заботившіеся объ умноженіи училищъ и развитіи грамотности на Руси, заявляютъ, что „пѣвцы и четцы и добры писцы славны были по всей землѣ и *доднесь*“ [3]).

Стало быть, народное просвѣщеніе на Руси въ XVI в. было развито не менѣе, чѣмъ прежде: было достаточно школъ, да и программы образованія были не уже, чѣмъ до Стоглаваго собора. О бѣломъ духовенствѣ Соболевскій прямо говоритъ, что оно было тогда грамотно поголовно, равно какъ

---

1) Напечатана въ томъ же году отдѣльною брошюрой подъ заглавіемъ: „Образованность Московской Руси XV—XVII вѣковъ“.

2) Хранится въ С.-Петербургѣ въ Императорской Публичной Библіотекѣ (Q. I. 21).

3) „Стоглавъ“, изд. Казан. дух. акад., 1862 г., гл. 26, стр. 121.

и большинство монашествующей братіи. Не мало было людей грамотныхъ, по его мнѣнію, и среди бояръ и дѣтей боярскихъ, гдѣ бы они ни жили, въ самой ли Москвѣ, или на окраинахъ московскаго государства, между торговыми людьми—купцами и мѣщанами—и даже среди крестьянъ. „То количество грамотныхъ, какое было въ московскомъ государствѣ въ XV—XVII вѣкахъ, казалось людямъ того времени вполнѣ достаточнымъ, и мы совсѣмъ не слышимъ ни отъ правительства, ни отъ частныхъ лицъ жалобъ на недостатокъ въ нихъ. Равнымъ образомъ мы не слышимъ ни отъ кого никому никакихъ похвалъ на простую грамотность, не замѣчаемъ, чтобы простая грамотность сколько-нибудь высоко цѣнилась. Напротивъ того, мы имѣемъ рядъ указаній, что одно умѣнье читать и писать въ XVI и XVII вѣкахъ многихъ не удовлетворяло. Можно сказать, что въ Москвѣ и другихъ большихъ городахъ этого времени не высоко цѣнили даже людей просто „грамотѣ гораздыхъ“, такихъ, которые отлично читали и писали; ихъ сочиненіями, даже важными по содержанію, но написанными „простою рѣчію“, „безъ украшенія“, открыто пренебрегали и ихъ самихъ называли „невѣждами“. Значеніе придавалось тогда лишь людямъ, вполнѣ изучившимъ Св. Писаніе и святоотеческія книги и проникшимъ въ ихъ смыслъ“ [1]). Настоящій „книгочей“ въ то время, говоря словами писателя XVI в., долженъ былъ обладать „пространствомъ ума, еже мысльмы разумными свѣдѣти глубины“ [2]). Цѣнилось не только богословское образованіе, но и знакомство съ иностранными языками и съ внѣшними науками. Въ житіи одного изъ важнѣйшихъ дѣятелей XVI в.—Максима Грека мы читаемъ: „бѣ вельми хитръ *еллинскому* и словенскому наказанію и *латинскому* и отъ *внѣшнихъ ученій* ничтоже утаися отъ него“.

До насъ не дошло ни одного опредѣленнаго извѣстія

[1]) Соболевскій: „Образованность Московской Руси XV—XVII вв.“, стр. 12.
[2]) „Слово Еразма о Троицѣ“ (*Поповъ:* Библіографич. матеріалы XIV).

о смоленскихъ училищахъ XVI в., но они, несомнѣнно, были, и количество ихъ особенно во вторую половину этого столѣтія, съ усиліемъ умственныхъ запросовъ на Руси, послѣ Стоглаваго собора, должно было увеличиться. Извѣстно, что въ числѣ членовъ этого собора былъ и смоленскій епископъ Гурій Заболоцкій [1]). Потомокъ родовитыхъ смоленскихъ бояръ, епископъ этотъ пользовался большимъ покровительствомъ со стороны московскаго митрополита Макарія, составителя „Четьихъ—Миней", этой литературной энциклопедіи XVI в., и вниманіемъ царя Ивана Грознаго, по повелѣнію котораго инокини Новодѣвичьяго монастыря въ 1546 году подарили Гурію для Смоленскаго собора драгоцѣнную плащаницу, художественно вышитую золотомъ, серебромъ и шелкомъ и украшенную драгоцѣнными камнями и жемчугомъ [2]). Несомнѣнно, это былъ хорошо образованный

[1]) Преосв. Гурій Заболоцкій правилъ смоленскою епархіей съ 1539 по 1556 годъ. Фамилія Заболоцкихъ происходитъ отъ смоленскихъ бояръ, потомковъ смоленскаго князя Александра—Всеволода Глѣбовича (+1313), выѣхавшихъ въ половинѣ XVI в. въ Москву. Ихъ родовымъ имѣніемъ было село Заболотье Ельнинскаго уѣзда. Въ Вяземскомъ уѣздѣ былъ въ XVI в. Заболоцкій станъ („писцовыя книги" Калачова). Заболоцкіе—одного корня съ боярами Всеволожскими: первые выдѣлились въ XVIII, а вторые въ XVI колѣнѣ отъ Рюрика (Долгоруковъ, „Россійская родословная").

[2]) Новодѣвичій монастырь въ Москвѣ былъ основанъ великимъ княземъ Василіемъ III, по взятіи Смоленска отъ Литвы, въ память этого радостнаго событія и во исполненіе ранѣе даннаго обѣта, въ честь Смоленской иконы Пресв. Богородицы (по нѣкоторымъ извѣстіямъ, въ 1524 году). На плащаницѣ, которую прислали монахини этого монастыря смоленскому епископу Гурію въ даръ „дому Богоматери", т. е. смоленскому собору, были вышиты ими священныя изображенія и рядъ надписей славянскими и греческими буквами. Послѣ разгрома Смоленска поляками въ 1611 году плащаница эта исчезла неизвѣстно куда. На ея слѣдъ напали лишь черезъ 250 лѣтъ, въ 1863 г., благодаря Виленскому соборному протоіерею Антонію Пщолко, нашедшему ея описаніе въ польскомъ журналѣ: „Dzieje Dobroczynnosci" за 1822 г., № 34, и представившему объ этомъ докладъ извѣстному графу М. Н. Муравьеву. Немедленно были приняты мѣры къ разысканію святыни, и она обнаружена была въ Клеменсовскомъ замкѣ графовъ Замойскихъ (Люблинской губ.), куда попала во время послѣдняго польскаго мятежа изъ Пулавскаго музея „Сибилла" (ранѣе находилась въ Виленскомъ Базиліанскомъ монастырѣ, куда подарена была

для своего времени человѣкъ и, какъ таковой, какъ епископъ вообще, стоялъ на стражѣ просвѣщенія и культуры роднаго края и заботился о духовномъ развитіи его населенія.

Извѣстно, что Стоглавый соборъ, по предложенію царя Ивана Грознаго, составилъ проектъ учрежденія во всѣхъ городахъ *книжныхъ училищъ*, гдѣ бы изучалось *чтеніе, письмо* и *пѣніе*, и поручилъ открытіе и устроеніе этихъ училищъ священнослужителямъ въ своихъ домахъ подъ общимъ руководствомъ епископовъ. „Въ царствующемъ градѣ Москвѣ и по *всѣмъ градомъ* протопопомъ и старѣйшимъ священникомъ и со всѣми священники и дьяконы кійждо во своемъ градѣ *по благословенію своего святителя* избрати добрыхъ духовныхъ священниковъ и дьяконовъ, и дьяковъ, женатыхъ и благочестивыхъ, имущихъ въ сердцы страхъ Божій, могущихъ и иныхъ пользовати и гработѣ бы и чести, и писати, и пѣти гораздьі. И у тѣхъ священниковъ и дьяконовъ, и дьяковъ *учинити въ домахъ училища*, чтобы священники и дьяконы, и дьяки, и всѣ православные христіане въ коемждо градѣ (и по волостемъ и по селамъ) предавали *имъ своихъ дѣтей на ученіе грамотѣ и на ученіе книжнаго письма и церковнаго пѣнія псалтырнаго и чтенія налойнаго*, и тѣ бы священники и дьяконы и дьяки избранные учили своихъ учениковъ страху Божію и грамотѣ, и писати, и пѣти, и чести со всякимъ духовнымъ наказаніемъ“ [1]. Проектъ этотъ былъ приведенъ, конечно, въ исполненіе. Явилось множество школъ, которыя дали многихъ дѣльныхъ питомцевъ, и между которыми, какъ извѣстно, особенно выдавались школы новгородскія, московскія и (прибавимъ отъ себя) смоленскія.

Такимъ образомъ духовенство, искони вѣдавшее книж-

еще Сигизмундомъ III). Болѣе подробно объ этомъ см. въ запискахъ И. А. Никотина (Русская старина 1904, № 7, стр. 124), а также въ замѣткѣ И. И. Орловскаго: „Судьба одной Смоленской святыни“ (Смол. Епарх. Вѣд. за 1905 г. №№ 11 и 12).

[1] „Стоглавъ“, изд. 1862 г., стр. 121—122.

нымъ и школьнымъ дѣломъ для „утвержденія вѣры", продолжало держать въ своихъ рукахъ народное просвѣщеніе и въ XVI вѣкѣ. „Попови чьто есть ино дѣло развѣ оученія?" спрашивалъ болгарскаго экзарха черноризецъ Дуксъ [1]) Это призваніе духовнаго сословія, его привиллегія—учить другихъ—требовала, конечно, прежде всего того, чтобы и оно само было образованнымъ или, по крайней мѣрѣ, грамотнымъ. А грамотность поддерживалась и избирательной системой, и наслѣдственной, при чемъ имѣлъ значеніе и законъ объ изгойствѣ, грозившій не совсѣмъ пріятными перспективами, въ числѣ другихъ, и „попову сыну, грамотѣ не умѣючему" [2]). Передача приходовъ отцами дѣтямъ до конца XVI в. совершалась не безъ посредства епископа, который при посвященіи провѣрялъ умственную правоспособность кандидатовъ, и послѣднимъ необходимо было потому готовиться—или дома, или въ монастыряхъ. Эта подготовка не ограничивалась только тѣмъ, что сыновья священниковъ научались читать и писать: отъ кандидатовъ священства, какъ говоритъ авторъ „*Воспоминаній о древнемъ православіи въ Зап. Руси*", пользовавшійся массой рукописныхъ источниковъ, хранящихся въ архивахъ минской епархіи, требовали нерѣдко, чтобы каждый изъ нихъ прослужилъ нѣсколько лѣтъ въ школѣ при той церкви, къ которой хотѣлъ поступить [3]).

Что духовснство наше въ XVI в. было самымъ просвѣщеннымъ сословіемъ, за это говорятъ многочисленные списки богослужебныхъ, отеческихъ и другихъ книгъ южно и западно-русскаго происхожденія, на которыхъ сохранилось имя переписчиковъ. Чаще всего здѣсь встрѣчаются имена священниковъ, дьяконовъ, иноковъ и особенно часто

---

[1]) Калайдовичъ: „Іоаннъ, экзархъ болгарскій", прил., 129.

[2]) Голубинскій: „Исторія русской церкви", т. I, 1-я полов., 382.

[3]) Чтенія въ обществѣ любителей духовн. просв., 1867 г., 179—180.

дьяковъ [1]). Священниками же и еще чаще дьяками писались и разные оффиціальные документы, къ чему ихъ привлекали вельможи и паны [2]).

Не безграмотно было въ XVI в., особенно въ первую его половину, и монашествующее духовенство, пополнявшееся большею частью вдовыми священниками и дьяконами. Мало того, нѣкоторые монастыри, какъ и въ прежнее время, были разсадниками просвѣщенія или содержа училища, или занимаясь списываніемъ книгъ богослужебныхъ и отеческихъ. Такъ значительной по тому времени библіотекой, состоявшей не только изъ церковно-богослужебныхъ книгъ и сборниковъ всякаго рода, но и изъ книгъ „посполитыхъ" (т. е. свѣтскихъ), владѣлъ Кіево-Печерскій монастырь въ 1554—1593 г.г. [3]). Еще больше книгъ было въ Супрасльскомъ монастырѣ, основанномъ около 1500 г. великимъ маршаломъ литовскимъ А. И. Ходкевичемъ, при ближайшемъ содѣйствіи Іосифа Солтана, епископа Смоленскаго, который производилъ освященіе новой обители и былъ однимъ изъ главныхъ ея вкладчиковъ [4]). Онъ

---

[1]) Наиболѣе полный перечень западно-русскихъ рукописей см. въ статьѣ проф. Владимірова: „Обзоръ южно-русскихъ и западно-русскихъ памятниковъ письменности отъ XI до XVII стол. (нап. въ „Чтеніяхъ въ истор. общ. Нестора-лѣтописца", IV), а также въ статьѣ акад. Соболевскаго: „Замѣтки о малоизвѣстныхъ памятникахъ южно и западно-русскаго письма XVI—XVII вв." (тамъ же, IX).

[2]) Западно-русскіе дьяки—это по преимуществу псаломщики и вообще низшіе служители при епископѣ или при церквахъ и монастыряхъ вообще. Благодаря тому, что они главнымъ образомъ исполняли секретарскія должности, слово *дьякъ* стало синонимомъ *писца, писаря,* а впослѣдствіи отождествилось съ именемъ *учителя*, *бакаляра*. Среди нихъ и вообще среди православнаго духовенства встрѣчались даже лица съ юридическимъ образованіемъ (**personal juris perital**). См. монографію *Харлампoвича*: „Западно-русскія православныя школы XVI и начала XVII вв., стр. 195.

[3]) Голубевъ: „Митрополитъ Петръ Могила", прил. № 2. Также Арх. Ю.-З. Россіи, I, 1, № 91.

[4]) Археогр. сборникъ документовъ, относящихся къ исторіи сѣв,-зап. Руси, т. IX, стр. 1—13, 16—22, 35—36. Этотъ Іосифъ Солтанъ сталъ впослѣдствіи кіевскимъ митрополитомъ, но продолжалъ числиться епископомъ

снабдилъ ее многими предметами религiознаго обихода и рукописными книгами изъ библiотеки смоленскаго каѳедральнаго собора, гдѣ, очевидно, было много книжныхъ сокровищъ 1). Архивъ Супрасльскаго монастыря сохранилъ и до сихъ поръ не мало документовъ, данныхъ рачительнымъ вкладчикомъ-владыкой. Даже по описи 1557 г., сдѣланной супрасльскимъ архимандритомъ Сергiемъ Кимбаромъ, до его вступленiя въ монастырь на должность настоятеля, въ немъ числилось болѣе 129 книгъ, въ томъ числѣ 5 „битыхъ“ (т. е. печатпыхъ“) 2). Еще ранѣе то же, что Iосифъ Солтанъ для Супрасльской лавры, сдѣлалъ, вѣроятно, и одинъ изъ его предшественниковъ по смоленской каѳедрѣ, епископъ Михаилъ, для основаннаго имъ въ 1454 году Черейскаго Троицкаго монастыря 3).

смоленскимъ вплоть до конца 1508 года, когда на его мѣсто поставленъ былъ Варсонофiй, при которомъ произошло взятiе Смоленска Василiемъ III (Акты Зап. Россiи, т. II, № 45, стр. 57).

1) Библiотека эта при взятiи Смоленска 3 iюня 1611 года польскимъ королемъ Сигизмундомъ III, частью погибла во время пожара, происшедшаго тогда отъ взрыва массы хранившагося въ соборныхъ погребахъ пороху, частью была разграблена католическимъ духовенствомъ.

2) См. „Истор.-статист. описанiе Супрасльскаго Благовѣщенскаго монастыря“, сост. архим. Николаемъ (Далматовымъ), Спб. 1892 г., стр. 52—61 Также „Археогр. Сборн.“, т. IX, № 20. По содержанiю книги, перечисленныя въ реэстрѣ арх. Сергiя Кимбара, были: Свящ. Писанiе, отеческiя, толковыя, учительныя, историческiя, полемическiя и разнаго рода сборники—Супрасльскiй монастырь и доселѣ существуетъ въ Гродненской епархiи въ 14 верстахъ отъ г. Бѣлостока, на лѣвомъ берегу р. Супрасли, носившей также названiе „Прясло“ и „Спрясла“ (Всеобщ. Энциклопедiя“ Бартошевича). Рукописи этого м-ря хранятся въ настоящее время въ Виленской Публичной Библiотекѣ, и среди нихъ большинство, несомнѣнно, смоленскаго происхожденiя, въ томъ числѣ и знаменитый Супрасльскiй лѣтописный сборникъ.

3) Епископъ Мисаилъ правилъ смоленской епархiей около 30 лѣтъ, до 1474 г., когда былъ избранъ на кiевскую митрополiю. Онъ былъ родомъ изъ князей Пеструцкихъ (или, какъ думаютъ нѣкоторые, Друцкихъ), имѣвшихъ огромныя владѣнiя въ нынѣшнемъ Сѣннинскомъ уѣздѣ Могилевской губернiи. Въ „Литовской Метрикѣ“ есть копiя съ уставной грамоты, данной Мисаиломъ въ 1475 г. въ пользу основаннаго имъ Черейскаго Троицкаго монастыря (Ак-

Кромѣ лицъ, выдававшихся своею ученостью среди духовенства, въ XVI в. были люди высокаго образованія и изъ свѣтскихъ, и изъ бояръ. Таковымъ является прежде всего знаменитый писатель этого вѣка князь А. М. Курбскій, который въ одномъ изъ своихъ писемъ къ Ивану Грозному говоритъ о себѣ, что онъ „рожденъ отъ благородныхъ родителей, отъ племени великаго князя Смоленскаго, Ѳеодора Ростиславича“, т. е. вышелъ изъ смоленскихъ бояръ. А Смоленскіе бояре были проникнуты тѣмъ же духомъ, что и вся Смоленская земля,—духомъ европейской, т. е. общехристіанской, культуры и рыцарства. Подобно Курбскому, они были передовыми и во всякомъ случаѣ болѣе образованными людьми, чѣмъ бояре суздальско-московскіе. Стоитъ только назвать имена такихъ дѣятелей изъ смоленскихъ бояръ, какъ Иванъ Ѳедоровичъ Кошкинъ, окольничій Смоленскій, и сынъ его Захарій Ивановичъ, „смоленскій бояринъ и литовскій воевода“, отъ которыхъ пошли бояре Захарьины —Юрьевы—Романовы и получила свой корень нынѣ царствующая династія; князь Василій Шуйскій, бывшій при Василіи III смоленскимъ воеводою, владѣлецъ обширныхъ помѣстій въ Вяземскомъ уѣздѣ (гдѣ и донынѣ существуетъ его вотчина—село Шуйское); его соперникъ—князь Бѣльскій, потомокъ Гедиминовичей, владѣвшихъ г. Бѣлымъ (Смол. губ.); князь Аѳанасій Вяземскій, любимецъ Грознаго, умершій, однако, въ пыткахъ, за участіе въ заговорѣ 1570 г. противъ царя; потомки смоленскихъ князей—Заболоцкіе, Всеволожскіе, князья Долгоруковы, и особенно бояре Салтыковы, о дѣятельности которыхъ придется еще говорить особо ниже.

Между смоленскими боярами заслуживаетъ вниманія князь Мих. Петр. Катыревъ—Ростовскій, воевода смоленскій, котораго извѣстный академикъ Соболевскій ставитъ на ряду

ты Зап. Россіи, т. III, № 101, стр. 233). Послѣ него смоленскими епископами были сначала Іоакимъ (1475—1494), а затѣмъ извѣстный уже намъ Іосифъ Болгариновичъ (до 1501 г.).

съ такими учеными людьми XVI вѣка, какъ князь А. М. Курбскій, бояринъ Тучковъ (авторъ житія св. Михаила Клопскаго, „издѣтска навыкшій вельми божественнаго писанія"), князья Токмаковы: Юрій (авторъ повѣсти объ иконѣ Пресв. Богородицы въ Выдропускѣ) и Иванъ (который, какъ видно изъ дѣла о Берсенѣ 1525 г., былъ обычнымъ гостемъ у Максима Грека и любилъ говорить съ нимъ „книгами" и „спираться о книжномъ") и др. [1]). При Катыревѣ—Ростовскомъ начата была въ 1595 году постройка смоленской крѣпостной стѣны, уцѣлѣвшей до нашего времени и представляющей собою замѣчательнѣйшій памятникъ стариннаго русскаго зодчества [2]). Сооруженіе такой технически сложной и вмѣстѣ съ тѣмъ чрезвычайно изящной стѣны краснорѣчиво свидѣтельствуетъ о довольно высокомъ уровнѣ смоленской культуры XVI—XVII вв., наглядно доказываетъ намъ, что въ Смоленскѣ въ тѣ времена были весьма искусные мастера и инженеры—строители. И это не удивительно. Смоленскъ, какъ мы видѣли, былъ посредникомъ между Русью и остальною Европою, черезъ него пролегала главная дорога съ Запада и Юга на Москву, а по ней постоянно ѣздили туда иноземные послы, направлялись всевозможные мастера и промышленные люди, всякіе такъ называемые „знатцы" и „искусники". А вмѣстѣ съ ними въ Смоленскъ и далѣе на Русь вливалась широкою струею европейская образованность и культура. Путешественники-иностранцы, проѣзжавшіе чрезъ Смоленскъ, въ своихъ запискахъ нерѣдко говорятъ о важномъ торговомъ и политическомъ значеніи его, о богатствѣ жителей, о красотѣ храмовъ и монастырей, о величіи его крѣпостной стѣны, которая, по мнѣнію даже современныхъ спеціалистовъ-архитекторовъ, представляетъ въ нѣкоторыхъ своихъ частяхъ верхъ строительнаго искусства [3]).

---

[1]) „Образованность Москов. Руси XV—XVII вв.", стр. 13 и прим.

[2]) Орловскій, И. И.: „Смоленская стѣна", 1902 г., стр. 16.

[3]) Смоленская каменная стѣна заложена была въ 1587 г. (съ этого

VI.

Смоленская твердыня, „ожерелье державы Россійской", какъ назвалъ ее въ своемъ докладѣ царю Өеодору Ивановичу „ближній великій бояринъ" его Борисъ Годуновъ, не спасла, однако, города отъ новой превратности судебъ. Не успѣли достроить Смоленскую крѣпость, этотъ главный оплотъ Московскаго государства противъ стараго врага его—поляковъ, не перестававшихъ думать о возвращеніи Смоленска, какъ уже появились первые признаки той страшной грозы, которая вскорѣ разразилась надъ этимъ городомъ и всею Русью. Сначала пошли слухи о появленіи за рубежомъ самозванца, принявшаго на себя имя убитаго царевича Димитрія, а черезъ 7 лѣтъ послѣ постройки смоленской стѣны ей пришлось выдержать тяжелый пробный опытъ. 13 сентября 1609 года къ Смоленску явился польскій король Сигизмундъ III съ большимъ отрядомъ войска, двинутымъ имъ на Русь „для славы Божіей и для распространенія св. католической вѣры" (какъ говорилось въ универсалѣ, посланномъ имъ смолянамъ). Началась славная 20-мѣсячная осада Смоленска поляками, которая, послѣ геройской обороны его бояриномъ М. Б. Шеинымъ, только благодаря измѣнѣ одного предателя, закончилась 3 іюня 1611 г. взятіемъ города.

года стали заготовлять для нея матеріалъ) при царѣ Өеодорѣ Іоанновичѣ, а окончательно выстроена въ 1602 году при Борисѣ Годуновѣ. Она сплошнымъ кольцомъ окружила Смоленскъ на протяженіи 6 верстъ, имѣя до 7 саж. вышины и до 8 толщины, вся унизанная красивыми зубцами, на которыхъ опиралась двухскатая деревянная крыша. Въ стѣнѣ были устроены въ два яруса амбразуры съ бойницами для пушекъ. 38 красивыхъ и высокихъ башенъ, круглыхъ и четыреугольныхъ, грозно смотрѣли съ вершины высокихъ холмовъ своими бойницами въ три яруса или „боя". Въ 9 этихъ башенъ были устроены проѣзжія ворота, надъ которыми, по православному обычаю, снаружи и извнутри города, стояли св. иконы въ особыхъ углубленіяхъ. Для пѣшеходовъ были сдѣланы въ стѣнѣ форточки, а для стока воды изъ разныхъ „ручьевъ"—каменныя со сводами трубами. Сверхъ того, подъ стѣною въ разныхъ мѣстахъ были прорыты подземные ходы или „подслухи", а вокругъ нея рвы, наполненные водою.

На цѣлыхъ 43 года Смоленскъ опять попалъ подъ власть чужеземцевъ. Наступило для него и для всей земли Смоленской страдное время. Побѣдитель, воспитанникъ іезуитовъ и ярый приверженецъ католицизма, первою и главною задачей своей поставилъ окатоличеніе вновь покоренной области и круто повелъ это дѣло, найдя усердныхъ исполнителей своего замысла въ о.о. іезуитахъ. Усердный поборникъ православія и пламенный патріотъ, бывшій для Смоленска тѣмъ же, чѣмъ въ смутное время патріархъ Гермогенъ для Москвы, архіепископъ смоленскій Сергій былъ увезенъ въ плѣнъ, а смоленскіе монастыри и почти всѣ церкви или закрыты, или обращены въ польскіе кляшторы и костелы. Той же участи подверглись, конечно, и русскія православныя школы, состоявшія, какъ мы видѣли, искони при монастыряхъ и храмахъ или при домахъ священнослужителей. Зато на смѣну имъ стали появляться школы польскія, устраиваемыя, главнымъ образомъ, при католическихъ кляшторахъ (монастыряхъ).

О насажденіи въ западной Руси образованія въ духѣ католической вѣры польское правительство стало заботиться, какъ извѣстно, еще съ конца XV в. Польско-литовскій король Казиміръ Ягелловичъ, боясь начавшагося тогда усиленія московскихъ князей, которые постоянно мечтали о возвращеніи своей вѣковой „отчины и дѣдины“—Смоленска, сдѣлался рьянымъ пропагандистомъ католичества и врагомъ православія. При немъ былъ поднятъ вопросъ объ уніи греко-русской церкви съ Римомъ, встрѣчавшій иногда сочувствіе и въ православномъ духовенствѣ (можетъ быть, лишь искусственное, притворное, вынужденное). Таковы, напримѣръ, попытки введенія уніи со стороны смоленскихъ епископовъ Мисаила Пеструцкаго (Друцкаго) и отчасти Іосифа Болгариновича. Но эти попытки не состоялись, встрѣтивъ серьезное препятствіе въ *правѣ патронатства*, въ обы-

чаѣ *паданья* перквей и монастырей [1]) и особенно въ учрежденіи *православныхъ братствъ*, которыя являлись строгими охранителями родной вѣры [2]). Онѣ вызывали въ смолянахъ лишь недовольство, которымъ хорошо воспользовался сначала Іоаннъ III, оттягивавшій у Литвы значительную площадь территоріи [3]), а затѣмъ Василій III, завоевавшій Смоленскъ и боровшійся изъ за обладанія имъ съ Сигизмундомъ I около 20 лѣтъ. Поэтому католическія школы, которыя, по словамъ польскаго историка В. Мацѣевскаго, ученое латинское духовенство пыталось тогда завести въ лучшихъ западно и южно-русскихъ городахъ и даже въ Смоленскѣ [4]), успѣха имѣть не могли, по крайней мѣрѣ въ послѣднемъ. Тѣмъ не менѣе мысль подчинить папской власти русскую православную церковь не оставлялась въ сторонѣ, и еще въ концѣ XVI в. іезуиты, пользовавшіеся тогда большимъ вліяніемъ при польскомъ дворѣ, убѣдили своего короля Сигизмунда III войти въ сношенія съ русскимъ правительствомъ по этому вопросу. Уже до завоеванія Смоленска Сигизмундъ отправилъ въ Москву въ качествѣ посла извѣстнаго Льва Сапѣгу (перешедшаго, благодаря іезуитамъ, изъ протестантства въ католичество), чтобы просить царя Бориса Годунова о разрѣшеніи іезуитамъ открыть въ

[1]) *Право патронатства* состояло въ томъ, что строители или фундаторы храмовъ и монастырей являлись полными хозяевами церквей и приходовъ, обезпечивая содержаніе храма и клира и назначая туда священниками своихъ кандидатовъ. *Наданьями* назывались пожертвованія благочестивыхъ людей въ пользу бѣдныхъ монастырей и церквей.

[2]) Надо думать, что православныя братства были тогда и въ Смоленской землѣ, хотя намъ извѣстно лишь одно такое братство—*Борисоглѣбское*, да и то, какъ увидимъ ниже, по документу, относящемуся къ XVII. в.

[3]) По договору 5 февраля 1474 г., къ Москвѣ присоединены были: половина нынѣшней Смоленской губ. съ городами: Бѣлымъ, Вязьмой и Дорогобужемъ, часть Калужской и Могилевской и сѣверная полоса Орловской и Черниговской губ.

[4]) W. Al. Maciejowsky: „Pamietniki o dziejach pismiennectwie i prawod...“ 1839 г., ч. I, стр. 335. См. также „Русскую исторію“ *Н. Устрялова*, 1837 г., ч. II, стр 112.

большихъ городахъ Россіи, въ Москвѣ, Новгородѣ, Псковѣ и *Смоленскѣ*, для поляковъ костелы, а при нихъ школы и для русскихъ, которымъ, сверхъ того, предоставить право обучаться и въ училищахъ польско-литовскаго государства [1]). Миссія Сапѣги, конечно, ни къ чему не привела: Борисъ Годуновъ отлично понималъ, что главною цѣлью такихъ школъ было только склонять русское юношество къ уніи, которая служила переходнымъ мостомъ къ католицизму.

Болѣе благопріятное поле дѣятельности открылось іезуитамъ по занятіи Смоленска войсками Сигизмунда III. Черезъ 5 лѣтъ послѣ этого событія, въ 1616 году, они уже настолько прочно осѣлись въ покоренномъ городѣ, что могли образовать въ немъ свой коллегіумъ [2]). На первыхъ порахъ имъ отведенъ былъ Спасскій монастырь, обладавшій большими земельными угодьями и мельницей. На доходы съ послѣднихъ они привели монастырь, разоренный во время осады, въ благолѣпный видъ и торжественною службою много содѣйствовали распространенію и упроченію католичества въ Смоленскѣ [3]). Вслѣдъ затѣмъ іезуиты устроили кляшторъ древяннаго строенія и въ крѣпости города, не вдалекѣ отъ того пункта, гдѣ стоялъ дворецъ, перешедшій преемственно отъ царя къ королю. Вмѣстѣ съ тѣмъ имъ предоставлено было въ безвозмездное пользованіе огромное количество королевской усадебной, пахатной и сѣнокосной земли и около 100 душъ крестьянъ [4]). Здѣсь, какъ, вѣроятно, и при Спасскомъ монастырѣ, ими учреждены были около 1618 года небольшія школы—на первыхъ порахъ

---

1) См. „Сборникъ Оболенскаго", изд. 1838 г., № 7, стр. 9.

2) Кукашевичъ Осипъ: „Исторія школъ вел. княж. литовскаго", ч. I, 126, прим. 1.

3) „Церковная унія въ Смол. епархіи, ст. прихожанина с. Бизюкова. (См. Епарх. Вѣд. за 1907 г., № 4, стр. 160.

4) Памятн. книга Смол. губ. на 1860 г., ст. А. Макаревскаго: „Смоленскій Вознесенскій дѣвичій монастырь". См. также у Писарева: „Княж. мѣстность и храмъ князей въ Смоленскѣ", стр. 182.

въ составѣ двухъ или трехъ грамматическихъ классовъ. Спустя нѣсколько времени, именно 26 апрѣля 1625 г., Сигизмундъ далъ іезуитамъ привилей на основаніе и обезпеченіе католической бурсы и конвикта (общежитія) при ней. Основапіе этой бурсы поручено было іезуиту Адаму Лемпицкому, пробощу и канонику Смоленска, а предназначалась она для воспитанія дѣтей преимущественно изъ бѣдныхъ дворянскихъ семействъ [1]). Польскіе историки не указываютъ мѣста, гдѣ именно устроилась эта бурса, но позволительно думать, что мѣстопребываніемъ ея было при новомъ кляшторѣ, устроенномъ о.о. іезуитами у королевскаго дворца, т. е. тамъ, гдѣ нынѣ расположенъ Вознесенскій дѣвичій монастырь.

Любопытно отмѣтить побужденіе и цѣли, по которымъ Сигизмундъ приказалъ іезуитамъ учредить эту бурсу [2]).

Въ началѣ привилея, въ качествѣ вводной мысли, замѣчается, что всѣ заботы и труды его, короля, направлялись и направляются къ достиженію славы Божіей и къ украшенію республики. Главнѣйшимъ же средствомъ для достиженія этой славы и для благоустроенія государства является исправленіе общественныхъ нравовъ, спокойное теченіе жизни и служеніе Богу, что въ свою очередь стоитъ въ зависимости отъ правильнаго образованія юношества. Имѣя въ виду успѣшное выполненіе этой послѣдней цѣли, влекущей за собою столь важныя послѣдствія, король и даетъ свое разрѣшеніе основать въ Смоленскѣ, при кол-

---

[1]) Ian Argentus: „De rebus societatis Ieusu in Regno Poloniae", Cracoviae, 1620, p. 32—34. Rostowski: „Lithuanicarum S. I. Historiarum provincialium pars prima", Wilnae, 1768, p. 302.

[2]) Въ конституціи 1647 г., въ главѣ объ учрежденіи бурсы въ Смоленскѣ, между прочимъ, сказано: „Для вящшаго утвержденія славы Божіей, если дѣти шляхетскія малаго образованія и не имѣютъ поддержки со стороны семьи чужой помощью должны быть спасаемы". (См. монографію Іосифа Лукашевича: „Historya szkól w Koronie in W. Ks. Litewskiem od najdawniejszych czasow az do roku 1794", т. IV, стр. 152).

легіи отцовъ общества Іисуса, Божіею милостью предназначенныхъ для воспитанія юношества, бурсу и при ней конвиктъ. Для обезпеченія этой бурсы онъ повелѣваетъ отдать ей въ вѣчную, безвозвратную собственность вотчину, именуемую Лючинка, близъ Смоленскаго Ивановскаго паллестината, и предписываетъ присяжному землемѣру, по указанію смоленскаго префекта, отмежевать въ Лючинкѣ 60 ланей земли, точно отграничить ее отъ чужихъ владѣній и обозначить насыпями. Управляющими этой вотчиной Сигизмундъ назначаетъ тѣхъ же о.о. іезуитовъ, обязывая ихъ всякіе доходы съ нея употреблять на содержаніе воспитанниковъ бурсы, которыхъ бѣдность можетъ удерживать отъ изученія высшихъ наукъ, и при этомъ выражаетъ желаніе, чтобы эти казеннокоштные студенты бурсы, впослѣдствіи по усердномъ изученіи наукъ и искусствъ, преподаваемыхъ въ ней использовали свое образовапіе во славу республики и короля [1]).

Итакъ въ привилеѣ ясно указаны были побужденія, расположившія короля основать духовную бурсу, и намѣчены возлагаемыя на нее задачи и ожидаемыя отъ воспитанія смоленскаго юношества послѣдствія. Завѣдующимъ бурсой о.о. іезуитамъ оставалось лишь приложить свое усердіе къ выполненію королевскихъ предначертаній по окатоличенію смоленскаго населенія и по борьбѣ съ ненавистной схизмой. Исполнять же это, при ихъ общеизвѣстной опытности въ дѣлѣ воспитанія, имъ было тѣмъ легче, что въ то время въ Смоленскѣ не было православныхъ духовныхъ школъ, столь богато обезпеченныхъ и хорошо устроенныхъ, какъ іезуитская бурса, а слѣдовательно не было и равносильнаго противодѣйствія послѣдней въ дѣлѣ воспитанія молодого поколѣнія въ духѣ католической вѣры.

стр. 101.

---

[1]) „Смол. Епарх. Вѣд.", 1907 г., статья прихожанина с. Бизюкова: „Церковная унія въ Смол. епархіи", стр. 161—162.

Лучшимъ орудіемъ къ окатоличенію и ополяченію православно-русскаго населенія въ пріобрѣтенныхъ Польшею земляхъ была унія. Основанное на соединеніи греческой и латинской церквей подъ верховною властью римскаго папы, съ сохраненіемъ при томъ обрядовъ греко-восточной религіи и богослуженія на славянскомъ языкѣ, и служа такимъ образомъ, переходною ступенью къ католичеству, вѣроученіе это стало распространяться понемногу, какъ сказано выше, еще во вторую половину XV в., со времени царствованія Казиміра IV Ягелловича (1440—1492), а въ концѣ XVI в., особенно послѣ Брестскаго собора 1596 г., получило права гражданства во всемъ Польско-Литовскомъ государствѣ. Рьяными проводниками латинскихъ началъ среди русскаго населенія были монахи разныхъ католическихъ орденовъ, особенно бернардины, доминиканцы, іезуиты и базиліане. Послѣдніе появились въ началѣ XVII вѣка и сразу зарекомендовали себя усердными помощниками іезуитовъ, въ дѣлѣ насажденія католической уніи. [1]) Въ виду этого въ томъ же 1625 году въ Смоленскѣ учреждена была уніатская архіепископія, во главѣ которой король Сигизмундъ поставилъ *протоархимандрита* (генерала) Базиліанскаго ордена Льва Кревзу-Ржевускаго, убѣжденнаго пропагандиста уніи и литературнаго защитника ея [2]).

---

[1]) Орденъ базиліанъ организованъ былъ извѣстнымъ уніатскимъ митрополитомъ Іосифомъ—Вельяминомъ Рутскимъ въ 1617 году въ Новгородкѣ (Минской губ.). Главною цѣлью, къ которой должна была направиться дѣятельность ордена, являлось распространеніе уніи и сближеніе „схизматиковъ", т. е. православныхъ, съ латинствомъ. Для большаго успѣха въ этомъ дѣлѣ орденъ обязывался дѣйствовать въ союзѣ съ іезуитами и изъ ихъ среды избирать себѣ помощниковъ и руководителей. См. „Очеркъ исторіи базиліанскаго ордена въ бывшей Польшѣ" Н. И. Петрова (въ „Трудахъ Кіев. Дух. Акад." за 1870 г., май и августъ); также „Очеркъ уніатской церкви" Крачковскаго, „Исторія. Литов. государства "П. Д. Брянцева (стр. 341 и слѣд.) и книгу П. Н. Батюшкова: „Бѣлоруссія и Литва", стр. 196—198.

[2]) Особенно замѣчательно его сочиненіе: „Оборона церковнаго единства"

Вступивъ въ управленіе своей епархіей, архіепископъ Левъ Кревза обратилъ особое вниманіе на находившіеся въ Смоленскѣ православные храмы и сталъ частью обращать ихъ въ уніатскіе, а частью закрывать, стѣсняя тѣмъ населеніе въ отправленіи службъ по правиламъ православной вѣры и заставляя, по необходимости, обращаться со своими религіозными нуждами къ уніатскому духовенству и въ уніатскія церкви. Насажденіе уніи въ Смоленскѣ и его области было тѣмъ удобнѣе, что въ то время тамъ уже не было православнаго епископа, который могъ бы стать на защиту родной вѣры и дать отпоръ польскимъ вожделѣніямъ. Правда, смоленскій архіепископъ Сергій, пробывъ 8 лѣтъ въ плѣну въ Варшавѣ, уже въ 1619 году, послѣ Деулинскаго перемирія, вернулся въ Смоленскъ и сумѣлъ выхлопотать у Сигизмунда даже привилей на право жителямъ города свободнаго вѣроисповѣданія и на обезпеченіе своей каѳедры церковью свв. Петра и Павла и земельными угодіями. [1]) Но льготы эти, дарованныя смолянамъ королемъ, продолжались не долго, вѣроятно, лишь при жизни Сергія. Хотя послѣ него въ 1628 году архіепископомъ Смоленскимъ и Черниговскимъ [2]) и былъ назначенъ строгій ревнитель православія Исаія Копинскій, бывшій епископъ Перемышльскій, но онъ жилъ не въ Смоленскѣ, а въ своихъ заднѣпровскихъ мо-

---

[1]) Привилей этотъ данъ былъ Сергію 20 марта 1621 г. какъ бы въ благодарность за добровольное принятіе польскаго подданства архіепископомъ, который по условіямъ Деулинскаго договора, имѣлъ полную возможность наравнѣ съ другими плѣнниками уѣхать въ Москву. Въ силу этого привилея подъ Смоленскую архіерейскую каѳедру отведена была Петропавловская церковь съ Заднѣпровскою слободою и со всѣми принадлежавшими ей владѣніями у города, а въ уѣздѣ въ обезпеченіе пожалованы Твердиловская и Трисвятская волости и озеро Глушица для рыбной ловли.

[2]) Черниговская епархія была причислена къ Смоленской въ 1465 году и съ тѣхъ поръ около 200 лѣтъ не имѣла своихъ архіереевъ, чѣмъ и объясняется титулъ Исаіи Копинскаго. См. „Исто. Малороссіи" Бантышъ-Каменскаго, 2 изд., стр. 123, также „Ист.—стат. описаніе Смол. епархіи" Трофимовскаго, стр. 7—8.

настыряхъ (Густынскомъ—Лодинскомъ и Мгарскомъ—Лубенскомъ) и, слѣдовательно, не могъ оказывать большой нравственной поддержки смолянамъ, угнетаемымъ уніатами и католиками. Къ тому же чрезъ 3 года онъ сдѣлался Кіевскимъ митрополитомъ, послѣ того особые православные епископы для Смоленской епархіи болѣе уже не назначались.

Несомнѣнно, этимъ только и можно объяснить обильныя коронаціонныя милости, излившіяся вскорѣ на Смоленскую уніатскую архіепископію со стороны новаго короля Владислава IV, который, по мнѣнію многихъ историковъ, не былъ столь непримиримымъ врагомъ православія, какъ его фанатичный отецъ. 9 февраля 1833 года на имя Льва Кревзы данъ былъ въ обезпеченіе Смоленской уніатской архіепископіи дарственный привилей, по которому къ ней отошли не только владѣнія бывшей Петропавловской православной каѳедры, Троицкій (на Кловкѣ), Духовской и Борисо-Глѣбскій (на Смядыни) монастыри съ городскими церквами: свв. Космы и Даміана и ап. Іоанна Богослова, но и многочисленные монастыри и церкви внѣ Смоленска: въ Бѣломъ, Дорогобужѣ, Ельнѣ, Красномъ, Рославлѣ, Почепѣ, Невелѣ, Серпейскѣ, Себежѣ, Стародубѣ и Трубчевскѣ—„огуломъ мовечи (какъ сказано въ дарственной по исчисленіи всего, отходящаго подъ уніатскую каѳедру), *вси церкви и монастыри въ замкахъ, мѣстахъ, мѣстечкахъ и волостяхъ во всемъ княжествѣ Смоленскомъ и Сѣверскомъ*“. При этомъ архіеписк. Кревза получилъ, конечно, и соотвѣтствовавшія его положенію церковно-административныя права. Онъ становился правителемъ и судьей ввѣреннаго ему духовенства, и никто помимо его, не имѣлъ права опредѣлять и судить духовныхъ, устраивать безъ его благословенія братства, монастыри, церкви и *школы* и вообще такъ или иначе посягать на его власть подъ угрозою штрафа въ 3000 рублей грошей литовскихъ въ государственную казну и архіепископу. Согласно привилею, главнѣйшею цѣлью наданій и

правъ, пожалованныхъ уніатскому архіепископу, было „ширити и помножати въ Смоленскѣ единость, свитую съ костеломъ Римскимъ“.

Въ концѣ привилея указывались точно границы Сѣверско-Смоленской архіепископіи, а воеводамъ Смоленскому и особенно пограничнымъ предписывалось не допускать ни подъ какимъ видомъ переселенія смолянъ за установленную черту духовныхъ владѣній, особенно же принять мѣры къ прекращенію бѣгствъ въ Московскую Русь, которыя тогда вслѣдствіе религіозныхъ преслѣдованій, были весьма не рѣдки.

Въ томъ же 1633 году, 14 февраля, Владиславъ даровалъ Льву Кревзѣ второй привилей, по которому этотъ архіепископъ „и по немъ поступаючіи Смоленскіе владыки, въ уніи костела Римскаго будучіи,“ получали подтвержденіе на владѣніе Смоленскою соборною церковью Пречистыя Богоматери и сельцомъ Капустинскимъ съ угодіями. Вмѣстѣ съ тѣмъ отписано было и нѣсколько другихъ монастырскихъ и вообще церковныхъ земель и вотчинъ, не упомянутыхъ въ первомъ привилеѣ [1]).

Обезпеченная этими привилеями, Смоленско-Черниговская (уніатская) архіепископія занимала огромное пространство, охватывавшее болѣе или менѣе значительныя части современныхъ епархій: Смоленской, Полоцкой, Могилевской, Черниговской, Орловской и Калужской. Центромъ этой обширной и крайне разбросанной архіепископіи стала бывшая православная Петропавловская каѳедра, къ которой при архіеп. Сергіи изъ крѣпости настолько отливалась городская жизнь—торговля и промышленность, что польское правительство принуждено было принимать особыя мѣры. [2]).

1) „Смол. Епарх. Вѣд.“ 1907 г., стр. 209—211.

2) Такъ въ февралѣ 1623 г. архіеп. Сергій получилъ изъ Варшавы королевское предписаніе не допускать дальнѣйшее заселеніе слободы и не строить въ ней торговыхъ помѣщеній, а городскіе ремесленники и торговцы предупреждались, что, въ случаѣ выхода изъ города въ архіерейскую слободу, товары ихъ и склады будутъ уничтожаться полиціей, (Ibid., стр. 160).

Для обращенія же ея въ религіозное средоточіе уніатской епархіи Владиславъ предписалъ теперь, чтобы „всѣ мѣщане Смоленскіе набожества русскаго, которые въ якомъ колвекъ цеху албо *братстве* знайдутся, звычайные свои складки, которыя набожные цехи и *братства* складывати звыкли, нигдѣ индей, только на оздобу церкви святыхъ апостолъ Петра и Павла оборочали". Такимъ образомъ, по распоряженію короля, православные всѣхъ сословій города должны были вносить свои обычные церковные взносы не иначе, какъ въ архіерейскую Петропавловскую церковь, которая становилась поэтому своего рода миссіонерскимъ становъ для обращенія православнаго населенія епархіи въ унію, а чтобы взносы эти поступали исправно, старосты отъ каждаго цеха, подъ угрозою штрафа въ 100 рублей грошей литовскихъ, обязывались представлять о нихъ архіепископу ежегодные отчеты. [1])

Получивъ отъ короля столь широкія полномочія и столь богатое обезпеченіе своей епархіи, архіеп. Левъ Кревза безпрепятственно и, несомнѣнно, со всею энергіей повелъ врученное ему дѣло насажденія католической уніи въ Смоленскѣ и его области. Къ сожалѣнію, до насъ не дошло опредѣленныхъ историческихъ данныхъ, которыя показывали бы въ цифрахъ результаты его дѣятельности, кромѣ крайне преувеличеннаго отзыва о ней уніатскаго церковнаго историка, холмскаго епископа Суши. По свидѣтельству послѣдняго, Левъ Кревза выполнялъ свою миссію такъ ревностно и достигъ въ борьбѣ съ православіемъ такихъ результатовъ, что къ концу его правленія епархіей въ Смоленскѣ не осталось будто бы ни одного схизматика. [2])

---

[1]) „Смол. „Епарх. Вѣд. 1907 г., стр. 212.

[2]) Ibd., стр. 255; см. также ст. П. Я. Строгонова: „Основатель патріаршаго Бизюкова монастыря Сергій Салтыковъ" „*Русская Старина*" за 1905 г., № 10. стр. 204). Показаніе Суши надо считать преувеличеннымъ хотя бы уже потому, что въ то время въ одномъ Смоленскѣ, судя по нѣкоторымъ историческимъ даннымъ, насчитывалось свыше 100.000 чел. жителей.

Жестоко преслѣдовалъ православныхъ и преемникъ Кревзы, архіеп. Андрей Золотой—Квашнинъ, по-польски Жлотемо—Квасницкій, нисколько не уступавшій ему въ приверженности уніи и въ ревности къ ея пропагандѣ. Занявъ въ 1637 году Смоленскую каѳедру этотъ фанатикъ уніи, по происхожденію русскій и православный, далъ даже клятву, что приведетъ въ нее всѣхъ ея противниковъ въ Смоленскѣ, Дорогобужѣ, Черниговѣ и Стародубѣ (главныхъ пунктахъ уніатской епархіи) и старую вѣру греческаго благочестія искоренитъ безъ остатка. [1]) Насколько выполнилъ онъ это грозное обѣщаніе въ предѣлахъ *всей* своей епархіи, сказать, конечно, трудно, но въ землѣ Смоленской имъ, несомнѣнно, было причинено православію не мало зла и ущерба. Такъ онъ сжегъ единственный въ то время въ Смоленскѣ православный храмъ, вѣроятно, выпрошенный у Владислава мѣстнымъ населеніемъ, и совершенно закрылъ множество церквей и монастырей его всей области. [2]) Въ его же управле-

[1]) Чистовичъ: „Очеркъ исторіи Западно-Русской церкви", ч. II, стр. 401 (СПБ. 1884 г.).

[2]) Такъ какъ архіеп. Андрей Золотой—Квашнинъ правилъ Смоленскою епархіей до конца польской эпохи, т. е. до окончательнаго присоединенія Смоленска къ Москвѣ, то наилучшимъ показателемъ его дѣятельности могутъ служить нѣкоторыя данныя, содержащіяся изъ „Дорогобужскихъ книгъ" Даніила Чернцова, составленныхъ въ 1688 году. (Копія съ нихъ имѣется въ библіотекѣ Смолен. Авраміев. братства, Отд. XI, сист. 10, Хрон. 295). При переписи оказалось, что въ одномъ Ведровскомъ станѣ (лежавшемъ на востокъ отъ г. Дорогобужа), на наибольшемъ сравнительно пространствѣ оказались *пустыя церковныя мѣста* въ с. с.: Барсукахъ, Соси, Преминѣ, Торжкѣ, Заборьѣ, Волочкѣ (здѣсь былъ Никольскій монастырь), Лопатинѣ и Шибановѣ стало быть, было закрыто не менѣе 8 храмовъ. Въ другомъ Мстиславецкомъ станѣ, (въ 25 в. отъ Дорогобужа) упразднены были церкви въ Маломъ Колпытѣ, Вороновѣ, Новоселкахъ, Дмитровскомъ (Чоботовѣ тожъ), Княжемъ, Коренкѣ, Поляновомъ (былъ Успенскій монастырь), Большомъ Колпытѣ, Аѳанасьевѣ и Березникахъ; итого 9 церквей закрылось, а сохранилось только 4: въ с. Исленевѣ (нынѣ Ельнин. уѣзда)—Покровская церковь, въ с. Ведроши (извѣстно въ исторіи по знаменитой битвѣ москвичей съ литовцами и принадлежало въ XVII в. Степану, Юрію и Христофору Ивановичамъ Салтыковымъ; нынѣ его не существуетъ)—Ильинская ц., въ с, Громовѣ—Воскресен-

нie упраздненъ былъ по причинѣ, пока еще достаточно не выясненной историками, знаменитый Авраамiевскiй монастырь, которымъ, по взятiи Смоленска Сигизмундомъ III, нѣкоторое время владѣли о.о. доминиканцы, устроивъ изъ него *училищный кляшторъ.* [1])

Угнетаемые унiатскимъ духовенствомъ православные смоляне, лишенные правительственной защиты, своего епископа и своихъ храмовъ, оказались, такимъ образомъ, безъ всякихъ внѣшнихъ средствъ борьбы съ врагомъ и могли лишь словесно протестовать противъ насилiя. Одинъ изъ такихъ протестовъ отъ лица православной Смоленской шляхты былъ заявленъ Павломъ Салтыковымъ въ 1640 году. Этотъ „московскiй отъѣзжчикъ“, проживавшiй въ то время въ Смоленскѣ и, очевидно, состоявшiй у поляковъ на службѣ, обратился къ Владиславу IV съ ходатайствомъ дать въ распоряженiе православныхъ хотя бы одинъ храмъ. Рѣчь шла, какъ увидимъ далѣе, о храмѣ во имя свв. Бориса и Глѣба. „Если намъ—писалъ Салтыковъ королю—не позволятъ устроить (т. е. открыть) благочестивую церковь, то всей шляхтѣ православной вѣры изъ Смоленска и Дорогобужа отъ мала до велика ѣхать туда, гдѣ правая вѣра свободна“. [2]) Знаменитый историкъ С. М. Соловьевъ, приводящiй это извѣстiе, утверждаетъ, будто бы ходатайство это было отклонено польскимъ правительствомъ. Но едва ли это такъ. Напротивъ, можно почти съ увѣренностью сказать, что просьба Салтыкова, угрожавшаго поголовной эмиграцiей изъ Смоленской земли всѣхъ неунiатовъ подъ защиту русскаго царя, была уважена, и церковь во имя свв. Бориса и Глѣба

ская съ придѣломъ во имя св. великомуч. Георгiя, и въ с. Княжищѣ (принад. Александру и Самуилу Петровичамъ Салтыковымъ). Такимъ образомъ изъ 21 храма въ двухъ станахъ осталось всего 4!

[1]) „Исторiя г. Смоленска“ св. Н. А. Мурзакевича, въ изд. И. И. Орловскаго (Смол. 1903 г.), стр. 102; см. также „Достопамятности Смоленска“ Орловскаго, (см. 1906 г.), стр. 33.

[2]) „Исторiя Россiи“ Соловьева, т. X, гл. I, стр. 119.

осталась въ рукахъ православныхъ. Это видно изъ грамоты Яна Казиміра, преемника Владислава, данной 12 января 1650 года во исполненіе Зборовскаго договора, заключеннаго королемъ съ Богданомъ Хмѣльницкимъ, именно въ развитіе VII его пункта. [1]) Въ этой грамотѣ между прочимъ говорится: „Церкви, означенныя въ пунктахъ святой памяти его милости короля Владислава, снова возвращаемъ (православнымъ) какъ-то: *въ Смоленскѣ, кромѣ* (по-польски wedlug) *данной, по привиллегіи короля* его милости, *Бориса и Глѣба* подъ мурами Смоленскими, еще въ самомъ замкѣ, гдѣ предъ тѣмъ была церковь св. Аврамія, мѣсто для постройки церкви, при которой хоронить духовныхъ. [2])

Цитируемое мѣсто въ грамотѣ короля Яна—Казиміра даетъ намъ полное право заключить, что смоленская церковь свв. Бориса и Глѣба передана была въ руки православныхъ еще во времена Владислава IV, почему въ грамотѣ его преемника и говорится о ней, какъ о находящейся въ вѣдѣніи православныхъ. Слѣдовательно, ходатайство Салтыкова не было отклонено. [3])

---

[1]) Напечатана на польскомъ языкѣ въ „Собраніи древнихъ грамотъ и актовъ Минской губ.", изд. 1848 г., подъ № 122.

[2]) Это мѣсто грамоты указываетъ намъ на то, что въ 1650 году въ Смоленскѣ еще были православные пастыри, и православіе не было истреблено въ конецъ, какъ объ этомъ можно было бы думать на основаніи вышеуказанныхъ привилеевъ Владислава IV на имя Льва Кревзы и самохвальной клятвы его замѣстителя. Доказательствомъ можетъ служить предоставленная тою же грамотой Яна Казиміра *православной шляхтѣ* возможность устраивать въ своихъ имѣніяхъ, данныхъ имъ въ Смоленскомъ воеводствѣ на ленномъ правѣ, православныя церкви и содержать при нихъ православное духовенство.

[3]) Вслѣдствіе упорства уніатскихъ епископовъ въ предоставленіи православнымъ нѣкоторыхъ храмовъ и монастырей во многихъ городахъ Литвы и Бѣлоруссіи происходили большія волненія и безпорядки, кончавшіеся нерѣдко кровавыми схватками. Поэтому король Владиславъ IV издалъ 18 іюля 1636 г. грамоту объ учрежденіи особой должности комиссаровъ для пропорціональнаго распредѣленія въ городѣ и мѣстечкахъ церквей между уніатами и православными, а въ мартѣ слѣдующ. года просилъ уніатскаго митрополита Рафаила оказать этимъ комиссарамъ свое содѣйствіе, побудивъ къ этому подчиненныхъ

Другимъ подтвержденіемъ этого служитъ еще слѣдующій фактъ, вытекающій изъ содержанія грамоты Яна—Казиміра.

Перечисливъ всѣ церкви, находившіяся въ великомъ княжествѣ Литовскомъ и подлежавшія передачѣ православнымъ, король далѣе говоритъ; „Также всѣ *братства*, гдѣ бы и сколько бы ихъ ни было запрещено, какъ (напримѣръ) *въ Смоленскѣ за мурами у Глѣба и Бориса*, позволяемъ имѣть“. [1])

Отсюда ясно, что при Борисоглѣбской церкви существовало нѣкогда *православное братство*. Когда и кѣмъ оно было основано, точныхъ указаній пока не найдено. Но въ виду того что братства стали распространяться въ Западной Руси повсемѣстно въ началѣ XVII вѣка и, главнымъ образомъ, въ цѣляхъ болѣе интенсивнаго противодѣйствія латинству и усилившейся уніи, можно съ увѣренностью полагать, что Борисоглѣбское церковное братство учреждено было вскорѣ послѣ завоеванія Смоленска поляками и, по всей вѣроятности, вышеупомянутымъ архіеп. Сергіемъ, какъ горячимъ ревнителемъ и стойкимъ защитникомъ родной вѣры. Дѣятельность Борисоглѣбскаго братства должна была сдѣлаться особенно напряженною, когда пошли всевозможныя гоненія и притѣсненія православныхъ со стороны уніатскаго духовенства; послѣднее же, получивъ въ 1633 году,

ему епископовъ, въ особенности Полоцкаго, Владиміро-Волынскаго, Пинскаго и *Смоленскаго*. Къ этому времени, вѣроятно, и относится оставленіе Борисоглѣбской церкви въ рукахъ православныхъ.

[1]) Изслѣдователи Смоленской старины, какъ Писаревъ, Орловскій и др., отожествляютъ эту церковь съ знаменитымъ Борисоглѣбскимъ монастыремъ на Смядыни, что совершенно естественно и ясно вытекаетъ изъ самаго смысла выраженія грамоты: „за мурами (т. е. внѣ крѣпостной стѣны) у Глѣба и Бориса“. Полякамъ удобнѣе было разрѣшить братскую церковь гдѣ-либо на окраинѣ города, чѣмъ въ его крѣпости. Что касается обѣщанія ихъ отвести мѣсто для постройки кладбищенской церкви (для погребенія духовныхъ), „въ замкѣ“ то, какъ извѣстно, оно выполнено не было. Напротивъ, мѣсто упраздненнаго ими Авраамiевскаго монастыря занято было до самой осады Смоленска царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ въ 1654 г, о. о. доминиканцами и нѣкіимъ Якубомъ Ульнеромъ.

какъ сказано выше, право на запрещенiе подобныхъ братствъ, могло и, конечно, постаралось на время закрыть его. При братствѣ, по примѣру другихъ городовъ Западной и Южной Руси, функцiонировала, по всей вѣроятности, и *православная школа* въ противовѣсъ iезуитской бурсѣ и инымъ латинскимъ училищамъ, которыя, кромѣ iезуитовъ, заводились въ Смоленскѣ и базилiанами, и доминиканцами, и бернардинами [1]).

Гоненiя унiатскихъ епископовъ на западно-русскую, въ частности смоленскую, православную церковь не всегда, значитъ, достигали своей конечной цѣли, а лишь еще тѣснѣе сплачивали между собою на защиту своей вѣры и народности отъ натиска латинства людей твердой воли и глубокихъ, искреннихъ убѣжденiй, которыхъ не могли сломить никакiя внѣшнiя насилiя. Въ первой четверти XVII в. во главѣ такихъ защитниковъ стоялъ архiепископъ Сергiй,

---

[1]) Бернардины устроились на мѣстѣ вынѣшняго Троицкаго монастыоя, а не на Кловкѣ, гдѣ жили базилiане, При ихъ кляшторѣ было *училище* и помѣщенiе для католическаго бискупа. Былъ ли онъ до того времени православнымъ и существовалъ ли вообще, за неимѣнiемъ опредѣленныхъ данныхъ, сказать трудно. Историческое существованiе его, какъ доказалъ Д. К. Вишневскiй, начинается лишь съ присоединенiя Смоленска къ Москвѣ и не позже, какъ съ 1655 года, (см. его замѣтку въ „Смол. Епарх. Вѣдом.“ за 1899 г.: Время возстановленiя Смоленскихъ монастырей—Авраамiевскаго и Троицкаго“). Что же касается доминиканцевъ, то послѣднiе, какъ уже сказано, владѣли мѣстомъ упраздненнаго Авраамiевскаго монастыря во весь перiодъ польскаго владѣнiя Смоленскомъ. Вѣроятно, онъ сильно пострадалъ во время осады въ 1611 году, ибо, по взятiи города, король построилъ здѣсь особый костелъ и кляшторъ въ честь св. Яцка и поселилъ въ немъ 20 монаховъ—доминиканцовъ, которые принесли туда чудотворный образъ Дѣвы Марiи. Фундушъ Сигизмунда III подтвердилъ его преемникъ Владиславъ IV, молившiйся въ этомъ кляшторѣ послѣ побѣды своей подъ Смоленскомъ надъ бояриномъ Шеинымъ въ 1633 году и приказавшiй затѣмъ устроить при немъ каменную каплицу, а въ ней повѣсить серебряную доску въ память побѣды (Teka Wilénska z. r. 1858, nr. III, str. 246—„о монастыряхъ, существ. въ Виленской дiонезiи“). Кляшторъ этотъ существовалъ *не далѣе 40 лѣтъ* и никогда уже не возобновлялся; возобновленъ былъ въ 1820 году лишь бывшiй бернардинскiй кляшторъ во имя св. Антонiя, также построенный Сигизмундомъ. (Тамъ же: nr. IV str 148; I, str. 32).

вѣроятный основатель Борисоглѣбской братской общины, а во второй весьма важную роль въ этомъ религіозномъ и патріотическомъ дѣлѣ играла фамилія бояръ Салтыковыхъ, члены которой были несомнѣнными ея представителями [1]). Одинъ изъ нихъ, Павелъ Салтыковъ, въ 1640 году добился, какъ мы видѣли, снятія запрещенія съ церкви свв. Бориса и Глѣба, а другой, Θедоръ Михайловичъ, владѣлецъ с. Бизюкова (близъ г. Дорогобужа), въ тяжкое время расцвѣта католической уніи и напряженной борьбы ея съ православіемъ, въ 30-ыхъ годахъ XVII в., сумѣлъ исхлопотать у Владислава разрѣшеніе на основаніе въ своей вотчинѣ монастыря—въ честь Воздвиженія Честнаго и Животворящаго Креста Господня. По обычаю того времени монастырь основанъ былъ на правахъ владѣльческаго патроната и первое время, согласно желанію своего ктитора, находился въ номинальной зависимости отъ Константинопольскаго патріарха и фактической отъ Кіевскаго митрополита, завѣдывавшаго тогда западно-русскою православною паствою; по присоединеніи же Смоленскаго края къ Москвѣ онъ причисленъ былъ къ ставропигіальнымъ монастырямъ Московскаго патріарха [2]). По праву патрона и ктитора Θедоръ Михайловичъ Салтыковъ, оставаясь въ мірскомъ званіи, при первыхъ трехъ

---

[1]) Фамилія Салтыковыхъ ведетъ свое начало отъ прусскаго выходца Михаила Прушанина, поселившагося въ Новгородѣ въ XIII вѣкѣ. По исторической извѣстности среди нихъ выдѣляется бояринъ Михаилъ Глѣбовичъ Салтыковъ—Морозовъ, игравшій видную роль въ смутное время, какъ одинъ изъ сторонниковъ идеи о передачѣ осиротѣвшаго тогда русскаго престола польскому царевичу Владиславу. Въ 1611 году онъ принялъ польское подданство и за это получилъ отъ короля Сигизмунда богатыя помѣстья, между прочимъ, въ Дорогобужскомъ уѣздѣ Смоленской губ.

[2]) С. Голубевъ: „Кіевскій митрополитъ Петръ Могила“, т. II, стр. 487.— Описаніе рукоп. архива Свят. Син. 1722 г., II т. Годъ основанія Бизюкова монастыря въ точности не извѣстенъ, но, по всей вѣроятности, событіе это произошло не позже 1640 г. Извѣстно, однако, что на первыхъ порахъ въ монастырскій Соборъ обращена была Крестовоздвижен. прих. церковь с. Бизюкова, которая существовала тамъ еще до переселенія Салтыковыхъ въ ихъ богатую вотчину.

игуменахъ, принималъ весьма близкое участіе въ дѣлахъ учрежденной имъ обители. Въ сороковыхъ же годахъ XVII столѣтія онъ двумя духовными завѣщаніями [1]) отдалъ ей всѣ свои земли и угодья, принялъ монашество подъ именемъ Сергія (вѣроятно, въ память знаменитаго поборника православія, смоленскаго архіеп. Сергія) и уже единолично сталъ управлять какъ своимъ Бизюковымъ Крестовоздвиженскимъ монастыремъ, такъ и приписнымъ къ нему Рождественскимъ въ сосѣднемъ селѣ Сверколучьѣ, также принадлежавшемъ роду Салтыковыхъ [2]). Игуменомъ этихъ монастырей онъ былъ свыше 20 лѣтъ.

Ставропигіальный Бизюковъ монастырь былъ въ то время великимъ благодѣяніемъ для мѣстнаго православнаго населенія, насильственно обращаемаго въ унію католической іерархіей. Сюда, къ его инокамъ, къ этимъ, по замѣчательному выраженію историка В. О. Ключевскаго, благодатнымъ воспитателямъ народнаго духа, стали собираться жители окрестныхъ мѣстностей, присутствовали здѣсь за роднымъ богослуженіемъ, исповѣдывали свою православную вѣру и получали благотворную помощь въ борьбѣ съ сильною властью уніатскаго духовенства. Здѣсь же, конечно, устроена была и *школа*, необходимая для воспитанія тогдашняго юношества и охраненія его отъ совращенія въ католицизмъ умѣлою рукою іезуитовъ, которые занимали тогда Болдинъ монастырь, сосѣдній съ Бизюковымъ [3]).

---

[1]) Напеч. въ „Сборникѣ Муханова“, стр, 613—615. (См. „Духовную Ѳ. Солтыка“).

[2]) Опис. рукоп. и дѣлъ архива Св. Синода 1722 г., т. II.—Сверколуцкій Рождества Богородицы монастырь основанъ преп. Герасимомъ около 1542 г. Онъ владѣлъ многими земельными угодьями (въ томъ числѣ цѣлымъ селомъ Усвятьемъ), но съ учрежденіемъ смежнаго съ нимъ Бизюкова м-ря, когда благосостояніе его стало, вѣроятно, падать, въ 1656 г., по повелѣнію царя Алексѣя Михайловича, отданъ былъ въ вѣдѣніе строителя Сергія Салтыкова.

[3]) До насъ, правда не дошли свѣдѣнія о существованіи школы при Бизюковомъ м-рѣ въ XVII в, но въ слѣдующемъ столѣтіи (въ 1762 г.), по словамъ П. Я. Строгонова, занимающагося детальной разработкой исторіи этого

Болдинская обитель, существующая и понынѣ (въ 15 верстахъ отъ г. Дорогобужа). ведетъ свое начало еще съ XVI столѣтія. Въ 1528 году въ окрестностяхъ Дорогобужа, близь Московской дороги, въ „хижинѣ малѣ“, собственноручно построенной, поселился преп. Герасимъ, выходецъ изъ Переяславля-Залѣсскаго (небольшого городка нынѣшней Владимірской губ.), пожелавшій посвятить себя подвигамъ пустынножительства. Вскорѣ слава о его праведной жизни и умѣньи каждому дать душеспасительный совѣтъ привлекла къ нему подражателей, вмѣстѣ съ которыми онъ построилъ и въ 1530 году, съ благословенія Кіевскаго митрополита, освятилъ храмъ во имя Живоначальныя Троицы съ придѣломъ въ честь преп. Сергія Радонежскаго. Вел. княземъ Василіемъ III, къ которому вслѣдъ за тѣмъ обратился Герасимъ за разрѣшеніемъ на устройство обители, повелѣно было изъ государственной казны „вся потребная на созиданія монастыря“. Для братіи преп. Герасимъ составилъ особый уставъ или „законъ“ и его правилами подробно и строго опредѣлилъ внѣшній и внутренній распорядокъ обители [1]). Благочестивая жизнь иноковъ и ихъ

м-ря, при немъ были и богадѣльня для увѣчныхъ воиновъ, и иконописная, и школа. (См. статью его въ „Смол. Епарх. Вѣд.“ за 1904 г. №№ 10—13. „Памяти основателя Бизюкова мон-ря, боярина Сергія Салтыкова“). Было тамъ и богатое книгохранилище, заключавшее въ себѣ сочиненія не только на славянскомъ, но и на греческомъ и латинскомъ языкахъ. Извѣстно, что библіотека Бизюкова м-ря оказала значительную услугу извѣстному историку Татищеву, который отыскалъ въ ней отрывокъ древнѣйшей русской лѣтописи, приписываемой новогородскому епископу XI вѣка Іоакиму, и сполна помѣстилъ въ своей „Исторіи Россійской. (См. брошюру того же автора: „Ставропигіальный Бизюковъ монастырь и Смоленскіе епископы“,(М. 1905 г.).

[1]) Этотъ уставъ находится въ „Житіи преп. Герасима“, написанномъ въ концѣ XVI в. (1586 г.) Болдинскимъ игуменомъ Антоніемъ (ученикомъ его), въ главѣ “О поученіи духовномъ къ братіи“. Житіе еще не издано. Одна его редакція находится въ рукописяхъ Ундольскаго (№ 600), хранящейся въ Московскомъ Румянцевскомъ Музеѣ, а другая въ Болдиномъ монастырѣ. Сверхъ того, существуетъ такъ называемый „законъ преп. Герасима Болдинскаго“, нѣчто въ родѣ автобіографіи (по выраженію Ключевскаго); тоже еще не изданъ и находится въ рукописяхъ Ундольскаго (№ 301), гдѣ послѣ текста имѣется

игумена со всѣхъ сторонъ стала привлекать въ пользу нея обильныя пожертвованія, и новый монастырь росъ и процвѣталъ вплоть до нашествія поляковъ и завоеванія ими Смоленскаго края. Завоеватели, отлично понимая нравственное вліяніе Болдина монастыря на покоренныхъ жителей, тотчасъ отдали его со всѣми вотчинами въ распоряженіе іезуитовъ, а эти послѣдніе, по своему обыкновенію, устроили въ немъ училищный кляшторъ и во все время польскаго обладанія краемъ трудились надъ совращеніемъ Дорогобужской молодежи изъ православія въ католическую вѣру.

Въ тяжеломъ состояніи находилось дѣло народнаго просвѣщенія въ Смоленской землѣ въ первую половину XVII столѣтія. Происходила жестокая борьба двухъ противоположныхъ по духу и воспитанію народностей, изъ которыхъ каждая стояла за преимущество своей вѣры, своей культуры. Но если съ одной стороны дѣло велось насильственно, не разбирая средствъ, и преслѣдовалась лишь тенденція скорѣйшаго нравственнаго порабощенія покореннаго народа, то съ другой ей противопоставлена была высокоидейная защита главнаго народнаго достоянія—родной вѣры и тѣсно съ нею связанной, на ней основанной культуры, вѣками сложившихся народныхъ воззрѣній и обычаевъ, соціальнаго быта вообще.

приписка: „сии законъ списалъ азъ, дьяконъ Прохоръ Данилова монастыри; писано же въ нынѣшнемъ во 171 (=1663) году“ (ср. „Описаніе рукописей Ундольскаго“, 227).—Пересказъ житія преп. Герасима см. въ „Исторіи русской церкви“ Филарета, II, 22—29, а довольно подробный разборъ и критическую оцѣнку въ „Очеркахъ по исторіи древне-русской лит-ры житій святыхъ“ Арс. Кадлубовскаго, стр. 284—294. Кромѣ „Закона“, преп. Герасиму Болдинскому принадлежали и другія литерат. произведенія. Такъ по его запискамъ описалъ житіе и чудеса преп. Нила Столбенскаго и составилъ службу ему инокъ Болдина м-ря Филоѳей Пироговъ (Обзоръ дух. лит. преосв. Филарета Черниговъ., I ч., стр. 216).

VII.

Свыше сорока лѣтъ въ XVII вѣкѣ томилась Смоленская земля подъ польско-литовскимъ владычествомъ, подъ тяжелымъ религіозно-нравственнымъ гнетомъ іезуитовъ и уніатскаго духовенства. Къ стонамъ угнетенныхъ смолянъ не оставалась глухою единовѣрная имъ Москва, которая, конечно, не могла отказаться отъ мысли вернуть утраченную ею въ смутное время область. Два раза, въ 1618 и 1633 годахъ, при царѣ Михаилѣ Ѳедоровичѣ, дѣлались попытки возсоединить Смоленскъ подъ Россійскую державу, но обѣ онѣ были не удачны. Часъ освобожденія пробилъ лишь въ царствованіе Алексѣя Михайловича. Въ 1654 году открылась польская война, и смоленскіе города одинъ за другимъ стали переходить къ Москвѣ. Взятъ былъ Дорогобужъ, а 23 сентября 1654 г., послѣ двухмѣсячной осады, сдался царю и Смоленскъ.

Вступивъ торжественно въ городъ, Алексѣй Михайловичъ тотчасъ же приказалъ обращенные изъ церквей костелы и кляшторы снова передѣлать и освятить на православные храмы и монастыри. Это возстановленіе православія и очищеніе Смоленской области отъ уніи и католиковъ было произведено на первыхъ порахъ тверскимъ епископомъ Лаврентіемъ, который сопровождалъ царя въ походъ противъ поляковъ, а затѣмъ намѣстникомъ Иверской Свято-Озерской обители Филоѳеемъ, пріѣзжавшимъ въ декабрѣ 1655 года отъ имени патріарха Никона въ Смоленскъ и Дорогобужъ для устроенія церковныхъ дѣлъ. Православное богослуженіе возстановлено было прежде всего въ соборномъ католическомъ храмѣ „на Горѣ“ (т. е. на мѣстѣ бывшаго Успенскаго собора, разрушеннаго въ 1611 году), и въ бернардинскомъ кляшторѣ, превращенномъ въ 1655 г. въ Свято-Троицкій монастырь, а затѣмъ въ нѣкоторыхъ другихъ городскихъ церквахъ. Духовенство, которое столь долго должно было безмолвно переносить католическій гнетъ, притѣсне-

нія и лишенія, теперь снова вступило въ прежнія свои права и получило прежнія привиллегіи; церквамъ и монастырямъ были возвращены прежнія угодья их, на которыя до сихъ поръ они имѣютъ грамоты, а нѣкоторые изъ нихъ получили даже царскую ругу [1]). Рѣшительный же ударъ уніи и католицизму былъ нанесенъ въ 1659 году, съ возстановленіемъ въ Смоленскѣ самостоятельной православной каѳедры. Необходимость учрежденія этой каѳедры была сознана на московскомъ соборѣ 1657 года. Отцамъ этого собора было доложено, что „въ многочеловѣчномъ градѣ Смоленскѣ, недавно отторгнутомъ храбростью и силой десницы русскаго царя отъ проклятой римской ереси и польскаго короля мучительства, съ окрестными городами и весями прежде всегда былъ свой архіерей, поставляемый въ Москвѣ. И теперь необходимо, чтобъ тамъ былъ свой архіерей". И соборъ возстановилъ епископскую каѳедру въ Смоленскѣ, приписавъ къ ней Дорогобужъ, Рославль и Бѣлый съ уѣздами, а патріархъ Никонъ перевелъ на эту каѳедру изъ Суздаля епископа Филарета, съ титуломъ архіепископа Смоленскаго и Дорогобужскаго [2]).

Архіеп. Филарету (1659—1671 гг.) и слѣдуетъ главнымъ образомъ приписать возстановленіе въ Смоленскѣ ,правос-

---

[1]) Таковыми были прежде всего Троицкій и Авраамієвскій монастыри и соборный Успенскій храмъ (См. замѣтки Д. К. Вишневскаго въ „Смол. Епарх. Вѣдом." за 1899 г.: „Время возстановленія Смоленскихъ монастырей—Авраамієвскаго и Троицкаго" и „Жалованная грамота царя Алексѣя Михайловича 1662 г. духовенству Смоленскаго Успенскаго Собора").

[2]) С. П. Писаревъ въ своей „Памятной книгѣ г. Смоленска", на основаніи имѣвшагося въ его распоряженіи рукоп. описанія г. Суздаля, утверждаетъ, что Филаретъ сталъ архіепископомъ Смоленскимъ лишь съ 1666 года, а до того времени былъ 9 лѣтъ Суздальскимъ епископомъ, и что передъ нимъ Смоленской епархіей правили послѣдовательно Сильвестръ и Лазарь, оба съ титуломъ архіепископа Смоленскаго и Мстиславльскаго (стр. 56—57). Но едва ли это такъ и во всякомъ случаѣ требуетъ дальнѣйшихъ разысканій, ибо ссылки г. Писарева на брошюру: „Никифоръ Адріановичъ Мурзакевичъ" и замѣтку Ал. Щукина: „Рославльскіе памятники старины" (въ „Смол. Вѣстн." за 1894 г., № 81) нельзя признать вполнѣ достаточными.

лавной вѣры и православной церковной жизни. Высочайшимъ указомъ ему повелѣно было взять съ собою съ мѣста прежней каѳедры половину ризницы, нѣсколько человѣкъ пѣвчихъ и „дѣтей боярскихъ", служившихъ при Суздальскомъ архіерейскомъ домѣ. Послѣдніе нужны были въ Смоленскѣ для веденія канцелярскаго дѣла на русскомъ языкѣ, который въ періодъ польскаго владычества почти совершенно былъ вытѣсненъ какъ изъ городскихъ учрежденій, такъ въ особенности изъ церквей и школъ, и обученіе грамотѣ шло преимущественно на польскомъ языкѣ и по польскимъ учебникамъ. Въ библіотекѣ Смоленской духовной семинаріи сохранились учебники даже отъ 1736—45 г.г., составленные на польскомъ языкѣ [1]). Возможно, что эти учебники перешли въ семинарскую библіотеку изъ тѣхъ католическихъ школъ которыя, вѣроятно, еще при архіепископѣ Филаретѣ превращены были въ православныя [2]). Учрежденіе православныхъ школъ въ то время необходимо было не только для торжества православія, но также и въ виду постановленія московскаго собора 1666 г., обязывавшаго духовенство заниматься воспитаніемъ юношества. „Повелѣваемъ—говорилось въ этомъ постановленіи—да всякій священникъ дѣтей своихъ научаетъ грамотѣ и страху Божію и всякому церковному благочестію со всякимъ прилежаніемъ"... [3]) Къ сожалѣнію, до насъ не дошло вполнѣ опредѣленныхъ извѣстій о времени возобновленія архіерейской и вообще русскихъ школъ въ Смоленскѣ. Есть только одно, да и то косвенное указаніе на этотъ важный вопросъ, относящееся къ 1685 году. Въ началѣ этого года въ Смоленскѣ мы видимъ учителя Вилен-

---

[1]) Трофимовскій: „Историко-статистич. описаніе Смол. епархіи", стр. 30, прим.

[2]) Архіеп. Филаретъ, по пріѣздѣ своемъ въ Смоленскѣ, помѣстился въ Троицкомъ монастырѣ, который онъ возстановилъ изъ бернардинскаго училищнаго кляштора, гдѣ до него жили смоленскіе католическіе бискупы: Петръ Парчевскій (до 1649 г.), Гильзенъ, Сангушко и Далматъ Исайковскій.

[3]) Дѣло собора, бывшаго въ Москвѣ 1666 г.

ской братской школы Филиппа Ивановича, который въ пышной рѣчи, при представленіи своемъ тогдашнему смоленскому митрополиту Симеону Милюкову (1676—1699), называлъ его знаменитымъ свѣтиломъ россійскимъ и испрашивалъ у него милости созерцать владыку въ теченіе многихъ счастливыхъ лѣтъ. Въ этихъ словахъ Филиппа Ивановича выражена была, вѣроятно, его готовность потрудиться въ качествѣ учителя въ архіерейской школѣ при Троицкомъ монастырѣ, подъ милостивымъ наблюденіемъ смоленскаго владыки [1]).

Привлеченіе къ Московскому государству лучшихъ западно-русскихъ умственныхъ силъ было, какъ извѣстно, въ обычаѣ у тогдашнихъ правящихъ сферъ. Такъ въ 1655 году патріархъ Никонъ, только что основавшій Иверскую обитель, услышавъ о добромъ житіи настоятеля Оршанскаго Кутеинскаго мужского монастыря Іоиля Труцевича, выпросилъ у царя Алексѣя Михайловича дозволеніе взять къ себѣ его съ нѣкоторымъ числомъ братіи, чтобы при ихъ помощи, устроить общежитіе и въ Иверской обители [2]).

[1]) Рѣчь эта сохранилась на польскомъ языкѣ въ рукописномъ сборникѣ, принадлежащемъ Кіевской духовной семинаріи и описанномъ проф. Н. И. Петровымъ. („Описаніе рукописныхъ собраній, находящихся въ г. Кіевѣ, вып. I, стр. 276—277, подъ № 233), и озаглавлена такъ: „**Oratio ad perlustritsimum Simeonem, mitropolitum Smolensciensem, habita Smolensci anno 1685, Ianuarie die 10**“. Переводъ этой рѣчи см. въ статьѣ Е. Червинскаго: „Смоленскіе митрополиты, ихъ жизнь и дѣятельность“. (Въ № 9 „Смол. Епарх. Вѣд.“).

[2]) Оршанскій Кутеинскій Богоявленскій монастырь построенъ около 1627 г., т. е. во время особенно сильныхъ гоненій уніатовъ на православіе, считался ставропигіальнымъ, имѣлъ при себѣ братство, школу и типографію и славился строгими общежительными порядками. При Петрѣ Могилѣ въ немъ было до 200 монаховъ, „подражающихъ въ тѣлѣ житію ангельскому“. Первый настоятель его Іоиль Труцевичъ „не текмо сію лавру едину, но ины мнози своими труды и поты сооружи, и во своей паствѣ всѣхъ имѣяй и благочестіе во всей Бѣлой Руси утверждаяй и удерживаяй во время гоненія отъ развращенія уніатовъ“. (См. „Опытъ описанія Могилевской губ.“ Дембовецкаго, т. I, стр. 65, и II, стр. 101). Кромѣ Кутеинскаго мужского монастыря, близъ Орши былъ и женскій, также называвшійся Кутеинскимъ.

Послѣдняя, кстати сказать, снабжена была Никономъ многими церковными древностями, которыя захватилъ съ собою Іоиль Труцевичъ изъ Оршанскаго и другихъ монастырей Западной Россіи. Въ 1664 году въ Москву былъ вызванъ изъ Полоцка даровитый іеромонахъ тамошняго Богоявленскаго монастыря Симеонъ Ситняновичъ, воспитанникъ Кіевской академіи, очень понравившійся царю Алексѣю Михайловичу во время пребыванія его въ Полоцкѣ. Въ Москвѣ онъ положилъ начало прочному школьному образованію, былъ воспитателемъ царевича Ѳедора Алексѣевича и оставилъ послѣ себя много ученыхъ и литературныхъ трудовъ [1]). Съ этого же времени усиливаются и переводы съ бѣлорусскаго и польскаго на русскій языкъ разнаго рода сборниковъ, разсказовъ, отдѣльныхъ повѣстей духовныхъ и свѣтскихъ, басенъ, сказокъ, стихотворныхъ повѣстей, фацецій, жартъ польскихъ и т. п., положившихъ начало свѣтской русской литературѣ, переводной и подражательной [2]).

Еще ранѣе учителя Виленской братской школы Филиппа Ивановича въ Смоленскъ прибылъ изъ Вильны же нѣкто Николай Дилецкій, родомъ кіевлянинъ, выдающійся по тому времени знатокъ теоріи и гармоніи музыки. Ему принадлежитъ замѣчательный трудъ по „партесному" (т. е. хоровому, съ раздѣленіемъ на высокіе и низкіе голоса) пѣнію, подъ заглавіемъ: „Грамматика пѣнія Мусикійскаго", написанная имъ въ Смоленскѣ въ 1677 году и признающаяся современными авторитетами музыкальнаго искусства лучшимъ изъ всѣхъ подобныхъ руководствъ XVII в. [3]).

---

1) Татарскій, І.: „Симеонъ Полоцкій, его жизнь и дѣятельность", Москва, 1886 г.—Майковъ, Л. Н.: „Очерки изъ исторіи русской литературы XVII и XVIII столѣтій", СПБ., 1889 г.

2) Пыпинъ, А. Н.: „Очеркъ литературной исторіи старинныхъ повѣстей и сказокъ" (въ IV томѣ „Учен. Записокъ Акад. наукъ").—Архангельскій, А. С.: „Очерки изъ исторіи западно-русской литературы XVI—XVII вв." (въ „Чтеніяхъ въ Императорскомъ Обществѣ исторіи и древностей россійскихъ при Москов. унив.", кн. 144 и слѣд.).

3) Проф. св. В. Металловъ: „Очеркъ исторіи православнаго церковнаго

Изъ рукописи Дилецкаго, которая черезъ два гола, при содѣйствіи „именитаго человѣка“ Григорія Строгонова, была обработана и издана въ Москвѣ, къ сожалѣнію, не видно, какую должность занималъ онъ въ Смоленскѣ и сколько времени тамъ прожилъ. Но можно съ достаточною долею увѣренности полагать, что это былъ учитель или, какъ тогда выражались, „дидаскалъ“ какой-либо школы и скорѣе всего архіерейской, находившейся при Троицкомъ монастырѣ, резиденціи Смоленскихъ архіепископовъ и митрополитовъ. Извѣстный изслѣдователь нашей старины Безсоновъ пишетъ, что „церковное пѣніе въ XVII в. достигло высшей степени историческаго развитія по всѣмъ видамъ своимъ.... *Вездѣ есть школы, учители или дидаскалы*, сообщившіе славное имя свое разнымъ способамъ единаго основнаго пѣнія; пишутся руководства, грамматики, цѣлая литература вокальной музыки... [1]. И дѣйствительно, въ книгѣ Дилецкаго, состоящей изъ шести частей и представляющей довольно полное и обстоятельное изложеніе музыкальной теоріи и гармоніи, находится, между прочимъ, и наставленіе для начальнаго обученія дѣтей пѣнію—„Образъ поученія майстромъ ко пѣнію дѣтищь“.

Въ 1663 году въ возстановленный послѣ іезуитовъ Смоленскій Вознесенскій монастырь, по повелѣнію Алексѣя

пѣнія въ Россіи“ стр. 76 и др., Москва, 1896. Его же статья: „Замѣчательный трактатъ по теоріи пѣнія и музыки въ XVII в.“ (въ „Русской Музык. Газетѣ“ за 1898 г.). Смоленскій, С. В.: „Обзоръ историческихъ концертовъ“, Москва, 1895.—Н. Дилецкій получилъ музыкальное образованіе въ Вильнѣ, какъ это видно изъ его предисловія къ „Грамматикѣ“, гдѣ сказано, что онъ, „писавый прежде въ Вильнѣ, наукъ свободныхъ учащеся, приизбрахъ мусикію отъ многихъ искусныхъ художниковъ, тако церкви православныя творцовъ пѣнія, яко же и римскія, и отъ многихъ книгъ латинскихъ, яже о мусикіи“. „Грамматика“ его напечатана не была и представляетъ собою объемистую рукопись, законченную въ переводѣ съ польскаго языка на славянскій. Въ настоящее время она находится въ библіотекѣ Москов. архива М-ва Иностр. Дѣлъ. („Замѣчанія“ Ундольскаго, стр. 16—17).

[1]) Безсоновъ: „Судьба нотныхъ пѣвчихъ книгъ“ (см. „Правосл. Обозр.“ за 1864 г., май).

Михайловича, была вызвана изъ Оршанскасо Кутеинскаго женскаго монастыря игуменья Ираида Куракина, родственница Смоленскаго боярина и воеводы князя Θеодора Куракина, по тогдашнему очень образованная женщина, съ 22 монахинями [1]). Монастырь сразу, не въ примѣръ прочимъ, сталъ, пользоваться особымъ вниманіемъ царя, щедро осыпавшаго каждую изъ сестеръ жалованьемъ и разными милостями, какъ по родству игуменьи съ Смоленскимъ воеводою, такъ и „для того, что въ порубежномъ городѣ". При немъ устроено было училище для воспитанія дочерей Смоленской православной шляхты, на что въ документахъ монастыря сохранилось достаточно опредѣленное указаніе. Игуменья Ираида, говорится тамъ, „имѣла при себѣ въ ученіи Россійской грамотѣ дочь бывшаго полковника Кириллы Полуехтовича Нарышкина, которая по совершенномъ возрастѣ, по имянному повелѣнію царя Алексѣя Михайловича, бывшаго тогда во вдовствѣ, взята въ Москву и учинилась его царскому Величеству супругою. И по тому случаю отъ царя Алексѣя Михайловича и государя Петра I означенный монастырь вознагражденъ каменнымъ строеніемъ и снабженъ ризницею и всѣмъ государевымъ иждивеніемъ и жалована была оному монастырю вотчина" [2]).

Такимъ образомъ въ школѣ, устроенной Ираидою Куракиной при Вознесенскомъ дѣвичьемъ монастырѣ и, вѣроятно, перенесенной туда изъ Оршанскаго Кутеинскаго, получила первоначальное образованіе свое вторая жена паря Алексѣя (съ 1671 года), Наталья Кирилловна, ставшая потомъ матерью Петра Великаго. Произошло это въ шести-

[1]) Этимъ, кажется, можно объяснять наплывъ богомольцевъ изъ Могилевской губерніи, наблюдаемый въ Смоленскѣ и понынѣ на праздникъ Вознесенья.

[2]) Дѣло архива Смол. дух. конс. 1775 г., п. 15-й. См. также статью И. И. Орловскаго: „Смоленскъ въ исторіи дома Романовыхъ", стр. 29—30 (въ „Памятной книжкѣ Смоленской губ. на 1904 годъ"); „Историко-статист. описаніе Смолен. епархіи" Трофимовскаго, стр. 223.

десятыхъ годахъ XVII в., когда отецъ ея служилъ полковникомъ или, какъ тогда говорили, *головою* одного изъ московскихъ стрѣлецкихъ полковъ, расквартированныхъ въ то время въ Смоленскѣ для усиленія его гарнизона. [1])

По нѣкоторымъ даннымъ можно думать, что К. П. Нарышкинъ принадлежалъ къ числу небогатыхъ смоленскихъ дворянъ. Есть преданіе, что знакомство Алексѣя Михайловича съ его семьей еще при осадѣ Смоленска, въ 1654 г. Обыватель этого города или, быть можетъ, владѣлецъ какого-нибудь окрестнаго помѣстья, [2]) Кириллъ Полуектовичъ, при приближеніи царскаго войска, укрылся въ Смоленской крѣпости вмѣстѣ съ женою и дѣтьми, въ числѣ которыхъ была будущая царица Наталья, тогда еще трехлѣтняя дѣвочка (она родилась 22 августа 1651 года). Когда въ городѣ начался голодъ, онъ написалъ письмо своему *свойственнику* А. С. Матвѣеву, занимавшему въ московскомъ войскѣ должность стрѣлецкаго головы и бывшему главнымъ совѣтникомъ царя по военнымъ дѣламъ, и просилъ обмѣнять его на нѣсколькихъ плѣнныхъ поляковъ. [3]) По докладу Матвѣева, царь согласился на это, и нѣсколько дней спустя вся

---

[1]) Тамъ стояли тогда, между прочимъ, послѣ смоленскихъ стрѣльцовъ, въ которомъ *вторымъ головою* былъ К. П. Нарышкинъ, (первымъ былъ Михаилъ Ефимовъ) и полкъ Кроуфорда, въ числѣ офицеровъ котораго находился другъ его семьи, извѣстный Павелъ Менезій, считающійся однимъ изъ первыхъ воспитателей Петра Великаго, родомъ шотландецъ (о немъ рѣчь будетъ ниже). См. изслѣдованіе Н. В. Чарыкова: „Посольство въ Римъ и служба въ Москвѣ Павла Менезія", СПБ., 1906 г., стр. 568.

[2]) Ещевъ началѣ X VIII в. у Нарышкиныхъ были въ Смоленскомъ краѣ вотчины: села—Тешутино и Субботники Сычев. уѣзда и Рубихино Юхнов. уѣзда (Дѣло арх. Смол. конс. 1774 г., № 15).

[3]) Свойство Нарышкина съ Матвѣевымъ заключалось въ томъ, что послѣдній былъ женатъ на шотландкѣ Евдокіи Григорьевнѣ Гамильтонъ, приходившейся родною теткой женѣ его брата Θеодора Полуектовича Нарышкина—Евдокіи Петровнѣ, урожденной Гамильтонъ. (См. книгу Н. В. Чарыкова: „Посольство въ Римъ и служба въ Москвѣ Павла Менезія", стр. 2—3; также статью А. Васильчикова: „Родъ Нарышкиныхъ" въ журн, „Русскій Архивъ" за 1871 г., № 1).

семья Нарышкиныхъ вывецена была изъ Смоленска и доставлена въ русскій лагерь. Тогда-то царь и увидалъ впервые живую, черноглазую дочь Кирилла Полуектовича, которой суждено было впослѣдствіи сдѣлаться его женой. [1])

Такъ говоритъ преданіе. Но возможно, что дѣло обстояло и нѣсколько иначе. Нарышкины были просто выселены изъ крѣпости въ форштадты наравнѣ со всѣми другими русскими, особенно членами Борисоглѣбскаго православнаго братства, въ лояйльности которыхъ польскіе военачальники имѣли основаніе сомнѣваться. Очень возможно также, что благодаря этой Борисоглѣбской общинѣ царю Алексѣю Михайловичу и удалось сравнительно легко и быстро овладѣть Смоленскою твердыней.

На Смоленское происхожденіе К. П. Нарышкина и его бѣдность указываетъ еще извѣстное заявленіе царевнѣ Софьѣ преданнаго ей дьяка Шакловитаго, который предлагая убить царицу Наталью, между прочимъ, сказалъ: „Извѣстно тебѣ, государыня, каковъ ея родъ и какъ *въ Смоленскѣ въ лаптяхъ ходила*". [2]) Одно польское извѣстіе прямо называетъ Наталью Кирилловну дочерью Смоленскаго капитана, и въ запискѣ о Московіи, составленной о. Вотою для кардинала Алтіери, вторая супруга царя Алексѣя названа „дѣвицею изъ Смоленска" (Una donzella di Smolensko). [3]) Н. В. Чарыковъ приводитъ въ своей интересной книгѣ челобитную К. П. Нарышкина къ царю объ уплатѣ ему жалованья за полковую службу, извлеченную изъ Московскаго Главнаго Архива иностранныхъ дѣлъ. Изъ этой челобитной видно, что еще въ сентябрѣ 1670 года Нарышкинъ занималъ заурядное служебное положеніе, не отличавшееся ни чѣмъ отъ положенія прочихъ стрѣлецкихъ офицеровъ Смо-

[1]) И. И. Орловскій: „Смоленскъ въ исторіи дома Романовыхъ", стр. 49.

[2]) „Исторія Россіи" С. М. Соловьева, III, 1080.

[3]) Чарыковъ, Н. В.: „Посольство въ Римъ и служба въ Москвѣ Павла Менезія", стр. 519—520. (Записка о. Воты о Московіи и о царской семьѣ напечатана Тургеневымъ въ „Актахъ истор.", ч. II и III).

ленскаго гарнизона, и, нуждаясь въ деньгахъ, долженъ былъ въ началѣ каждаго года (съ сентября) напоминать о себѣ начальству, прося объ уплатѣ причитавшагося ему жалованья въ 45 рублей въ годъ! [1])

Во время службы въ Смоленскѣ К. П. Нарышкину пришлось познакомиться и сблизиться съ извѣстнымъ въ русской исторіи XVII в. Павломъ Менезіемъ, служившимъ тогда, въ числѣ другихъ иностранцевъ, въ пѣхотномъ полку Кроуфорда, а впослѣдствіи исполнявшимъ разныя дипломатическія порученія московскаго правительства. Этотъ Павелъ Менезій, выходецъ изъ Шотландіи, нашелъ среди членовъ фамиліи Нарышкиныхъ свою соотечественницу въ лицѣ жены родного дяди Натальи Кирилловны, Ѳедора Полуектовича, женатаго на Евдокіи Петровнѣ Гамильтонъ, шотландкѣ по происхожденію, и благодаря этому обстоятельству встрѣтилъ тамъ самый радушный пріемъ, тѣмъ болѣе, что и самъ онъ былъ связанъ еще на родинѣ узами родства съ шотландской фамиліей Гамильтоновъ. [2])

Кромѣ обоюдныхъ родственныхъ связей, сближенію и дружбѣ Менезія съ Нарышкиными способствовали также отсутствіе въ этой, несомнѣнно, достаточно культурной семьѣ предубѣжденія противъ иностранцевъ и та „нервная живость и бойкость ума", которыя, по выраженію проф. Ключевскаго, были ея „фамильными, наслѣдственными чертами". [3])

Знакомство и дружба семьи Нарышкиныхъ съ Павломъ Менезіемъ, знавшимъ чуть не всѣ европейскіе языки и вообще человѣкомъ весьма образованнымъ, не могли, конечно, не отразиться на воспитаніи юной Натальи Кирилловны и не повліять на выработку въ ея характерѣ тѣхъ западническихъ вкусовъ и симпатій, которыя она столь рѣзко проявила

[1]) Ibidem, стр. 85—87 (прил. № 9).

[2]) Ibid., стр. 8 и прим. 40.

[3]) Новая русская исторія. Лекціи В. О. Ключевскаго. М. 1898 г., ч. I' стр. 287.

при дворѣ Алексѣя Михайловича, сдѣлавшись его женой. Извѣстно, что благодаря вліянію этой „дочери смоленскаго полковника“ и ея друзей у царя завелась небывалая до тѣхъ поръ потѣха—устроенъ былъ театръ, гдѣ лицедѣи подъ управленіемъ нѣмца Іогана Готфрида Грегорю изображали исторію Эсѳири и Амана, Юдифи и др, Высшее московское общество стало примѣняться къ западно-европейскимъ вѣяніямъ, стараясь подражать новымъ вкусамъ и нравамъ двора, и русскій языкъ, по словамъ историка Соловьева, запестрѣлъ въ это время полонизмами, литература и школа приняли польскій, или точнѣе, западно-русскій оттѣнокъ. Не даромъ же Павелъ Менезій до самой своей смерти пользовался неизмѣннымъ расположеніемъ царя и царицы и даже былъ вхожъ въ дѣтскую юнаго Петра. Современные историки, какъ проф. Е. А. Шмурло, Н. В. Чарыковъ и др., считаютъ его даже первымъ гувернеромъ царевича, поселившимъ въ немъ любовь къ воинскому дѣлу.

Стремленіе къ общенію съ Западомъ, красною нитью проходящее черезъ всю исторію Смоленской земли, съ XVI в., передается, какъ мы видѣли, и сосѣднему съ нею Московскому государству. Со второй же половины XVII в., послѣ окончательнаго присоединенія Смоленска къ Москвѣ и женитьбы московскаго царя на смоленской дворянкѣ, оно переходитъ уже въ настоящее увлеченіе Западомъ и его культурой. Появляются такіе рьяные западники, какъ напримѣръ, Ѳ. М. Ртищевъ, А. С. Матвѣевъ и особенно А. Л. Ордынъ-Нащокинъ. Послѣдній наиболѣе трудовые годы своей жизни провелъ въ Смоленской землѣ (при заключеніи Андрусовскаго перемирія) и, какъ усердный собиратель иностранныхъ книгъ, вывозилъ ихъ оттуда пудами. Такъ въ началѣ ноября 1669 г. изъ Смоленской „приказной избы“ ему доставлено было „82 книги латинскихъ костельныхъ, которыя бывали у ксендзовъ и у езовитовъ“; черезъ мѣсяцъ онъ получилъ 128 польскихъ и латинскихъ, отобранныхъ у

смоленской шляхтянки—вдовы Рачинской, и, наконецъ, въ 1672 году взялъ еще нѣсколько книгъ и рукописей у соборнаго протодьякона [1]).

Это увлеченіе царя Алексѣя Михайловича и его сотрудниковъ—бояръ западною культурою съ еще большею силою сказалось на его ближайшихъ преемникахъ—сыновьяхъ. Уже старшій его сынъ отъ перваго брака, царь Ѳеодоръ Алексѣевичъ, обнаружилъ свою симпатію къ людямъ, воспитаннымъ на западно-европейскій ладъ, тѣмъ, что въ 1680 году женился, подобно отцу, на дочери небогатаго и незнатнаго смоленскаго штяхтича Агафьѣ Семеновнѣ Грушецкой. По разсказу одного современника, „подъ ея вліяніемъ начали въ Москвѣ волосы стричь, бороды брить, сабли и кунтуши польскіе носить, школы польскія и латинскія закладывать“... [2]) По ея же ходатайству, царь разрѣшилъ выстроить въ Смоленскѣ польскій костелъ и при немъ училище, благодаря чему ослабѣвшая было тамъ католическая пропаганда вновь получила благопріятную почву. [3]) Къ смоленской шляхтѣ, все еще съ сочувствіемъ относившейся къ католицизму и до этого тайкомъ принимавшей у себя католическихъ духовныхъ лицъ, теперь совершенно открыто стали являться іезуиты и заниматься попрежнему обученіемъ дѣтей и отвлеченіемъ ихъ отъ православной церкви. Когда, въ 80-ыхъ годахъ XVII в., въ Смоленскѣ появился „философіи и ѳеологіи профессоръ“ Янъ Бѣлободскій, большой скептикъ въ дѣлахъ вѣры и сторонникъ протестантизма, и не безъ успѣха повелъ свою пропаганду, іезуиты назначили туда даже нарочнаго человѣка „оглашать, что Бѣлободской —кацермистръ (ересеучитель), и чтобъ ему въ наученіе

---

[1]) Бѣлокуровъ, С. А.: „О библіотекѣ московскихъ государей въ XVI столѣтіи“. М. 1899 г., стр. 35—36.

[2]) „Исторія Россіи“ Соловьева, III, 881—882.

[3]) Шляпкинъ: „Св. Димитрій Ростовскій“, стр. 57—58.

дѣтей своихъ не отдавали, его прелести хранилися и прельщенію его лестному не вѣрили". [1])

Борьба съ подобными противниками требовала и отъ православнаго духовенства не малыхъ усилій и средствъ и особенно затруднительна была тѣмъ, что дѣло имѣть приходилось съ людьми очень образованными и ловкими, а главное тѣмъ, что пропаганда находила подходящую почву въ семейныхъ домахъ смоленской шляхты, и безъ того уже ополяченной. Отдѣльными распоряженіями и мѣропріятіями многаго достигнуть тутъ было нельзя: необходимо было систематическое и постоянное противодѣйствіе, для чего лучшимъ средствомъ являлось заведеніе православныхъ училищъ. Хотя точныхъ данныхъ о времени возникновенія ихъ, какъ уже сказано раньше, до насъ не дошло, но самый фактъ проживанія въ Смоленскѣ такихъ лицъ, какъ составитель „грамматики пѣнія мусикійскаго" (учебника) Николай Дилецкій и учитель Виленской братской школы Филиппъ Ивановичъ, даетъ намъ полное основаніе предполагать, что уже при митрополитѣ Симеонѣ Милюковѣ, т. е. въ послѣднюю четверть XVII в., подобныя школы существовали, и одна изъ нихъ должна была находиться при архіерейскомъ Троицкомъ монастырѣ (училищномъ кляшторѣ въ польскую эпоху).

Мѣры для развитія просвѣщенія въ Смоленскѣ должны были приниматься и при преемникахъ Симеона Милюкова,—митрополитахъ: Сильвестрѣ Черницкомъ (1699—1706) и Сильвестрѣ Крайскомъ (1707—1712). Оба они были люди по тому времени, несомнѣнно, весьма образованные. Первый былъ родомъ изъ Полоцка и прибылъ въ Москву, вѣроятно, съ землякомъ своимъ—Симеономъ Ситяновичемъ Петровскимъ (Полоцкимъ), литературнымъ дѣятелемъ того времени и воспитателемъ царя Ѳеодора Алексѣевича; подобно Симеону

---

[1]) Чтенія въ общ. ист. и древн. Россійск. за 1896 г., кн. 3, отд. IV стр. 198—201.

Полоцкому, онъ очень близко стоялъ къ царскому семейству, на что указываетъ его предшествующее положеніе какъ архимандрита Саввино-Сторожевскаго Звенигородскаго монастыря, который пользовался особеннымъ благоволеніемъ Алексѣя Михайловича. [1]) Второй по происхожденію, галичанинъ изъ г. Львова, воспитывался сначала въ Кіево-Могилянской коллегіи, а затѣмъ путешествовалъ по разнымъ странамъ Европы, посѣтилъ тамошнія учебныя заведенія и, наконецъ, выслушалъ полный курсъ философіи и богословія въ знаменитѣйшей въ то время Римской академіи. [2]) Обогащенный такими познаніями, онъ вернулся на родину, постригся въ монахи и нѣкоторое время завималъ должность учителя въ воспитавшей его Кіевской коллегіи. Отсюда онъ вызванъ былъ въ Москву въ 1701 году именно при преобразованіи Московскаго эллино-греческаго училища въ академію „по образцу академіи Кіевской", съ заведеніемъ въ ней „латинскихъ ученій", а съ 1704 г. назначенъ былъ ректоромъ преобразованнаго училища и вмѣстѣ съ тѣмъ архимандритомъ училищнаго Заиконоспасскаго монастыря. [3])

Какъ человѣкъ прекрасно образованный, Сильвестръ Крайскій, вступивъ въ управленіе Смоленскою епархіей, не могъ не сочувствовать подъему образованія среди подвластнаго ему духовенства. Съ другой стороны, онъ отлично видѣлъ,

---

[1]) Свѣдѣнія объ этомъ монастырѣ см. въ „Исторіи Росс. іерарх.", т. II, стр. 548—566, а также LVII.

[2]) „Странникъ" за 1879 г., т. III, стр. 246.

[3]) Смирновъ: „Исторія Московской славяно-греко-латинской академіи", М. 1855 г., стр. 80—82, а также 193. Сильвестру Крайскому приписывается переводъ съ итальянскаго языка въ 1709 году сочиненія Герарда Меркатора, европейскаго географа конца XVI в., подъ заглавіемъ: „Епитомія Космографичная или нетрудный входъ до Астрономіи Географичной и Идрографіи, устроена дпя удобнаго уразумѣнія глобовъ, плянисферовъ, астролябіовъ и картъ географичныхъ". Рукопись эта находится въ книгохранилищѣ графа Ѳ. А. Толстого и найдена въ бибпіотекѣ Архангельской духовной семинаріи, а Сильвестръ до вступленія своего въ управленіе Смоленской епархіей былъ епископомъ Архангельскимъ и Холмогорскимъ.

что, при постоянныхъ ухищреніяхъ іезуитовъ и уніатовъ и непрерывномъ взаимообщеніи православнаго и католическаго населенія епархіи, только образованные священники могутъ стоять на высотѣ своего призванія, успѣшно противодѣйствовать иновѣрческой пропагандѣ и привлекать къ православію невѣрующихъ и заблуждающихся. Смоленская епархія жаждала образованія, образованія возможно широкаго и всесторонняго. Этого же требовалъ очень рѣшительно и настойчиво и царь Петръ въ своихъ указахъ 1708 и 1711 г. г. Въ первомъ изъ нихъ было предписано „поповымъ и дьяковымъ дѣтямъ учиться въ школахъ греческихъ и латинскихъ; а которые въ тѣхъ школахъ учиться не хотятъ, и ихъ въ попы и во дьяконы на отцовы мѣста не посвящать, и въ подъячіе и въ иные ни въ какіе чины, кромѣ служилаго чина (т. е. военнаго), принимать не велѣно". Черезъ 3 года указъ этотъ былъ подтвержденъ и, кромѣ священнослужительскихъ дѣтей, распространенъ еще на дѣтей церковнослужителей, церковныхъ сторожей и просвирней. Вмѣстѣ съ тѣмъ епархіальнымъ архіереямъ внушалось быть при испытаніяхъ ставленниковъ „опасными и жестокими", подъ опасеніемъ гнѣва государева и даже лишенія каѳедры. [1])

При такихъ условіяхъ митрополитъ Сильвестръ Крайскій естественно долженъ былъ приложить всевозможное стараніе къ устройству у себя такой школы, изъ которой могли бы выходить достойные кандидаты священства, вполнѣ подготовленные къ противодѣйствію католической пропагандѣ. [2]) Точнѣе говоря, онъ долженъ былъ усовершенствовать архіерейскую школу, учрежденную, какъ мы видѣли, еще при Симеонѣ Милюковѣ, усовершенствовать въ томъ

---

[1]) *Знаменскій*: „Духовныя школы въ Россіи"; стр. 18—19; также Пол. Собр. Зак, IV, №№ 2186 и 2308.

[2]) *Червинскій*: „Смоленскіе митрополиты, ихъ жизнь и дѣятельность", стр. 43; тоже *Лавровскій*: „Очеркъ изъ исторіи Смоленской духовной семинаріи въ эпоху ея первоначальнаго возникновенія", стр. 25—26.

же родѣ, какъ онъ это сдѣлалъ съ Заиконоспасскимъ училищемъ въ Москвѣ. Къ сожалѣнію, до насъ не дошло, вслѣдствіе пожара архіерейскаго дома въ 1723 году, ни одного документа, бросающаго свѣтъ на жизнь архіерейской школы въ концѣ XVII и началѣ XVIII в.в., и пока, впредь до открытія какихъ-либо оффиціальныхъ данныхъ о ней, мы не можемъ выйти изъ области предположеній или соображеній съ большею или меньшею долею вѣроятности.

Оффиціальныя данныя о Смоленской архіерейской школѣ относятся лишь ко времени непосредственнаго преемника Сильвестра Крайскаго по каѳедрѣ, митрополита Дороѳея Короткевича, (1712—1718) какъ это явствуетъ изъ одного документа, находящагося въ архивѣ Смоленской консисторіи. Тамъ говорится, что въ 1785 году на требованіе св. Синода доставить свѣдѣнія, когда и кѣмъ заведены училища въ Смоленскѣ, было отвѣчено: „по приватнымъ запискамъ въ Смоленской семинарской библіотекѣ отыскано, что семинарія здѣсь до риторики заведена была во время Дороѳея, митрополита Смоленскаго и Дорогобужскаго, при архіерейскомъ домѣ, но въ которомъ именно году—неизвѣстно". [1]) Но едва ли этому показанію „приватныхъ семинарскихъ записокъ" можно придавать значеніе непреложнаго документа: оно голословно и не заключаетъ въ себѣ даже обозначенія года открытія архіерейской школы. Дѣло вѣроятно, было такъ: школа основана и устроена была трудами Сильвестра Крайскаго и его предшественниковъ, а митрополитъ Дороѳей Короткевичъ позаботился о дальнѣйшемъ ея развитіи. Какъ кіевлянинъ и воспитанникъ Кіевской академіи, гдѣ, по окончаніи курса, проходилъ и должность учителя, онъ преобразовалъ ее по образцу процвѣтавшихъ въ то время кіевскихъ школъ, расширилъ программу, „ученіями латинскими" и для преподаванія этихъ послѣднихъ въ

[1]) „Истор.-статистич. описаніе Смоленской епархіи" Трофимовскаго, стр. 180,—Также дѣло конс. архива 1785 г., п. 20.

1714 или 1715 году вызвалъ изъ Кіева ученаго инока Іоасафа Маевскаго, ученика знаменитаго Ѳеофана Прокоповича. Этотъ Маевскій учительствовалъ въ Смоленскѣ до самой смерти митрополита Дороѳея, и въ его рукахъ архіерейская школа сдѣлала значительные успѣхи: кромѣ грамматики славянской, стали изучать и латинскій языкъ, а затѣмъ пройдены были всѣ науки до риторики. Однако со смертью Дороѳея учитель Іоасафъ Маевскій оставилъ Смоленскъ и ушелъ за польскую границу, еще до пріѣзда преемника митрополита—Сильвестра Холмскаго, человѣка недальняго образованія и извѣстнаго своимъ нерасположеніемъ къ малороссамъ. Правда, послѣнійд черезъ нѣсколько времени пригласилъ его опять пріѣхать въ Смоленскъ для „казанія предики“ (т. е. для проповѣдничества), но въ школу не опредѣлилъ и держалъ его при себѣ простымъ крестовымъ монахомъ. [1])

Отъ такого невниманія новаго архіерея школа замѣтно начала падать и чуть было совсѣмъ не разстроилась. Къ счастью для нея, Сильвестръ Холмскій пробылъ на Смоленской каѳедрѣ всего одинъ годъ, и его смѣнилъ въ 1720 году Варлаамъ Коховскій, обучившійся въ кіевскихъ школахъ и проникнутый лучшими взглядами на образованіе. При немъ архіерейская школа если и не достигла своего прежняго положенія, какое имѣла при Дороѳеѣ Короткевичѣ, то и не закрылась совсѣмъ, чего можно было бы ожидать при Сильвестрѣ Холмскомъ. Но и просвѣщенный Варлаамъ Коховскій не долго управлялъ Смоленскою епархіей. Въ 1721 году, т. е. черезъ годъ по вступленіи на эту каѳедру онъ умеръ, а его мѣсто занялъ грекъ Филоѳей, не знавшій ни русскаго языка, ни обычаевъ страны и не отличавшійся высокими нравственными качествами. [2]) Шестилѣтнее пребыва-

---

[1]) Чистовичъ: „Ѳеофанъ Прокоповичъ и его время“, стр. 462—464; Знаменскій: „Духовныя школы въ Россіи“, стр. 41

[2]) Лавровскій: „Очеркъ изъ исторіи Смол, семинаріи, стр. 20—21.

ніе архіепископа Филоѳея на Смоленской каѳедрѣ (1722—1727) ознаменовалось такими безпорядками и разстройствомъ дѣлъ въ епархіи, что въ концѣ самъ Св. Синодъ обратилъ на него вниманіе и удалилъ изъ Смоленска. Архіерейская школа влачила при немъ крайне жалкое существованіе: въ ней не было даже скромнаго грамматичеекаго ученія, и все дѣло ограничивалось чуть не букваремъ. Судя по донесенію въ Синодъ самого Филоѳея, къ началу 1728 года въ Смоленской архіерейской школѣ значилось „учащихся дѣтей церковническихъ и архіерейскихъ служителей всего 35 человѣкъ, изъ которыхъ 1 произведенъ въ священники, 4 въ пѣвчіе, 5 въ церковники, затѣмъ 25 обрѣтались въ домахъ своихъ, а въ наличности учащихся состояло 12 человѣкъ„; обучали же въ ней „букварю, часовнику, псалтырю, ирмолою, партесному пѣнію и письму". [1])

Филоѳея замѣнилъ на продолжительное время (1728—1761) епископъ Гедеонъ Вишневскій, бывшій до того архимандритомъ Заиконоспаскаго монастыря и ректоромъ Московской славяно-греко-латинской академіи. Это былъ одинъ изъ просвѣщеннѣйшихъ и энергичнѣйшихъ дѣятелей своего времени. Получивъ первоначальное образованіе въ Кіевской академіи (до философскаго класса) и завершивъ его за границею со степенью доктора философіи, по возвращеніи въ Кіевъ, онъ первое время состоялъ преподавателемъ въ родной академіи, а въ 1714 году вызванъ былъ для преподаванія философіи и богословія въ Московскую, во главѣ которой сталъ съ 1722 г. [2]) Ему принадлежитъ честь окончательнаго утвержденія Смоленской архіерейской школы, ко-

---

[1]) „Описаніе докум. и дѣлъ, хранящихся въ арх. Св. Правит. Синода" т. VII, СПБ. 1891 г., стр. 178—180, № 183/216. См. также монографію П. Пекарскаго: „Наука и литература въ Россіи при Петрѣ Великомъ", т. I, стр. 118.

[2]) Сперанскій, И.: „Очеркъ исторіи Смоленской духовной семинаріи и подвѣдомыхъ ей училищъ", Смоленскъ, 1892 г., стр. 5.

торую онъ преобразовалъ въ духовную семинарію или, какъ тогда говорили, въ коллегіумъ,—старѣйшее изъ всѣхъ учебныхъ заведеній, существующихъ нынѣ въ Смоленскѣ.

Исторія возникновенія Смоленской семинаріи (collegium Wisnovianum) вкратцѣ слѣдующая.

Еще до вступленія епископа Гедеона на Смоленскую каѳедру состоялся именной указъ императора Петра II (отъ 15 марта 1728 г.) объ учрежденіи въ Смоленскѣ епархіальной школы и о запрещеніи Смоленской шляхтѣ посылать дѣтей своихъ за польскій рубежъ и держать у себя католическихъ духовныхъ особъ [1]). Прибывъ въ Смоленскъ и быстро ознакомившись съ положеніемъ дѣлъ въ своей епархіи, Гедеонъ послалъ въ Св. Синодъ подробное донесеніе и просилъ указаній, какія предпринять ему мѣры къ прекращенію католической пропаганды. На это донесеніе изъ Верховнаго Тайнаго Совѣта былъ присланъ указъ, (отъ 9 августа 1728 г.) предписывавшій епископу принять самыя рѣшительныя мѣры противъ совращенія въ католичество Смоленской шляхты. Послѣдней запрещались всякія сношенія съ „римскими ксендзами, инспекторами" (учителями), выѣздъ за границу безъ паспорта и отдача дѣтей въ иностранныя коллегіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ указъ требовалъ: „школы въ Смоленскѣ завесть, и быть имъ въ городѣ при монастырѣ, и учителей брать изъ Кіевскихъ монастырей и изъ Московскихъ школъ, по указамъ изъ Синода; учениковъ учить латинскаго, французскаго и нѣмецкаго языковъ, а которые похотятъ быть въ священникахъ, тѣхъ и греческаго языка; на содержаніе тѣхъ школъ давать изъ остаточныхъ денегъ по 500 рублей въ годъ".... [2]).

Получивъ этотъ указъ, дѣятельный епископъ немедленно приступилъ къ сооруженію школьныхъ зданій. Согласно указа, онъ совершенно отдѣлилъ новую школу отъ

[1]) Сборникъ Импер. Русск. Историч. Общества, т. 79, стр. 220.

[2]) Собраніе постановленій по вѣдом. прав. исповѣданія, т. VI. № 2169.

архіерейскаго дома и перенесъ ее въ Авраміевскій монастырь, внутри котораго, на монастырской землѣ, воздвигъ два каменныхъ двухъэтажныхъ корпуса — библіотечный и учительскій; кромѣ того, купилъ мѣсто для школы около монастыря и построилъ тамъ еще три каменныхъ же зданія—для классовъ и помѣщенія учениковъ [1]). Вмѣстѣ съ этимъ изъ Кіева, гдѣ самъ преосв. Гедеонъ воспитывался и затѣмъ былъ преподавателемъ, выписаны были 3 учителя: Павелъ Маковецкій, Владиміръ Любарскій и Ѳеодоръ Павловскій,—окончившіе полный академическій курсъ. Благодаря этому новое учебное заведеніе сразу стало на твердую и правильную дорогу, и въ ней уже въ началѣ 1729 г. „собралось *довольное число учениковъ разныхъ чиновъ*", какъ объ этомъ доносилъ Св. Синоду самъ Гедеонъ [2]). Очевидно, энергичный епископъ сумѣлъ скоро добиться, что и Смоленская шляхта, дотолѣ симпатизировавшая ученымъ и ловкимъ въ дѣлѣ воспитанія ксендзамъ и недовѣрчиво смотрѣвшая на православное духовенство, начала отдавать своихъ дѣтей въ его семинарію, которая своею расширенною программою болѣе удовлетворяла ея потребностямъ, чѣмъ прежняя архіерейская школа съ курсомъ элементарнымъ.

Вызванные изъ Кіева учителя вскорѣ, по ходатайству еп. Гедеона предъ Св. Синодомъ, были посвящены въ монашество. Сдѣлано это было для того, чтобы съ одной стороны удержать ихъ на мѣстѣ, а съ другой—соединить учительскую профессію съ обязанностями катихизатора и „предикатора" (проповѣдника), крайне важными въ то время въ Смоленской епархіи въ виду особеннаго положенія ея церковныхъ дѣлъ. А для катихизаціи и особенно для проповѣди эти лица, какъ получившіе высшее богословское образованіе, являлись болѣе правоспособными, чѣмъ кто-либо изъ тогдашняго Смоленскаго духовенства.

---

[1]) Историко-статис. описаніе Смол. епарх. стр. 181.

[2]) Полное собр. постановленій по вѣдомству правосл. исповѣданія, т. VI, № 2212.

Одновременно съ кіевскими богословами вызванъ былъ и изъ Московской академіи, гдѣ, какъ сказано, еп. Гедеонъ былъ ректоромъ, ученикъ богословскаго класса Алексѣй Бестужевъ [1]). Впослѣдствіи воспитанники академіи — Московской и особенно Кіевской неоднократно вызывались Гедеономъ для занятія учительскихъ должностей въ учрежденной имъ семинаріи [2]).

Первыя опредѣленныя извѣстія о числѣ учащихся въ Смоленской семинаріи относятся къ 1741 году, когда въ 7 ея отдѣленіяхъ и въ состоящей при ней русской школѣ показано 515 учениковъ, а въ 1747 году число ихъ увеличилось до 667 человѣкъ. Отдѣленія или школы семинаріи носили слѣдующія названія: 1) *аналогія* (или *фара*)—75 учениковъ; 2) *инфима*—39; 3) *грамматика*—25; 4) *синтаксима*—32; 5) *піитика*—14; 6) *риторика*—25 и 7) *философія*—11 учен. Богословское отдѣленіе открыто было не ранѣе 1745 года. Въ русской школѣ значилось 292 ученика. Всѣ эти отдѣленія назывались также и славяно-латинскими школами [3]).

Жизнь вновь учрежденной семинаріи была обстоятельно обсуждена и подробно регламентирована особою инструкціей, составленной самимъ епископомъ Гедеономъ на латинскомъ языкѣ подъ заглавіемъ «Regulae tum communes, tum particulares collegii Smolenscensis» [4]). Эта инструкція ясно свидѣтельствуетъ объ обширной учености и педагогиче-

---

[1]) Описаніе документовъ и дѣлъ, хранящихся въ архивѣ Св. Синода, т. VIII, № 606. — См. также „Исторію Московской славяно-греко-латинской академіи“ С. Смирнова, стр. 229.

[2]) *Лавровскій*: „Очеркъ изъ исторіи Смоленской духовной семинаріи въ эпоху ея первонач. возникновенія“, также *Аскоченскій, В.*: Кіевъ съ его академіей“ и *іером. Макарій* (Булгаковъ): „Исторія Кіевской духовной академіи“.

[3]) *Сперанскій*: Исторія Смол. семинаріи“, стр. 9—43.

[4]) Напеч. въ первый разъ въ „Смол. Епарх. Вѣд.“ за 1870—1871 г.г. по рукописи, принадлежавшей покойному любителю смоленскихъ древностей П. В. Васильеву. Содержаніе инструкціи изложено въ книгѣ И. П. Сперанскаго по исторіи Смол. семинаріи.

ской опытности ея автора, отлично ознакомившагося не только въ Кіевѣ и Москвѣ, но и за границей съ тогдашними школьными порядками, съ методами преподаванія наукъ, съ учебными руководствами, съ классическою литературою и т. п.

На содержаніе Смоленской семинаріи долгое время отпускалось по 500 руб. въ годъ. Только въ 1780 году, благодаря ходатайству преосв. Парѳенія Сопковскаго, преемника еп. Гедеона, передъ Екатериною II, посѣтившею тогда Смоленскъ, сумма эта была увеличена до 2000 руб. асс. ежегодно. При вторичномъ проѣздѣ императрицы черезъ Смоленскъ тотъ же епископъ испросилъ у нея прибавки къ этой суммѣ по 2500 руб. въ годъ, которая и была выдана въ 1787 году изъ собственнаго Ея Величества кабинета. Но затѣмъ выдача ассигнованныхъ денегъ прекратилась, и лишь послѣ усиленныхъ хлопотъ еп. Парѳенію удалось получить въ 1793 году недоданныя пособія сразу за всѣ годы—въ размѣрѣ 15.000 рублей. Эта сумма дала возможность основательно отремонтировать семинарскія зданія, увеличить число казеннокоштныхъ воспитанниковъ и усилить оклады жалованья преподавателямъ [1]). Общее число учащихся въ семинаріи, съ русской при ней школой, къ этому времени значительно возросло. Такъ въ 1787 году оно доходило до 629 человѣкъ, а въ подвѣдомственныхъ семинаріи школахъ уѣздныхъ городовъ простиралось до 356 учениковъ.

Эти уѣздныя духовныя училища были основаны также епископомъ Гедеономъ Вишневскимъ, носили названіе славяно-латинскихъ школъ и подчинялись семинаріи. Первоначально они открыты были только въ Бѣломъ, Дорогобужѣ, Рославлѣ и Торопцѣ [2]). Въ число учениковъ этихъ училищъ

---

1) Сперанскій: „Очеркъ исторіи Смоленской семинаріи и подвѣдомыхъ ей училищъ", стр. 74—80.

2) Торопецъ, уѣздный городъ Псковской губ., въ XVIII вѣкѣ входилъ въ составъ Смоленской епархіи.

принимались дѣти какъ духовенства, такъ и разныхъ другихъ сословій, за исключеніемъ дѣтей рядовыхъ солдатъ и крестьянъ, а предметами обученія были: элементарь, псалтирь, часословъ, букварь, чтеніе и письмо по-русски и отчасти по-латыни.

Бѣльская славяно-латинская школа была открыта въ 1733 году на средства мѣстнаго духовенства. Число учащихся въ ней, судя по сохранившимся вѣдомостямъ, въ 1745 г. равнялось 68, а въ 1747 г.—72 челов. Въ 1767 г. зданіе школы сгорѣло, но въ томъ же году было возобновлено. Школа эта подъ именемъ духовнаго училища существуетъ и понынѣ.

Въ 1733 же году, а по другимъ извѣстіямъ въ 1730, открылась и Дорогобужская школа, помѣщавшаяся въ самомъ центрѣ города, около Николаевской церкви, бывшей тогда соборною. Обучалось въ ней въ 1741 году 90, а въ 1745—94 челов., возрастомъ отъ 8 до 21 года. Въ 1763 г. зданіе училища было уничтожено пожаромъ. Ученіе, однако, продолжалось въ другомъ помѣщеніи, именно „въ крѣпостномъ монастырскомъ подворьѣ“ (какъ это видно изъ донесенія игумена Троицкаго Болдина монастыря Варлаама преосв. Парѳенію въ 1782 г.). Въ 1787 г. училище это было преобразовано, и при немъ, въ силу Высочайшаго указа отъ 15 ноября, открыта была *русская нормальная школа*. Въ такомъ видѣ оно существовало до нашествія французовъ въ 1812 году, было разорено ими дотла и болѣе не возобновлялось.

Годъ открытія Рославльской школы не извѣстенъ, но въ 1738 г. она существовала, и учащихся въ ней было 16 челов., возрастомъ отъ 7 и до 21 года, а въ 1741 г. ихъ было 30. Помѣщалась она въ небольшой до-нельзя ветхой избѣ, но въ 1756 г. выстроено было для нея новое зданіе вблизи Спасскаго монастыря. Учителю этого училища производилось жалованье съ церквей г. Рославля и 19 уѣздныхъ

церквей,—всего въ годъ 12 р. деньгами и 6 четвертей хлѣба ярового и ржаного.

Торопецкое училище открыто было въ 1746 г. въ силу духовнаго регламента и указа императрицы Анны Ивановны за счетъ торопецкихъ гражданъ и сельскихъ священно-церковно-служителей, при чемъ учащихся въ немъ въ томъ же году было 191 челов., въ возрастѣ отъ 7 до 25 лѣтъ. Въ 1787 г. оно было преобразовано, и на его содержаніе положено было отпускать отъ семинаріи 75 руб. въ годъ.

Въ г. Вязьмѣ, входившемъ въ первой половинѣ XVIII в. въ составъ Крутицкой епархіи, открытіе школы послѣдовало въ 1743 году (по распоряженію архіепископа Сарскаго и Подонскаго Платона). Но въ 1750 г. она была закрыта вслѣдствіе ссоры, возникшей между учителемъ, священникомъ и посадскими людьми. Вторично открыта она была въ 1761 г. и черезъ 6 лѣтъ, вслѣдствіе присоединенія г. Вязьмы къ Смоленской епархіи, подчинена семинаріи. Въ 1787 г. состоялось ея преобразованіе съ открытіемъ, въ силу Высочайшаго указа отъ 15 ноября, русской нормальной школы, а съ 1789 г. при ней учреждены были низшіе семинарскіе классы инфимы и грамматики. Послѣдняя мѣра примѣнена была къ Вяземской школѣ въ видахъ облегченія воспитанія дѣтей духовенства Вяземскаго, Сычевскаго, Гжатскаго и Юхновскаго уѣздовъ, причисленныхъ, при введеніи „учрежденія о губерніяхъ“, къ Смоленской епархіи. Число учащихся въ этой школѣ въ 1787 г. простиралось до 130 человѣкъ, а помѣщалась она при Свято-Предтеченскомъ монастырѣ. Вяземской школѣ присвоено было названіе *духовной семинаріи,* и преподавались въ ней тѣ же предметы, что и въ Смоленской семинаріи, до риторики включительно [1]).

Такимъ образомъ въ первой половинѣ XVIII вѣка народное просвѣщеніе въ Смоленской области обогатилось,

[1]) Сперанскій: „Очеркъ исторіи Смоленской семинаріи и подвѣдомыхъ ей училищъ“, стр. 45—60, а также 81—103.

помимо губернской духовной семинаріи, преобразованной изъ прежняго архіерейскаго училища, учрежденіемъ еще 5 уѣздныхъ „славяно-латинскихъ" или духовныхъ школъ. Хотя вновь учрежденнымъ школамъ, по словамъ историка ихъ И. П. Сперанскаго, приходилось бороться и съ матеріальными нуждами, и съ малоразвитостью воспитанниковъ, и съ недостаточнымъ сочувствіемъ къ дѣлу воспитанія родителей и, наконецъ, съ явнымъ недоброжелательствомъ къ нимъ невѣжественнаго населенія, всеже, при всѣхъ такихъ трудностяхъ, Смоленскія духовно-учебныя заведенія не только при самомъ же открытіи не прекратили своего существованія, подобно заведеніямъ нѣкоторыхъ другихъ епархій, но продолжали постепенно развиваться и мало-помалу подготовили себя и населеніе къ тѣмъ широкимъ преобразованіямъ въ дѣлѣ народнаго просвѣщенія, которыя начались въ царствованіе императрицы Екатерины II [1]). Нѣкоторые воспитанники этихъ школъ для продолженія образованія переходили въ Смоленскую семинарію, а оттуда шли иногда и въ столичныя высшія учебныя заведенія, какъ-то: въ С.-Петербургскую (Александро-Невскую) и Московскую (Заиконоспасскую) духовныя академіи, въ Московскій университетъ и въ С.-Петербургское Главное Народное Училище, или учительскую семинарію, преобразованную впослѣдствіи въ Педагогическій Институтъ [2]).

VIII.

На ряду съ духовными учебными заведеніями, хотя и носившими на первыхъ порахъ характеръ до нѣкоторой степени общесословный, но имѣвшими своею конечною

---

1) Ibidem, стр. 59—60.

2) Такъ изъ числа воспитанниковъ Бѣльской духовной школы вышелъ писатель конца XVIII и начала XIX вв. Андрей Павловичъ Версиловъ, переводчикъ произведеній А. Коцебу. Уроженецъ с. Головеньки Бѣльск. уѣзда, (род. въ 1772 г.), онъ, по окончаніи уѣздной школы, перешелъ въ Смоленскую семинарію, откуда отправленъ былъ въ С.-Петербургскую учительскую гимназію на казенный счетъ.

цѣлью подготовку образованныхъ священнослужителей, въ первой четверти XVIII в. возникаютъ и свѣтскія, главнымъ назначеніемъ которыхъ было воспитаніе лицъ, пригодныхъ къ службѣ военной и гражданской. Это такъ называемыя *цифирныя,* или иначе *ариѳметическія* школы, открывшіяся въ разныхъ губернскихъ и провинціальныхъ городахъ Россіи частью въ 1716, а частью въ 1720—22 годахъ [1]. Открыты онѣ были въ силу царскаго указа отъ 28 февраля 1714 г. для общаго образованія *всякаго чина дѣтей, опричь однодворцевъ, отъ 10 до 15 лѣтъ,* а цифирными названы потому, что въ составѣ ихъ элементарнаго курса на первомъ планѣ ставилось обученіе *цифири* (ариѳметикѣ) *и нѣкоторой части геометріи* (циркульнымъ пріемамъ, тригонометріи плоской, тангенсамъ).

Одновременное открытіе духовныхъ (архіерейскихъ) и свѣтскихъ (цифирныхъ) школъ было огромнымъ шагомъ впередъ и составило цѣлую эпоху въ развитіи русскаго просвѣщенія. И какъ первыя своими исходными пунктами имѣли Кіево-Могилянскую коллегію и Московскую славяно-греко-латинскую академію, такъ и началомъ вторыхъ является учрежденіе въ Москвѣ знаменитой „Навигацкой школы“.

Царь Петръ, какъ извѣстно, еще смолоду, благодаря своей близости къ культурнымъ иноземцамъ, бывшимъ на русской службѣ (какъ вышеупомянутый Павелъ Менезій, Лефортъ и др.), усердно занимался математикой, отчетливое знаніе которой представлялось ему необходимымъ на каждомъ шагу при его увлеченіи военно-инженернымъ дѣломъ, мореплаваніемъ и кораблестроеніемъ. Пристрастившись къ математикѣ, онъ хотѣлъ видѣть ту же страсть и въ окружающихъ. Но на родинѣ мало что можно было узнать. И вотъ онъ самъ ѣдетъ доучиваться за границу и посылаетъ туда же многихъ изъ своихъ сверстниковъ. Однако за границей

[1]) Всѣхъ школъ открыто было 41. Подробный перечень ихъ см. въ „Сборникѣ Импер. Русск. Историч. Общ.“, т. 56, стр. 320—321.

русскій человѣкъ оказывался слишкомъ неподготовленнымъ и не могъ, какъ слѣдуетъ, воспользоваться путешествіемъ. Приходилось „не то языкамъ учиться, не то наукамъ", какъ жаловался одинъ изъ такихъ невольныхъ туристовъ. Поэтому въ первую же свою поѣздку (въ 1698 г.) Петръ выслалъ изъ-за границы въ Москву для преподаванія математики и морскихъ наукъ учителя—англичанина Фарварсона. Въ 1701 году учреждена была при Сухаревой башнѣ „школа математическихъ и навигацкихъ наукъ", и Фарварсонъ занялся въ ней обученіемъ русской молодежи—„добровольно хотящихъ, иныхъ же паче и со принужденіемъ"—этимъ наукамъ [1]).

Черезъ два года въ „Вѣдомостяхъ" (первая русская газета, издав. въ Москвѣ) подъ 2 января 1703 г. было напечатано такое сообщеніе: „Повелѣніемъ Его Величества Московскія школы умножаются, и 45 человѣкъ слушаютъ философію и уже діалектику кончили. Въ математической штюрманской школѣ больше 300 человѣкъ учатся и добрѣ науку пріемлютъ". Въ письмѣ отъ 3 августа 1708 г. къ адмиралу Апраксину, въ вѣдѣніи котораго находилась новая школа, прося его всѣми силами стараться „о размноженіи математическаго ученія", царь заявлялъ: „понеже сами можете видѣть, какая въ томъ есть польза, что не точію морскому ходу нужна сія школа, но и артиллеріи и инженерству" [2]).

Изъ этихъ словъ Петра Великаго видно, что кончавшими курсъ въ навигацкой школѣ можно было пользоваться

[1]) Этотъ Фарварсонъ вмѣстѣ съ извѣстнымъ Магницкимъ, авторомъ первой русской ариѳметики, по которой учился Ломоносовъ, были составителями различныхъ математическихъ руководствъ и пособій для учениковъ. Таковы напримѣръ, „Таблицы горизонтальныя, сѣверныя и южныя широты", „Эвклидовы элементы" и другія книги, ихъ „тщаніемъ приготовленныя". (Подробно объ этомъ см. въ сочиненіи Ѳ. Лясковскаго: „Матеріалы для исторіи инженернаго искусства въ Россіи").

[2]) Голиковъ: „Дѣянія Петра Великаго", изд. 2-е, т. III, стр. 333—334.

не только какъ узкими спеціалистами своего дѣла, но и какъ образованными людьми вообще. Они оказывались пригодными къ многообразнымъ потребностямъ государственной жизни: становились и моряками, и артиллеристами, и инженерами, и администраторами, и дипломатами и т. д. Ими же пришлось воспользоваться и какъ учителями цифирныхъ школъ.

Въ 1715 году московская „Навигацкая школа“ переведена была въ Петербургъ, гдѣ получила уже названіе „Морской академіи“. Къ этому же времени относятся и заботы царя о покрытіи Россіи цѣлою сѣтью низшихъ учебныхъ заведеній, о заведеніи провинціальныхъ архіерейскихъ и цифирныхъ школъ. И какъ учителямн первыхъ были, какъ мы сказали, воспитанники Кіевской и Московской духовныхъ академій, такъ для вторыхъ роль учительской семинаріи сыграла Морская академія. Безъ этихъ академій устройство провинціальныхъ училищъ было бы невозможно, ибо для нихъ не откуда было бы взять учителей. И вотъ въ одинъ годъ съ переселеніемъ въ Петербургъ навигацкой школы, 28 декабря 1715 года, царь распорядился разослать по губерніямъ по 2 ученика этой школы, прошедшихъ курсъ геометріи и географіи, „для науки молодыхъ ребятокъ изъ всякихъ чиновъ людей“. Въ силу этого распоряженія уже въ слѣдующемъ 1716 году открыто было одновременно 12 цифирныхъ школъ въ разныхъ городахъ Россіи, въ томъ числѣ и въ Смоленскѣ.

Указомъ 1714 года цифирныя школы велѣно было размѣщать при архіерейскихъ домахъ или въ „знатнѣйшихъ“, т. е. въ болѣе зажиточныхъ, монастыряхъ. Но такъ какъ въ Смоленскѣ, въ „знатнѣйшемъ“ въ то время Троицкомъ монастырѣ, гдѣ жилъ и архіепископъ, уже функціонировала архіерейская школа, то для цифирной отведено было помѣщеніе *на полковомъ дворѣ*, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ

одинъ архивный документъ, относящійся къ 1726 году [1]). Въ Смоленскѣ стояли тогда два „гварнизонныхъ“ полка, изъ коихъ одинъ былъ подъ командою Аршеневскаго. Полковой дворъ послѣдняго находился вблизи Ильинской церкви, противъ Блонья, занимавшаго встарину все пространство отъ крѣпостной стѣны между нынѣшними улицами: Благовѣщенской, Кирочной и Вознесенской. На этомъ дворѣ, вѣроятно, и устроилась въ Смоленскѣ цифирная школа [2]).

Учителями этой школы были назначены Яковъ Шухловъ и Никифоръ Денисьевъ, воспитанники той же навигацкой школы. Никакими служебными правами они не пользовались, и содержаніе имъ полагалось самое ограниченное: „по гривнѣ на день на человѣка изъ губернскихъ доходовъ, такожъ дрова, свѣчи, инструменты, безъ чего пробыть невозможно“. Брать вознагражденіе съ учениковъ имъ было воспрещено, но каждый ученикъ, по выучкѣ, обязывался заплатить учителю одинъ рубль за письменное свидѣтельство о своихъ успѣхахъ въ цифирномъ ученьи. Безъ этого свидѣтельства ученики не могли опредѣляться на службу и лишались права жениться.

---

[1]) Напечат. въ „Сборникѣ Импер. Русск. Истор. Общ.“, т. 56, стр. 320—321, въ приложеніи къ протоколу Верховнаго тайнаго совѣта № 159, подъ заглавіемъ: „*Вѣдение о состояніи учиненныхъ школъ въ губерніяхъ и провинціяхъ для ученія дьячьихъ и подъяческихъ, и церковниковыхъ и монастырскихъ слугъ дѣтей цыфири и геометріи*“.

[2]) Излагаемыя свѣдѣнія о топографіи полкового двора Аршеневскаго почерпнуты авторомъ изъ одного фамильнаго документа, принадпежащаго Г. М. Лесли и относящагося къ 16 марта 1719 г. Что—на этомъ именно дворѣ помѣстилась на первыхъ порахъ цифирная школа, можно заключить изъ того что онъ находился въ довольно важномъ мѣстѣ, около „Государева дома“ (дворца), гдѣ Петръ I останавливался обыкновенно во время своихъ частыхъ посѣщеній Смоленска и гдѣ, по преданію, жилъ нѣкоторое время царевичъ Алексѣй Петровичъ, исполняя разныя порученія отца (во время войны со шведами). Впослѣдствіи, по превращеніи цифирной шкопы въ гарнизонную, она находилась уже въ Казанской слободѣ, вблизи цейхгауза, у стѣны. (Справ. книжка Смол. губ. за 1898 г., стр. 28).

Хотя цифирныя школы и объявлены были сначала все сословными, и учиться въ нихъ не допускались лишь дѣти однодворцевъ, составлявшихъ тогда народное поголовное ополченіе, однако правительство вскорѣ удалило отъ цифирнаго обученія еще дворянъ, тоже нужныхъ ему для службы, а потомъ въ 1720 г. и дѣтей посадскихъ, чтобы вслѣдствіе держанія ихъ въ школѣ не было ущерба торгамъ и сбору таможенныхъ пошлинъ. Наконецъ указомъ 20 октября 1721 г. повелѣно было „дѣтей служащихъ поповъ и церковныхъ причетниковъ, годныхъ въ школы по Духовному Регламенту, учить въ архіерейскихъ школахъ, а въ ариѳметическія школы и къ прочимъ свѣтскимъ наукамъ ихъ не спрашивать“.

Благодаря этому цифирныя школы, очевидно, не пользовавшіяся сочувствіемъ тогдашняго общества, посѣщались мало и неохотно. И самому правительству, пошедшему было на уступки и удовлетворившему требованія дворянъ, горожанъ и духовенства, неоднократно приходилось понуждать родителей о посылкѣ въ школы своихъ дѣтей, „дабы, за невысылкою учениковъ, учителя безъ дѣла не были и даромъ жалованья не получали“. Но понужденія эти никакого практическаго результата не имѣли, и цифирныя школы пустѣли съ каждымъ годомъ. Въ 14 изъ нихъ скоро вовсе не стало учениковъ, они были закрыты, а въ уцѣлѣвшихъ 28 остались почти исключительно одни дѣти приказныхъ да солдатскіе.

Въ вышеупомянутомъ документѣ 1726 г. приведены довольно обстоятельныя статистическія данныя о состояніи 25 цифирныхъ школъ за первые 10 лѣтъ ихъ существованія (1716—1726). Изъ этой таблицы видно, что въ Смоленской школѣ за этотъ періодъ времени всѣхъ учениковъ „въ присылкѣ“ было 115, въ томъ числѣ:

а) приказнаго чина—14;

б) церковническихъ—20;

в) солдатскихъ, драгунскихъ, казачьихъ и пушкарскихъ—65;

г) посадскихъ—11;

д) „какихъ порознь не означено“—5.

Въ теченіе 10 лѣтъ изъ школы выбыло 82 ученика, а именно:

а) бѣжали, отпущены въ дома и не явились—13;

б) *выучено и отпущено*—31;

в) умерло—3;

г) „скорбныхъ и въ ученіе не годныхъ“—13;

д) въ канцелярію и въ солдаты взято—22.

Оставалось къ началу 1727 г. „въ ученьи на лицо разныхъ чиновъ“—33.

Какъ видно, за 10 лѣтъ существованія Смолен-ленской цифирной школы только около трети ея учениковъ могло благополучно закончить курсъ, остальные же или взяты были на службу до окончанія, или оказались вовсе неспособными къ цифирной наукѣ, или же, наконецъ, бросили ее самовольно.

Приблизительно то же было и со всѣми другими цифирными школами.

Въ чемъ же заключалась причина такого несочувственнаго отношенія къ новой, свѣтской школѣ со стороны общества начала XVIII в.?

Причинъ этихъ было достаточно. На первомъ планѣ стоялъ, конечно, низкій культурный уровень разныхъ общественныхъ классовъ, грубость нравовъ, глубокое невѣжество, доходившее, напримѣръ, до того, что даже въ Москвѣ на Сухареву башню, гдѣ пріютилась навигацкая школа, смотрѣли, какъ на очарованное жилище нечистой силы. Затѣмъ не малую роль играла тутъ привычка къ домашнему обученію дѣтей у церковниковъ-грамотеевъ, къ старомодному, традиціонному его способу, по которому все дѣло ограничивалось сначала ознакомленіемъ съ азбукою,

затѣмъ упражненіями въ чтеніи по часослову или псалтыри и, наконецъ, письмомъ [1]). Нельзя не упомянуть также о крайне суровомъ обхожденіи съ учениками, обращавшемся въ тѣ времена нерѣдко въ жестокую расправу. Такъ обучавшіеся въ Москвѣ у инженера Грана школьные ученики изъ пушкарскихъ дѣтей, въ числѣ 29, вынуждены были подать на своего учителя челобитную даже самому царю такого содержанія: „Въ прошломъ де 708 году извѣщали они на него, Грана, что онъ ихъ не училъ, а заставлялъ всякую свою домовую работу работать, за дѣтьми своими ѣздить въ денщикахъ, огороды копать, отчего они ученіе мало приняли, и онъ де, учитель, зляся на нихъ, покупалъ ремни, которые на кнуты навязываютъ и винныхъ пытаютъ, и, навязавъ изъ нихъ, билъ.... И достальные, убоясь того, къ нему въ школу съ генваря мѣсяца не ходятъ, чтобы имъ напрасно скорби не принять“.... [2]).

---

1) Въ предисловіи къ грамматикѣ Мелетія Смотрицкаго, переизданной въ въ 1721 г. Ѳедоромъ Поликарповымъ между прочимъ сказано: „Яко издревне россійскимъ дѣтоводцемъ и учитепемъ обычай бѣ и *есть* учити дѣти малыя въ началѣ *азбуцѣ*, потомъ *часословцу*, таже *писати*; по сихъ же нѣціи преподаютъ и чтеніе апостолъ. Возрастающихъ же препровождаютъ къ чтенію и священныя Библіи и бесѣдъ евангельскихъ и къ разсужденію высокаго въ оныхъ книгахъ лежащаго разумѣнія, и истаго на таковое разсужденіе орудія, еже есть грамматика, онымъ напредъ не показуютъ“. (См. Пекарскій: „Наука и литература въ Россіи при Петрѣ Великомъ“, I, 184).

2) Савельевъ, А: „Историч. очеркъ инженернаго управленія въ Россіи“ стр. 92. Авторъ этой книги, пользовавшійся военными архивами, приводитъ и нѣсколько другихъ примѣровъ тогдашнихъ педагогическихъ пріемовъ. Такъ, по его словамъ, надзирателю—дядькѣ (обыкновенно изъ отставныхъ солдатъ) вмѣнялось даже въ обязанность, въ случаѣ нарушенія тишины и порядка, „бить *хлыстомъ* каждаго провинившагося школьника (какой бы фамиліи онъ ни былъ), подъ страхомъ подвергнуться жестокому наказанію самому, если *поманитъ* (за потворство). За отлучку изъ школы, когда были взяты или сами являлись, школьниковъ наказывали при собраніи школы *батогами*. Даже въ Морской академіи учениковъ *смиряли шелопами*, *тюремнымъ арестомъ*, куда отправляли ихъ подъ карауломъ, или посылали *бить сваи*; гдѣ строились казенныя зданія.

Неуспѣхъ цифирныхъ школъ сильно озабочивалъ правительство, у котораго естественно возникалъ вопросъ: оставлять ли ихъ на казенномъ содержаніи, или для сокращенія издержекъ присоединить къ школамъ архіерейскимъ? Рѣшено было послѣднее, и въ октябрѣ 1726 г. уже при Екатеринѣ I, вышло распоряженіе объ общемъ сліяніи всѣхъ уцѣлѣвшихъ цифирныхъ школъ съ архіерейскими. Однако противъ такого сліянія возсталъ Св. Синодъ, относившійся очень неблагосклонно къ свѣтскимъ навигаторскимъ наукамъ. „Передавать ученикамъ одну ариѳметику и геометрію, безъ связи съ богословскимъ образованіемъ,—не духовное дѣло. Поэтому просимъ оставить цифирныя и геометрическія школы въ свѣтскомъ правленіи“,—такъ докладывалъ Синодъ въ 1727 г. Только благодаря этому отказу, петровская цифирная школа просуществовала до 1744 года. Впрочемъ, къ этому году оставалось всего лишь 8 школъ изъ 28, и почти всѣ онѣ, по указу Импер. Елизаветы, изданному въ этомъ году 26 октября, соединены были съ *гарнизонными*.

Начало гарнизоннымъ школамъ было положено указомъ Петра I отъ 13 сентября 1719 г., гдѣ, между прочимъ, сказано было: „велѣно всей Его Царскаго Величества полевой арміи и гарнизонныхъ полковъ и артиллерійскихъ, солдатскихъ и пушкарскихъ дѣтей—недорослей переписать и, сдѣлавъ имъ именные списки, прислать въ военную коллегію, а которые изъ нихъ въ возрастѣ и началу не учены—учить грамотѣ, читать и писать“. Въ дополненіе къ этому указу президентъ военной коллегіи А. Д. Меньшиковъ 31 мая 1721 г. распорядился: „во всѣхъ гварнизонахъ солдатскихъ, драгунскихъ и прочихъ служиваго чину людей дѣтей ихъ малолѣтнихъ учить грамотѣ, читать и писать, по ариѳметикѣ. А для ихъ содержанія въ ученьѣ и въ пищѣ такожъ и на дачу жалованья учителямъ держать въ каждомъ полку гварнизонномъ плацъ—вакансій солдатскихъ по 50 и въ то мѣсто приверстывать тѣхъ малолѣтнихъ въ солдаты, а

жалованье на нихъ денежное и хлѣбное брать... Командирамъ смотрѣть того, чтобъ расходъ былъ порядочный, а именно, чтобы на тѣхъ дѣтяхъ было платье, какого требуетъ самая нужда, а кормить могутъ ихъ отцы... А учителю давать за работу за всякаго человѣка, которыхъ обучитъ совершенно читать и писать и расчетъ ту дачу помѣсячно и давать по третямъ года... *А учить словесному только одну новопечатанную азбуку,* которую выуча могутъ не токмо часовникъ и псалтырь, но и протчія книги читать, *ариѳметикѣ учить* инженерамъ и кондукторамъ, гдѣ какіе есть, за ихъ жалованье, понеже въ гварнизонахъ не всегда случается имъ работа. А сколько всего тѣхъ дѣтей въ то ученіе будетъ употреблено, о томъ присылать въ Военную Коллегію вѣдомости... А которые учены свое во всемъ совершать, тѣхъ присылать въ Коллегію съ нарочнымъ офицеромъ" [1])...

Вслѣдствіе этого распоряженія въ Александро-Невскомъ монастырѣ закуплено было для полковъ 1000 азбукъ новопечатныхъ, которыя тотчасъ же разосланы по 18 экземпляровъ на полкъ. Черезъ два года (1723 г.) изъ Рижской губерніи и Выборгской провинціи, было донесено, что не только читать и писать, но и ариѳметикѣ обучено довольное число, и „нѣкоторые изъ нихъ дошли и до инженерной науки". Это побудило правительство усилить свои требованія и съ прочихъ губерній и провинцій, гдѣ расположены были гарнизонные полки (Высоч. указъ 11 іюня 1723 г.) [2]).

Итакъ гарнизонныя школы содержались на полковыя средства и учреждены были для обученія солдатскихъ дѣтей въ возрастѣ отъ 7 до 15 лѣтъ. Изъ этихъ кантонистовъ имѣлось въ виду набирать впослѣдствіи солдатъ, „дабы

---

[1]) Савельевъ: „Истор. очеркъ инжен. управленія", стр. 54—56.

[2]) Тогда въ Россіи по разнымъ городамъ числилось всего 52 полка и 4 батальона; изъ этого числа на долю Смоленска приходилось 2 „гварнизонныхъ" полка.

впредь польза государству и въ рекрутахъ облегченіе было". Открыты были гарнизонныя школы вначалѣ въ 15 пунктахъ, въ томъ числѣ и въ Смоленскѣ; но затѣмъ число это значительно увеличилось. Впрочемъ, Смоленская цифирная школа, помѣстившаяся съ самаго начала своего существованія, какъ мы видѣли, *на полковомъ дворѣ* и имѣвшая въ своемъ составѣ болѣе половины солдатскихъ дѣтей, мало чѣмъ отличалась отъ тогдашнихъ гарнизонныхъ школъ, а потому слитіе ея съ гарнизонною было совершенно естественнымъ явленіемъ. Не даромъ же она сохранила до конца XVIII в. названіе „цифирной для солдатскихъ дѣтей „Такъ, между прочимъ, именуетъ и А. П. Версиловъ, писатель конца XVIII и начала XIX вв., переводчикъ повѣстей Августа Коцебу, разсказывая въ своей автобіографіи о тѣхъ школахъ, которыя находились въ Смоленскѣ около 1782 года, когда онъ пріѣхалъ туда для полученія образованія [1]). Это и есть именно та *гарнизонная школа*, которая показана въ числѣ Смоленскихъ учебныхъ заведеній въ „Историческомъ и географическомъ описаніи города Смоленска, составленномъ по приказанію еп. Парѳенія іеромонахомъ Іосафомъ Шупинскимъ, по запискамъ отъ епископа выданнымъ, которое поднесено было Императрицѣ Екатеринѣ II въ 1780 году, въ первое ея посѣщеніе Смоленска [2]). Находилась она въ 1-й части города, въ Казанской Слободѣ, въ деревянномъ домѣ на каменномъ фундаментѣ, противъ строенія для храненія аммуниціи, вблизи цейхгауза (у городской стѣны).

Кромѣ грамотности, въ гарнизонныхъ школахъ учили солдатской экзерциціи, а также ариѳметикѣ, артиллеріи и „инженерству" (т. е. геометріи, тригонометріи, фортификаціи

---

[1]) См. брошюру: „Краткое извѣстіе о жизни Андрея Павловича Версилова, имъ самимъ написанное и собственною его рукою". СПБ., типогр. П. П. Сойкина, 1895 г.

[2]) Напечатано въ „Справочной книжкѣ Смоленской губерніи за 1898 г." покойнымъ С. П. Писаревымъ.

и архитектурѣ). Лучшіе и болѣе способные ученики, особенно изъ дворянскихъ „недорослей", опредѣлялись затѣмъ въ инженерныя и артиллерійскія школы, находившіяся тогда въ Москвѣ (съ 1700 г.), Петербургѣ (съ 1719 г.) и Кіевѣ (съ 1747 г.), или же въ Сухопутный Шляхетный корпусъ, открытый въ С.-Петербургѣ въ 1732 г. въ царствованіе Анны Ивановны. Въ 1755 году двое изъ недорослей служилой Смоленской шляхты, послѣ первоначальнаго образованія въ гарнизонной школѣ, отпущены были „для обученія наукъ въ Москву во учрежденный университетъ". То были первые студенты Московскаго университета изъ Смоленской губерніи, студенты перваго года самого университета—Василій и Григорій Коховскіе 16 и 15 лѣтъ [1]).

Гарнизонная или, какъ она называлась въ Смоленскѣ, „цифирная для солдатскихъ дѣтей", школа существовала подъ этимъ названіемъ до конца XVIII в. Лишь въ 1798 году она была переименована, вмѣстѣ съ другими гарнизонными школами, въ *военно-сиротскій домъ*, который въ 1724 г. поступилъ въ управленіе Главнаго Штаба военныхъ поселеній, а въ 1826 г. преобразованъ въ *батальонъ военныхъ кантонистовъ* [2]).

Таковы дошедшія до насъ данныя о Смоленской военной школѣ XVIII в., вылившейся изъ Петровской гражданской или цифирной и отчасти заимствовавшей ея программу. Какъ мы только что видѣли, и при этой элементарной программѣ она сослужила службу русскому просвѣщенію, выпустивъ изъ себя рядъ воспитанниковъ, которые въ состояніи были продолжать полученное въ ней образованіе въ разныхъ учебныхъ заведеніяхъ столицъ, даже въ университетѣ. Къ сказанному остается прибавить, что еще въ первые годы

---

[1]) См. статью М. М. Богословскаго: „Смоленское шляхетство въ XVIII вѣкѣ" (въ „Журналѣ М-ва Нар. Просвѣщенія" за 1905 г.).

[2]) См. статью Ф. Ф. Шперка: „Краткій историческій очеркъ народнаго образованія въ Смоленской губ.", напеч. въ Памятной книжкѣ Смол. губ. на 1899 годъ, стр. 42.

царствованія Екатерины II учителей математики нельзя было ни откуда достать, кромѣ гарнизонной школы. Вспомнимъ хотя бы комическую фигуру Цифиркина, одного изъ учителей недоросля Митрофанушки, этой, по выраженію послѣдняго, „гарнизонной крысы“, типъ выхваченный Фонвизинымъ (въ его безсмертной комедіи „Недоросль“) прямо изъ жизни.

Не всѣ, однако, Смоленскіе дворяне, хотя бы и служилые, составлявшіе особый конный полкъ или, какъ онъ офиціально назывался, „Полкъ Смоленской шляхты“, [1]) отдавали дѣтей своихъ въ правительственныя учебныя заведенія, каковыми въ Смоленскѣ были славяно-греко-латинскій коллегіумъ или духовная семинарія и цифирная или гарнизонная школа. Многіе (пожалуй, даже большинство) предпочитали учить ихъ „грамотѣ и прочей военной экзерциціи“ дома, нанимая для того на нѣсколько лѣтъ учителей изъ „мизерныхъ“, т. е. обѣднѣвшихъ шляхтичей. Знатные же и богатые, сами воспитавшіеся на польско-католическихъ началахъ, или посылали дѣтей „для обученія латинскаго языка„ за границу, въ школы „ксендзовъ-езувитовъ“, находившіяся при католическихъ монастыряхъ въ Витебскѣ, Оршѣ

[1]) Служить въ этомъ полку считалось особою привиллегіей смоленской шляхты, которая была „снабдѣна милостивѣйшими грамотами и учреждена въ службѣ по древнему обычаю, какъ здревле служили“. По своему составу полкъ Смоленской шляхты былъ чисто дворянскій: въ немъ всѣ, отъ командира до послѣдняго рядового, были дворяне, являвшіеся изъ своихъ мѣстностей подъ „бѣлое государево знамя“ полка обыкновенно „въ платьѣ польскаго манера“ и съ разнообразнымъ оружіемъ, „къ какому кто изобыкъ“. Полкъ дѣлился, по числу уѣздовъ, на семь ротъ съ очень неравнымъ количественнымъ составомъ, каждая подъ командою ротмистра, при которомъ состояли еще поручикъ и хорунжій. Рядовая шляхта каждой роты дѣлилась на 4 статьи „по природѣ“, т. е. по знатности фамилій. Во главѣ полка стоялъ въ XVII в. полковникъ, и въ XVIII—генералъ-майоръ, назначаемый Высочайшимъ указомъ изъ среды Смоленскаго же шляхетства. Ближайшимъ помощникомъ генерала былъ командиръ первой роты, носившій званіе „генеральнаго поручика“. Подъ его начальствомъ находилась полковая канцелярія, такъ называемая „Канцелярія генеральнаго правленія смоленской шляхты“. Изъ генеральныхъ поручиковъ обыкновенно и назначались въ командиры надъ шляхтой. (См. ст. М. М. Богословскаго: „Смоленское шляхетство въ XVIII вѣкѣ“, стр. 42—43).

и Мстиславлѣ, или же когда правительство стало строго воспрещать смоленской шляхтѣ всякія сношенія съ сосѣдними польскими областями, тайно держали въ качествѣ домашнихъ наставниковъ „римскихъ учителей, или инспекторовъ", несмотря на именной указъ императора Петра II (1728 г.), настойчиво требовавшій отъ дворянъ имѣть въ домахъ своихъ инспекторовъ только „изъ россійскихъ подданныхъ и вѣры греческаго исповѣданія".

Изъ дѣлъ консисторскаго архива видно, что, напримѣръ въ 1752 году въ Смоленскѣ было до 17 инспекторовъ римской вѣры, которые занимались въ домахъ зажиточныхъ шляхтичей обученіемъ дѣтей. Одинъ изъ такихъ инспекторовъ, графъ Егоръ Александровичъ фонъ-Ранцъ, завелъ даже „публичную школу", въ которой было до 12 учениковъ, обучавшихся на французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ. Конечно, школа эта вскорѣ должна была прекратить свое существованіе: она была закрыта по требованію епископа Гедеона, заявившаго Смоленской губернской канцеляріи, что „опасно и сомнительно есть, дабы маловозрастныя дѣти подъ единымъ ученіемъ и присмотромъ инорелигіознаго человѣка не навыкли каковаго противу вѣры благочестивыя восточныя греко-россійскаго исповѣданія противнаго наставленія" [1]).

IX.

Духовныя, или славяно-греко-латинскія, и свѣтскія или цифирныя и гарнизонныя, школы, учрежденныя въ Россіи при Петрѣ Великомъ и его ближайшихъ преемникахъ, не ставили своими задачами воспитанія и *общаго* образованія, а имѣли въ виду лишь техническую выучку для узко-профессіональныхъ цѣлей, выучку чему-нибудь непосредственно нужному для извѣстнаго опредѣленнаго рода занятій и, главнымъ образомъ, для пользы того или другого рода госу-

[1]) Сперанскій, И. П.: „Очеркъ исторіи Смоленской духовн. семинаріи", стр. 45—46.

дарственной службы. О воспитаніи, какъ о педагогическомъ воздѣйствіи на ученика, въ первой половинѣ XVIII в. еще не думали. Правда, ученика посылало въ школу правительство, но школьное ученье было для него скорѣе службой, за усердіе въ которой онъ получалъ жалованіе, а за нерадѣніе подвергался служебнымъ взысканіямъ, и его отвѣтственность въ сущности ничѣмъ не отличалась отъ отвѣтственности взрослаго человѣка. Проступокъ подводился подъ обыкновенное нарушеніе закона и наказывался, какъ преступленіе. Задачи воспитанія ограничивались установленіемъ внѣшней дисциплины. За „нѣты", т. е. манкировки, ученики штрафовались; за „продерзости" ихъ били батогами; за болѣе серьезные проступки наказывали на школьномъ дворѣ плетьми. Въ классѣ цифирной школы велѣно было присутствовать отставнымъ солдатамъ и имѣть въ рукѣ хлыстъ: „а буде кто изъ учениковъ станетъ безчинствовать, оныхъ бить, не смотря какой онъ фамиліи не былъ". Не входило въ число задачъ тогдашней школы и общее образованіе, какъ всестороннее развитіе ума. Заботились не столько объ умственномъ развитіи, сколько о пріобрѣтеніи техническихъ навыковъ, о воспріятіи непосредственно полезныхъ, спеціальныхъ знаній, пригодныхъ для той или иной отрасли государственной службы.

Поэтому школы первой половины XVIII в., открывшіяся вначалѣ не только для служилыхъ классовъ населенія— духовенства и дворянства, но и для низшихъ сословій— разночинцевъ, вскорѣ сдѣлались сословными и ремесленно-служебными. Въ духовной школѣ стали учиться дѣти преимущественно церковно-служителей, а въ свѣтской почти исключительно дворянскія. И если первая ставила своею задачею готовить молодыхъ людей „въ надежду священства", то вторая приготовляла ихъ главнымъ образомъ для службы въ арміи и флотѣ. Впрочемъ, воспитанники той и другой школы, до и по окончаніи ея, нерѣдко шли и въ граждан-

скую, „приказную" службу, для подготовки къ прохожденію которой особыхъ школъ не было.

Въ такомъ положеніи находилось школьное дѣло во всей провинціальной Россіи вплоть до восшествія на престолъ императрицы Екатерины II, когда началось новое преобразовательное движеніе и наступилъ новый періодъ въ исторіи русскаго народнаго просвѣщенія. Въ это царствованіе, можно сказать, впервые серьезно былъ выдвинутъ вопросъ объ общемъ и всесословномъ образованіи, какое необходимо для всякаго человѣка вообще, въ какомъ бы званіи и службѣ онъ ни былъ, и прежній утилитарный взглядъ на него смѣнился новыми, болѣе широкими, педагогическими воззрѣніями. Увлеченная просвѣтительными идеями философовъ и педагоговъ Запада, императрица поняла, что государственное благосостояніе ведется не на одномъ распространеніи въ обществѣ профессіональныхъ знаній, а на общемъ образованіи ума и сердца гражданъ, на народномъ развитіи и нравственности, и обратила особенное вниманіе на народное воспитаніе, „корень всему добру и злу" (по ея выраженію). Въ первую очередь она задалась цѣлью „произвести способомъ воспитанія, такъ сказать, новую породу отцовъ и матерей, которые бы дѣтямъ своимъ тѣ же прямыя и основательныя правила въ сердце вселить могли, какіе получили они сами". Для достиженія этой цѣли съ одной стороны рѣшено было подвергнуть коренному преобразованію старыя учебныя заведенія—духовныя и свѣтскія, а съ другой предположено во всѣхъ губерніяхъ Россійской Имперіи учредить новыя воспитательныя училища для обоего пола дѣтей", которыхъ принимать отнюдь не старше 6—7 лѣтъ, при чемъ „безвыходное пребываніе" ихъ тамъ должно продолжаться до 18—20-лѣтняго возраста, т. е. до окончанія и научнаго образованія. Послѣдовалъ цѣлый рядъ проектовъ учебной реформы, а равно и соотвѣтственныхъ мѣропріятій, которыя на первыхъ порахъ

носили, однако, болѣе или менѣе частный или случайный характеръ [1]).

Между послѣдними по отношенію къ провинціальной Россіи вообще и къ Смоленской губерніи въ частности имѣетъ нѣкоторое значеніе та часть „Уложенія объ учрежденіяхъ для управленія Всероссійской имперіи“, утвержденнаго имп. Екатериною II 7 ноября 1775 г., гдѣ говорится объ организаціи въ каждой губерніи приказовъ общественнаго призрѣнія, на которые возложено было, кромѣ завѣдыванія благотворительными учрежденіями, „попеченіе и надзираніе о установленіи и прочномъ основаніи народныхъ школъ“ (гл. XXV, п. 384). Этимъ приказамъ предписывалось заводить эмеритально-воспитательныя школы не только въ городахъ, но и въ многолюдныхъ селеніяхъ, „для всѣхъ тѣхъ, кои добровольно пожелаютъ обучаться въ оныхъ, въ чемъ однакоже не чинить никому принужденія, но отдать на волю родителей отдавать дѣтей въ школу, или оставлять ихъ дома“. Вмѣстѣ съ тѣмъ приказамъ поручалось наблюдать за исправнымъ содержаніемъ школъ и учителей, за школьной дисциплиной и гигіеной и установить за ученіе умѣренную плату, освобождая отъ нея бѣдныхъ и вовсе. Курсъ школы на первыхъ порахъ положенъ былъ слѣдующій: чтеніе, письмо, ариѳметика, рисованіе, „дѣтей же греко-россійскаго исповѣданія учить катехизису, для познанія основаній православной вѣры, истолкованію 10 заповѣдей Божіихъ, ради вкорененія христіанскаго нравоученія всеобщаго“. Продолжительность ежедневнаго ученія опредѣлялась четырехчасовая: 2 часа до и 2 послѣ обѣда, кромѣ воскресныхъ и праздничныхъ дней, по средамъ же и субботамъ назначены были только до-обѣденные уроки [2]).

[1]) „Вѣстникъ Европы“ 1907 г., № 7., стр. 11—32.

[2]) Гр. Д. А. Толстой: „Городскія училища въ царствованіе имп. Екатерины II“, С.П.Б. 1886 г., стр. 2—3.

Дошедшія до насъ отрывочныя извѣстія показываютъ, что въ Смоленской губерніи такія начальныя школы учреждены были 25 апрѣля 1779 года и, повидимому, только въ въ городахъ: Смоленскѣ, Вязьмѣ, Рославлѣ и Бѣломъ, въ составѣ учащихся имѣли исключительно купеческихъ и мѣщанскихъ дѣтей и назывались „градскими". Смоленская градская школа, по свидѣтельству современника, находилась въ заднѣпровской части города, и въ 1780 г. въ ней числилось всего 48 учениковъ, всѣ купеческаго и мѣщанскаго званія [1]). Еще менѣе учащихся было въ уѣздныхъ школахъ. Такъ въ Рославльскую градскую школу, при ея открытіи, поступило лишь 17 мальчиковъ отъ 7 до 12 лѣтъ [2]).

Что это были за школы и какъ онѣ начали функціонировать, показываетъ слѣдующее извѣстіе, относящееся къ открытію и первому году существованія Вяземской школы.

Въ январѣ 1779 г. Смоленскій приказъ общественнаго призрѣнія просилъ тогдашняго епископа Пареенія какъ въ губернскомъ, такъ и по уѣзднымъ городамъ опредѣлить для обученія купеческихъ и мѣщанскихъ сиротъ изъ ученыхъ и достойныхъ церковно-служителей *по одному* человѣку, обѣщая выдавать имъ за труды по числу учениковъ „пристойное" вознагражденіе. Вслѣдствіе этого ходатайства въ Вяземскую школу Смоленское духовное правленіе, съ разрѣшенія епископа, назначило учителемъ дьякона Николаевской (въ г. Вязьмѣ) церкви Доментія Полчанинова, окончившаго курсъ философіи въ мѣстной семинаріи, о чемъ и увѣдомило городничаго секундъ-майора Кологривова, который, очевидно, и былъ ближайшимъ попечителемъ вновь учрежденной школы. На открытіе школы, помѣщенной въ Петропавловскомъ (Егорьевскомъ тожъ) при-

---

1) „Историческое и географическое описаніе г. Смоленска" въ Справ. книжкѣ Смол. губ. на 1898 годъ", стр. 28.

2) Сергѣй Рокочевскій: „Опытъ собранія историч. записокъ о гор. Рославлѣ", 1885 г., стр. 164—168.

ходѣ былъ командированъ членъ духовнаго правленія (консисторіи), протоіерей Макарій Петровъ, который въ присутствіи почетныхъ лицъ города и учениковъ 25 апрѣля того же года совершилъ торжественное Господу Богу молебствіе съ водосвятіемъ, а учитель дьяконъ Полчаниновъ сказалъ поучительное слово „съ довольнымъ объясненіемъ, сколь таковое Ея Императорскаго Величества милосердое предпріятіе всякому принимающему въ томъ участіе *полезно и нужно на всю жизнь*".

Однако уже съ 10 мая ученье въ новооткрытой школѣ прекратилось за переходомъ учителя въ Вяземское же духовное славяно-русское училище. На его мѣсто 8 Іюня опредѣленъ былъ ученикъ богословія Смоленской семинаріи Филиппъ Руженцевъ. Но и этотъ учитель оставался въ школѣ недолго: въ октябрѣ того же года ему предписано было явиться въ Смоленскъ „для принятія дьяконской должности". Тогда, по ходатайству городничаго, чтобы ученики не оставались безъ присмотра и оттого не пришли въ послабленіе и забытіе своего ученія", поставленъ былъ „надзирателемъ за ихъ правами и ученіемъ дьяконъ мѣстной Входоіерусалимской церкви Иванъ Ивановъ.

Такимъ образомъ въ теченіе перваго года существованія школы въ ней смѣнилось 3 учителя, и ученье налаживалось съ большимъ трудомъ, за отсутствіемъ „знающихъ и способныхъ людей". Немного отдавалось въ нее и учениковъ, что видно изъ прошенія Вяземскаго городского головы Лаврентія Гайдукова къ епископу Пареенію, въ которомъ онъ, сообщая о посѣщеніи школы 18 іюня 1780 г. Смоленскимъ и Псковскимъ генералъ-губернаторомъ, княземъ Н. В. Репнинымъ, выразившимъ желаніе „о пріумноженіи въ городскую школу юношества", просилъ преосвященнаго „къ поспѣшествованію сего богоугоднаго дѣла дать повелѣніе учителю, дабы всѣхъ находящихся у него сиротскихъ дѣтей въ воскресные дни приводилъ къ приходскимъ

церквамъ Божіимъ съ приказаніемъ, чтобы они, по отпѣтіи Божественной литургіи, съ благопристойностью обученное о познаніи православной вѣры и 10 заповѣдей Божіихъ предъ народомъ читали, дабы чрезъ оное прочихъ здѣшнихъ купцовъ и мѣщанъ привлечь изъ мнимаго ихъ сумнительства къ просвѣщенію и доставленію всеобщественной пользы отдачею дѣтей ихъ для вкорененія христіанскаго нравоученія" [1]).

По словамъ смоленскаго историка св. Н. А. Мурзакевича, въ 1780 году или нѣсколько позже устроена была въ Смоленскѣ при Свирской церкви еще частная школа Василіемъ Григорьевичемъ Хлѣбниковымъ, богатымъ купцомъ и благотворителемъ того времени, избраннымъ въ 1785 г. городскимъ головою. Въ этой школѣ воспитывалось ежегодно отъ 24 до 35 *мальчиковъ мѣщанскихъ и всякаго сословія,* преимущественно бѣдныхъ и безпріютныхъ, на полномъ иждивеніи Хлѣбникова, который по обученіи ихъ грамотѣ, однихъ отдавалъ учиться мастерству, другихъ приспособлялъ къ торговлѣ, смотря по способностямъ [2]). С. П. Писаревъ засталъ въ живыхъ одного изъ учениковъ этой школы, престарѣлаго Якима Снитко, отъ котораго получилъ много любопытныхъ свѣдѣній для своего труда по исторіи Смоленска [3]).

Устройствомъ начальныхъ „градскихъ" школъ въ 4 городахъ Смоленской губерніи положено было начало безсословному народному образованію, которое получило болѣе широкое развитіе въ послѣдующее затѣмъ время. Въ іюнѣ

---

[1]) См. статью П. П.: „Объ открытіи первой народной школы и о современномъ состояніи народнаго образованія въ г. Вязьмѣ" въ „Пам. книжкѣ Смол. губ. на 1857 г.", стр. 37—42.

[2]) Св. Н. А. Мурзакевичъ: „Исторія губ. гор. Смоленска" въ изданіи И. И. Орловскаго, стр. 114—115.

[3]) „Княжеская мѣстность и храмъ князей въ Смоленскѣ". Историко-археологическое изслѣдованіе С. П. Писарева въ связи съ исторіей Смоленска. Смоленскъ, 1894 г.

1780 года, проѣздомъ изъ Могилева въ С.-Петербургъ посѣтила Смоленскъ императрица Екатерина II вмѣстѣ съ австрійскимъ императоромъ Іосифомъ II, путешествовавшимъ тогда по Россіи подъ именемъ графа Фалькенштейна. Среди многихъ милостей, оказанныхъ разнымъ лицамъ и учрежденіямъ, она пожаловала 1200 рублей и приказу общественнаго призрѣнія на нужды находившагося въ его вѣдѣніи народнаго образованія, „по сту рублей на каждую изъ 12 градскихъ школъ Смоленскаго намѣстничества". Эта монаршая милость находилась въ связи съ тѣмъ грандіознымъ планомъ открытія народныхъ школъ сразу во всѣхъ городахъ и селеніяхъ имперіи, который окончательно созрѣлъ въ головѣ государыни подъ вліяніемъ бесѣдъ ея съ австрійскимъ императоромъ и который она давно уже мечтала осуществить. Іосифъ II разсказалъ ей между прочимъ о замѣчательныхъ успѣхахъ австрійскихъ нормальныхъ школъ съ тѣхъ поръ, какъ онѣ были преобразованы по новой, такъ называемой *Саганской,* методѣ [1]). Императрица согласилась принять ихъ за образцы для своего государства и, послѣ двухлѣтняго всесторонняго обдумыванія и совѣщаній съ компетентными людьми, 7 сентября 1782 г. издала указъ объ учрежденіи постоянной комиссіи для открытія училищъ на всемъ пространствѣ Россіи.

Въ составъ этой комиссіи, подъ предсѣдательствомъ сенатора П. В. Завадовскаго, весьма образованнаго по тому времени и даровитаго человѣка (впослѣдствіи графъ и, при импер. Александрѣ I, первый министръ народнаго просвѣщенія), вошли ученый академикъ Ф. И. Эпинусъ, составившій въ кабинетѣ императрицы по принятію челобитенъ П. И. Пастуховъ и бывшій директоръ народныхъ училищъ въ Австріи (въ Темешварскомъ Банатѣ), родомъ сербъ, Янко-

---

[1]) Объ австрійской системѣ начальнаго народнаго образованія и о Саганской методѣ см. въ вышеупомянутой статьѣ гр. Д. А. Толстого: „Городскія училища въ царств. имп. Екатерины II", стр. 13—33.

вичъ-де-Миріево, приглашенный Екатериною, по рекомендаціи Іосифа II, для организаціи правительственной общеобразовательной школы въ Россіи. Этимъ дѣятелямъ и особенно Янковичу наше отечество, по справедливому выраженію Петра Кеппена, „обязано безконечною признательностью за просвѣтительные труды ихъ“ [1]). Четыре года работали они надъ осуществленіемъ трехъ главныхъ задачъ указа 7 сентября 1782 г.: а) начертать, какъ временную мѣру, и постепенно приводить въ исполненіе общій планъ народныхъ училищъ, б) приготовить учителей и в) перевести на русскій языкъ или вновь составить необходимыя учебныя руководства.

Сначала былъ выработанъ „Планъ къ установленію народныхъ училищъ въ Россіи“, по которому ихъ предполагалось раздѣлить на 3 типа: двухклассныя или малыя (нижнія), трехклассныя или среднія и четырехклассныя или главныя. Курсы ихъ располагались концентрически: два низшіе класса средняго училища соотвѣтствовали малому, а среднее училище совпадало съ тремя низшими классами главнаго, четвертый классъ котораго имѣлъ двухгодовой курсъ. Затѣмъ приступили къ открытію на первый разъ въ Петербургской губерніи малыхъ училищъ „за неимѣніемъ способныхъ для высшихъ классовъ учителей“, а 13-го декабря 1783 г. учреждено было въ Петербургѣ „Главное Россійское Народное училище“, съ учительской при ней гимназіей или семинаріей. Во главѣ этого учебнаго заведенія стоялъ Янковичъ-де-Миріево, а въ качествѣ учениковъ было вытребовано до 100 молодыхъ людей изъ разныхъ духовныхъ семинарій, въ томъ числѣ и изъ Смоленской, для подготовки ихъ къ педагогической дѣятельности. Къ срединѣ 1786 года подготовка эта была закончена, и изъ 100 воспитанниковъ половина признана была годной

[1]) См. его „Матеріалы для исторіи просвѣщенія въ Россіи, С.-ПБ. 1825—1827 г.г., в. III.

для занятія учительскихъ мѣстъ въ высшихъ двухъ классахъ, а другая въ двухъ низшихъ. Столь же успѣшно выполнила комиссія и свою третью задачу—составленіе учебныхъ руководствъ и пособій, издавъ къ 1786 году до 30 элементарныхъ учебниковъ, въ которыхъ прежде всего нуждались предположенныя къ открытію школы.

Къ этому же времени окончательно былъ выработанъ и 5 августа 1786 г. Высочайше утвержденъ „Уставъ народнымъ училищамъ въ Россійской имперіи", по которому, въ отличіе отъ прежняго „Плана", училища раздѣлены были на 2 разряда: *главныя*, изъ 4 классовъ, съ пятилѣтнимъ курсомъ, въ губернскихъ городахъ и *малыя*, изъ 2 классовъ, въ окружныхъ или уѣздныхъ; средній типъ былъ признанъ излишнимъ. Новыя училища предназначались для образованія дѣтей *всѣхъ сословій и состояній*, и ученіе вездѣ опредѣлено было *безплатнымъ*. Общее руководство и надзоръ за ходомъ образованія въ имперіи порученъ былъ „комиссіи объ учрежденіи училищъ", которая съ этого времени стала называться „Главнымъ правительствомъ училищъ". Оно непосредственно сносилось съ верховною властью и представляло ей особые доклады. Мѣстное же управленіе училищами въ каждой губерніи ввѣрено было гражданскому губернатору, подъ высшимъ контролемъ генералъ-губернатора или намѣстника. Гражданскій губернаторъ считался попечителемъ всѣхъ училищъ губерніи, и главнѣйшею обязанностью его было „стараться о распространеніи народныхъ училищъ отъ главнаго, въ губернскомъ городѣ находящагося, не токмо по городамъ уѣзднымъ, но и по другимъ селеніямъ, колико способы ему позволять то будутъ". Завѣдываніе хозяйственною стороною училищъ и заботы объ ихъ матеріальномъ благосостояніи возложены были попрежнему на приказы общественнаго призрѣнія: они должны были изыскивать средства на содержаніе училищъ, устраивать для нихъ помѣщенія, содержать учителей, снабжать учи-

лица учебниками и пособіями и т. п. Учебною частью вѣдалъ въ каждой губерніи директоръ училищъ, назначаемый генералъ-губернаторомъ, и по уставу „долженъ быть любитель наукъ, порядка и добродѣтели, доброхотствующій юношеству и знающій цѣну воспитанія“. Онъ обязанъ былъ засѣдать въ приказѣ общественнаго призрѣнія по дѣламъ, касающимся училищъ, ежегодно осматривать ихъ, исправлять замѣченные въ чемъ-либо недостатки и проч. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ уставѣ подробно опредѣлены были обязанности учителей и программы общеобразовательныхъ предметовъ, а равно указаны и пріемы какъ для ихъ преподаванія, такъ и для поддержанія классной дисциплины, цѣликомъ взятые изъ австрійской системы.

Первый выпускъ С.-Петербургской учительской семинаріи предоставилъ въ распоряженіе „комиссіи“ запасъ учителей для 25 главныхъ народныхъ училищъ, которыя Высочайшимъ указомъ 12 августа 1786 г. на имя генералъ-губернаторовъ и повелѣно было открыть въ соотвѣтственномъ количествѣ губернскихъ городовъ, въ томъ числѣ и въ Смоленскѣ. Училища должны были открыться съ особою торжественностью и всѣ одновременно, именно въ день коронаціи императрицы, 22 сентября, „дабы сей день, въ блаженствѣ Россіи знаменитый, имѣлъ сугубую славу и по начавшемуся въ немъ всеобщему народному просвѣщенію“. Вмѣстѣ съ тѣмъ указъ требовалъ не замедлить и открытіемъ малыхъ народныхъ училищъ, озаботиться приготовленіемъ для нихъ всего необходимаго и изыскать средства на ихъ содержаніе изъ доходовъ городскихъ и приказа общественнаго призрѣнія, „впрочемъ безъ отягощенія казны и безъ оскудѣнія для другихъ казенныхъ заведеній“.

Получивъ этотъ указъ и сдѣлавъ соотвѣтствующія распоряженія, генералъ-губернаторъ Смоленскаго и Псковскаго намѣстничествъ князь Н. В. Репнинъ составилъ пышный церемоніалъ или „обрядъ“ открытія училищъ въ Смоленскѣ и по

уѣзднымъ городамъ и обратился за содѣйствіемъ въ этомъ къ епископу Парѳенію, пригласивъ и его самого къ участію въ открытія главнаго училища.[1]) Послѣднее совершено было въ указанный день и съ необычайнымъ торжествомъ сначала въ каѳедральномъ соборѣ преосвященнымъ Парѳеніемъ соборнѣ съ почетнѣйшимъ духовенствомъ отслужена была торжественная литургія и молебенъ о здравіи Ея Величества. Затѣмъ владыка отправился съ крестнымъ ходомъ въ помѣщеніе училища и, совершивъ тамъ водоосвященіе и окропленіе св. водою классовъ, произнесъ подобающее случаю слово. На церемоніи открытія новаго разсадника просвѣщенія присутствовали: генералъ-губернаторъ князь Н. В.

---

[1]) Въ архивѣ Смол. духовной консисторіи, въ дѣлѣ 1787 г., № 12 о заведеніи по городамъ народныхъ училищъ, сохранились какъ оффиціальное письмо кн. Репнина къ еп. Парѳенію, такъ и его „обрядъ для открытія малыхъ народныхъ училищъ". Приводимъ послѣдній цѣликомъ: „Для сего торжественнаго дня собраться въ соборную церьковъ городничему, всѣмъ сей округи судьямъ съ канцелярскими служителями, городовому магистрату со всѣмъ знатнѣйшимъ купечествомъ и мѣщанствомъ и привести туда же порядочно юношество, обучающееся въ градской школѣ, гдѣ по отправленіи Божественной литургіи и молебственнаго пѣнія за здравіе Ея Императорскаго Величества, всѣмъ тѣмъ особамъ и первому священнаго чина начальнику слѣдовать въ домъ градскаго училища, гдѣ, соверша водоосвященіе и окропя то училище святой водой, послѣ того одному изъ церковныхъ начальниковъ приличное надлежитъ сдѣлать поученіе тому юношеству, которое обучаться будетъ въ томъ училищѣ, и которому надлежитъ тутъ собрану и порядочно поставлену быть; А потомъ въ семъ же поученіи прилично достойно возблагодарить Ея Императорское Величество за Ея Матернее попеченіе о благоденствіи и просвѣщеніи народномъ. А все общество пригласить, дабы всѣ и каждый изъ онаго, слѣдуя правиламъ, по всякой благонамѣренной думѣ впечатлѣннымъ, по своей возможности таковому полезному для всего общества дѣлу вспомоществовалъ, поколику и чѣмъ кто можетъ; дабы тѣмъ, какъ единственнымъ средствомъ оказать свою благодарность къ неутомимымъ попеченіямъ Ея Императорскаго Величества о благѣ общемъ и свое усердіе къ оному. А наконецъ городничему, какъ первому начальнику въ городѣ, открыть то училище, подтвердя учителю онаго усердіе къ наученію юношества, ему ввѣреннаго, а ученикамъ всевозможныя прилежности и послушаніе, дабы ненапрасно они потеряли дорогое время ихъ воспитанія и труды, употребляемые къ ихъ просвѣщенію".

Репнинъ, гражданскій губернаторъ П. Ю. Храповицкій, члены приказа обществ. призрѣнія: Дан. Андр. Мацкевичъ и П. Л. Мицкій и многія другія почетнѣйшія въ городѣ лица. Тутъ же, въ видѣ выраженія сочувствія тогдашняго общества къ благимъ начинаніямъ императрицы, „только о просвѣщеніи своего народа пекущейся", среди „знатнѣйшаго" смоленскаго дворянства и купечества состоялась добровольная подписка на усиленіе средствъ къ содержанію училища, давшая въ общемъ итогѣ 7941 руб. При этомъ наиболѣе крупными благотворителями оказались: отставной майоръ артиллеріи Иванъ Ивановичъ Барышниковъ, богатѣйшій дорогобужскій помѣщикъ, пожертвовавшій 6200 р., и поручикъ Семенъ Мануиловичъ Нахимовъ, взнесшій 1000 рублей.[1])

Во вновь открытое училище „введено было на первый случай 48 учениковъ", переведенныхъ сюда „силою власти" попечителя училища, гражданскаго губернатора П. Ю. Храповицкаго, изъ прежней заднѣпровской „градской" школы, съ этого времени упраздненной. Открыто было сразу 4 класса, которые, по распоряженію кн. Репнина, размѣстились въ одноэтажномъ каменномъ домѣ намѣстническаго правленія, на Благовѣщенской или Молоховской (какъ тогда ее называли) улицѣ („на рынкѣ такъ называемомъ верхнемъ, у Вознесенскаго мосту"). Въ 1795 году, какъ увидимъ далѣе, домъ этотъ былъ обращенъ въ двухэтажный и отдѣланъ заново, такъ что представлялъ собою въ то время одно изъ обширнѣйшихъ и красивѣйшихъ зданій въ городѣ. Здѣсь главное народное училище помѣщалось за все время своего существованія вплоть до преобразованія своего въ 1804 году въ губернскую мужскую гимназію. Послѣдняя находилась

---

[1]) Свѣдѣнія объ этомъ торжествѣ почерпнуты авторомъ изъ „исторіи г. Смоленска" св. Н. А. Мурзакевиа (въ изданіи И. И. Орловскаго, стр. 115), изъ „Московскихъ Вѣдомостей" за 1786 годъ (№ 86, отъ 28 октября, стр. 796) и изъ архива М-ва Нар. Просв. (Дѣло № 52—„извѣстія, касающіяся до заведенія и распространенія наукъ въ Смоленскомъ намѣстничествѣ").

къ нему же до 1864 г., когда для нея построено было теперешнее зданіе. Съ 1866 года и по настоящее время въ этомъ домѣ, значительно расширенномъ недавнею пристройкою, помѣщается 1-ая женская (Маріинская) гимназія.

Смоленское *главное* народное училище до преобразованія въ гимназію и передачи въ вѣдѣніе министерства народнаго просвѣщенія просуществовало около 18 лѣтъ (1786—1804). Какъ уже сказано, высшій контроль надъ этимъ учебнымъ заведеніемъ, равно какъ и надъ возникшими вслѣдъ за нимъ въ уѣздныхъ городахъ губерніи *малыми* народными училищами, принадлежалъ намѣстнику или генералъ-губернатору, переименованному, съ воцареніемъ импер. Павла I, въ военнаго губернатора. Но этотъ контроль генералъ-губернаторовъ, какъ можно заключать изъ дошедшихъ до насъ свѣдѣній, выражался только въ утвержденіи директора училищъ въ должности да въ присутствованіи время отъ времени на торжественныхъ публичныхъ испытаніяхъ учениковъ въ концѣ учебнаго года, которыя иногда кончались казовымъ осмотромъ школы и ея кабинетовъ.

За означенный періодъ времени Смоленскими генералъ-губернаторами и военными губернаторами были:

1) князь Николай Васильевичъ Репнинъ, генералъ-аншефъ (1778—1792);

2) баронъ Осипъ Андреевичъ Игельстромъ, генералъ отъ инфантеріи (1792—1793);

3) Григорій Михайловичъ Осиповъ (1794—1796);

4) Михаилъ Михайловичъ Философовъ, генералъ отъ инфантеріи (1797—1798);

5) Андрей Григорьевичъ Розенбергъ, генералъ отъ инфантеріи (1798—1799);

6) князь Карлъ Ивановичъ Гика, генералъ-лейтенантъ (1800—1802);

7) Иванъ Николаевичъ фонъ-Эссенъ, генералъ-лейтенантъ (1802—1803);

8) Степанъ Степановичъ Апраксинъ, генералъ отъ кавалеріи (1803—1807)

Болѣе близкій надзоръ за училищами уставомъ предоставлялся правителямъ намѣстничествъ или гражданскимъ губернаторамъ, которые, какъ предсѣдатели приказа общественнаго призрѣнія, должны были принимать всѣ зависи-

щія отъ нихъ мѣры къ открытію и благоустройству школъ. Имъ настойчиво рекомендовалось посѣщать во время ревизій и мѣстныя учебныя заведенія, „какъ не менѣе другихъ въ себѣ пользы заключающія", привлекать къ нимъ сочувствіе общества и заботиться особенно объ изысканіи средствъ на ихъ содержаніе, вызывая на то частныя пожертвованія. Словомъ, они были, такъ сказать, почетными попечителями школъ и такъ обыкновенно и назывались.

Губернаторами и въ то же время попечителями Смоленскихъ народныхъ училищъ были слѣдующія лица:

1) Платонъ Юрьевичъ Храповицкій, дѣйст. стат. совѣтникъ (1782—1787);
2) Петръ Исаевичъ Аршеневскій, генералъ-поручикъ (1787—1796);
3) Николай Ивановичъ Аксаковъ, генералъ-майоръ (1797—1798);
4) Левъ Васильевичъ Тредьяковскій, дѣйст. стат. совѣт. (1798—1800);
5) Иванъ Семеновичъ Ѳедоровъ, дѣйств. стат. совѣт. (1800—1801);
6) Дмитрій Яковлевичъ Гедеоновъ, дѣйств. стат. совѣт. (1801—1803);
7) Петръ Алексѣевичъ Пенскій, статскій совѣтникъ (1803—1804).

Изъ этихъ губернаторовъ наибольшее вниманіе къ школьному дѣлу обнаруживали, повидимому, первые два: Храповицкій и Аршеневскій, на долю которыхъ выпало открытіе и первоначальное устройство училищъ, затѣмъ Тредьяковскій, сынъ извѣстнаго въ XVIII в. писателя, человѣкъ по тому времени просвѣщенный и особенно Пенскій, который за нѣсколько лѣтъ до принятія губернаторской должности былъ, какъ увидимъ далѣе, очень дѣятельнымъ директоромъ училищъ.

На директора возложено было непосредственное наблюденіе за ходомъ преподаванія въ школахъ, какъ въ правительственныхъ, такъ и въ домашнихъ или частныхъ пансіонахъ. Ему же дано было право опредѣлять и увольнять учителей, но съ разрѣшенія попечителя и съ вѣдома приказа, гдѣ по дѣламъ училищной части онъ засѣдалъ съ правомъ голоса. Чтобы предупредить со стороны директора злоупотребленіе властью, уставъ настойчиво указываетъ, что онъ съ учителями „долженъ поступать, яко съ нося-

щими на себѣ трудныя и важныя должности воспитанія сыновей отечества, ласково; не оставлять ихъ дѣломъ и совѣтомъ какъ въ классахъ, такъ и въ собственныхъ ихъ нуждахъ, особливо же не покидать ихъ во время болѣзни".

До учебной реформы 1804 г., въ теченіе всего $17^{1/2}$ лѣтъ, въ Смоленской губерніи смѣнилось семь директоровъ народныхъ училищъ. Почти всѣ они были изъ мѣстныхъ дворянъ, отставныхъ военныхъ или же гражданскихъ чиновниковъ,—люди весьма сомнительнаго образовательнаго ценза, за исключеніемъ послѣдняго изъ нихъ, Л. Ѳ. Людоговскаго, которому, какъ извѣстно, принадлежитъ выдающееся мѣсто въ лѣтописяхъ просвѣщенія Смоленскаго края [1]).

Первымъ директоромъ Смоленскаго главнаго народнаго училища, при открытіи его, назначенъ былъ секундъ-майоръ Петръ Львовичъ Мицкій, членъ приказа общественнаго призрѣнія, но занималъ эту должность немного болѣе года. Что это былъ за человѣкъ и находился ли на высотѣ своего призванія, по дошедшимъ до насъ скуднымъ источникамъ, судить трудно. Извѣстно только, что при немъ, кромѣ главнаго въ губернскомъ городѣ, открыто было еще 3 малыхъ народныхъ училища въ уѣздахъ, а именно: въ Порѣчьѣ, Вязьмѣ и Гжатскѣ [2]). Но забота объ открытіи

---

[1]) См. о немъ мою статью въ „Памят. книжкѣ Смолен. губ. на 1907 г.", подъ заглавіемъ: „Первый директоръ Смоленской гимназіи Л. Ѳ. Людоговскій".

[2]) Первое изъ нихъ открыто было 23 декабря 1786 г., при 51 ученикѣ и учителемъ опредѣленъ былъ Василій Егоровичъ Медвѣдковъ, сынъ Ельнинскаго священника и воспитанникъ Смоленской семинаріи, а смотрителемъ училища назначенъ купецъ Василій Черной. Второе открыто 1 января 1787 г. въ составѣ 60 учениковъ и съ обязательствомъ вязьмичей доставлять на содержаніе училища по 120 р. въ годъ изъ магистратскихъ доходовъ; учителемъ опредѣленъ также семинаристъ Иванъ Михеевичъ Поповъ, сынъ Вяземскаго пономаря, а смотрителемъ—купецъ Стефанъ Строгоновъ. Третье—5 января того же года въ составѣ 28 учениковъ, а также съ ежегоднымъ пособіемъ отъ Гжатскаго магистрата по 190 р.; учителемъ назначенъ тоже семинаристъ Иванъ Ильинъ, сынъ священника с. Лосьмина Южнов. уѣзда, а смотрителемъ—купецъ Иванъ Большой—Ширяевъ.

этихъ училищъ принадлежала не ему, а тогдашнему губернатору Храповицкому. Послѣдній предполагалъ учредить малыя училища и во всѣхъ другихъ городахъ Смоленскаго намѣстничества, для чего, по его просьбѣ, преосв. Парѳеніемъ были присланы въ главное училище, „ко опознанію новаго способа ученія“ и тамъ наскоро (въ теченіе всего около трехъ мѣсяцевъ) подготовлены 12 семинаристовъ изъ философскаго и риторическаго классовъ. Дѣло это не осуществилось, вѣроятно, по недостатку средствъ, имѣвшихся въ распоряженіи приказа и бѣдности гражданъ другихъ городовъ, а семинаристы, оказавшіеся, по свидѣтельсту директора, „къ преподаванію по новому образу ученія способными“, распредѣлены частью по вновь открытымъ училищамъ, частью по уѣзднымъ духовнымъ, учрежденнымъ прежде епископами—Гедеономъ и Парѳеніемъ.

Въ директорство Мицкаго, въ январѣ 1787 г., состоялось второе посѣщеніе Смоленска Екатериною II, проѣзжавшею тогда въ Крымъ. Въ торжественной встрѣчѣ государыни участвовали и ученики главнаго народнаго училиша, стоя у зданія его въ парадныхъ кафтанахъ, въ числѣ 167 человѣкъ, вмѣстѣ со своими учителями [1]). Екатерина оставалась въ Смоленскѣ 6 дней, и за время ея пребыванія училище посѣтили многія высокопоставленныя лица, сопровождавшія императрицу въ путешествіи по Россіи. 15-го января въ немъ были: графъ Андрей Петровичъ Шуваловъ и тайный Совѣтникъ Степанъ Ѳедоровичъ Стрекаловъ, которымъ поручено тогда обревизовать судебныя и другія казенныя учрежденія, а 16-го—вице-президентъ Адмиралтейской Коллегіи графъ Иванъ Григорьевичъ Чернышевъ, оберъ-камергеръ Иванъ Ивановичъ Шуваловъ, оберъ-шталмейстеръ Левъ Александровичъ Нарышкинъ, генералъ-адъютантъ Ѳедоръ Астафьевичъ Ангальтъ и иностранные

[1]) „С.-Петербургскія Вѣдомости“ за 1787 г., № 6; см. также „Дневникъ св. Н. А. Мурзакевича“ (въ изд. И. И. Орловскаго, 1903 г., стр. 49).

послы: графъ Кобенцель (австрійскій), министръ Фицгербергъ (англійскій) и графъ Сегюръ (французскій). „Въ присутствіи сихъ знаменитыхъ посѣтителей—писалъ директоръ Мицкій въ своемъ донесеніи Главному Правленію училищъ—учители продолжали ученіе каждый въ своемъ классѣ".

Вторымъ директоромъ училищъ Смоленскаго намѣстничества былъ секундъ-майоръ Константинъ Даниловичъ Алексѣевцевъ, засѣдатель верхняго земскаго суда, опредѣленный на эту должность съ 10 декабря 1787 г. во время бывшаго тогда въ Смоленскѣ выбора судей. Служба этого директора была продолжительнѣе—около 3 лѣтъ. При немъ открыты были новыя малыя народныя училища въ г.г. Рославлѣ и Бѣломъ [1]). Вслѣдствіе этого обязанности директора значительно осложнились. Кромѣ непосредственнаго завѣдыванія учебною частью главнаго училища и наблюденія за „домашними" школами и пансіонами, на него обрушилось теперь все вообще дѣлопроизводство, письмоводство, а также осмотръ уѣздныхъ училищъ и ревизія преподаванія. При этомъ какъ на разъѣзды по губерніи, такъ и на канцелярію, никакихъ особыхъ суммъ не полагалось, и директоръ долженъ былъ расходовать на все это изъ жалованья въ 500 руб. асс., положеннаго ему по штату. Поэтому уже въ 1788 году въ помощь Алексѣевцеву, по распоряженію губернатора Аршеневскаго, опредѣленъ былъ юхновскій землемѣръ Стахій Винчевскій, „какъ въ наукахъ довольное знаніе имѣющій", для „смотрѣнія" за главнымъ училищемъ. Надо думать, что этотъ директоръ едва ли былъ правоспособенъ къ своей отвѣтственной должности: это замѣтно изъ

---

[1]) Открыты 21 апрѣля 1788 года. Въ Рославльское училище былъ назначенъ учителемъ Өедоръ Филипповичъ Сущинскій, а въ Бѣльское—Дмитрій Ивановичъ Успенскій; оба воспитывались сначала въ духовной семинаріи, а затѣмъ приготовлялись къ учительству въ главномъ нар. училищѣ. Смотрителемъ перваго былъ сдѣланъ мѣщанинъ Иванъ Шевердинъ, а второго—купецъ Тимоөей Ксюнинъ.

его довольно нескладныхъ отчетовъ, которые онъ посылалъ по полугодіямъ въ главное Правленіе, и изъ его безграмотной подписи своего имени и фамиліи—„*Кастентинъ Алексѣивцевъ*".

Очевидно, въ тѣ времена нелегко было найти подходящаго директора, который могъ бы хорошо руководить учебнымъ дѣломъ и тѣмъ вызывать въ обществѣ симпатіи къ новымъ школамъ. Когда въ концѣ 1790 г., Алексѣевцевъ сложилъ съ себя должность директора, ее одинъ за другимъ занимали лица, повидимому, съ тѣмъ же образованіемъ и знаніемъ педагогическаго дѣла. Это были: поручикъ Демьянъ Осиповичъ Станиславскій, который оказался даже не въ состояніи представить высшему начальству свои отчеты за 1791 годъ, и секундъ-майоръ Тимоѳей Ѳедоровичъ Повало-Швыйковскій, пробывшій въ должности директора не болѣе года.

Болѣе удачнымъ директоромъ оказался совѣтникъ намѣстническаго правленія Петръ Алексѣевичъ Пенскій, вступившій въ эту должность 13 августа 1792 г. Его дѣятельность въ качествѣ директора продолжалась уже 6 лѣтъ и была, повидимому, продуктивнѣе предшественниковъ. Такъ при немъ, въ концѣ іюля 1795 г. согласно особой „запискѣ о расположеніи домовъ для главныхъ народныхъ училищъ", зданіе Смоленскаго училища было прекрасно отдѣлано и расширено надстройкою второго этажа, въ которомъ свободно размѣстились 4 класса, библіотека и научные кабинеты, а также большая зала для публичныхъ испытаній учениковъ, гдѣ поставленъ былъ портретъ императрицы Екатерины II, во весть ростъ, въ рѣзной позолоченной рамѣ[1]).

[1]) Въ апрѣлѣ 1797 г. рядомъ съ нимъ помѣщенъ былъ портретъ императора Павла I, написанный также во весь ростъ мѣстными художниками. Портреты эти, къ сожалѣнію, до насъ не дошли вслѣдствіе разгрома зданія въ 1812 году.

Нижній же этажъ приспособили для квартиръ учителей. Домъ получился, по тогдашнимъ требованіямъ, красивый и удобный, ибо въ своемъ донесеніи объ этомъ въ Петербургъ директоръ писалъ: „Зданіе сіе въ Смоленскѣ по нынѣшнее время какъ наружною красотою, такъ и обширностью, всѣ другія превосходитъ". Благодаря перестройкѣ и расширенію училищнаго дома, явилась возможность упорядочить и другія важныя статьи учебно-хозяйственной части. Въ 1796 и 1797 г.г. училище обогатилось не только „довольнымъ" количествомъ учебныхъ руководствъ и пособій, но и нѣкоторыми „книгами, къ другимъ предметамъ, кромѣ, учебныхъ, принадлежащими", кабинетъ „для классовъ математическаго, физическаго и натуральнаго" снабженъ былъ соотвѣтственными снарядами и инструментами, и заведена необходимая для помѣщенія ихъ мебель.

Вообще П. А. Пенскій былъ дѣятельный директоръ, обращавшій серьезное вниманіе на всѣ стороны учебно-воспитательнаго дѣла: онъ зорко слѣдилъ за преподаваніемъ не только въ главномъ, но и въ малыхъ народныхъ и домашнихъ училищахъ, поощрялъ наградами (книгами и печатными похвальными листами) учениковъ, отличавшихся прилежаніемъ и успѣхами, и заботился объ ихъ общемъ развитіи. При немъ въ программу главнаго училища введены были нѣкоторые новые предметы, преподаваніе которыхъ вызывалось подробностями тогдашняго общества и времени. Таковы, напримѣръ, сообщеніе общихъ свѣдѣній по *домоводству* и чтеніе краткой *военной архитектуры* или *фортификаціи*. Послѣдняя читалась съ 1794 г. въ виду происходившей тогда 2-ой Турецкой войны или, какъ доносилъ въ Петербургъ Пенскій, „по причинѣ многихъ изъ оберъ-офицерскихъ и солдатскихъ дѣтей, въ здѣшнемъ училищѣ находящихся и въ разные полки и Черноморскій флотъ слѣдующихъ". Въ управленіе Пенскаго Смоленская дирекція увеличи-

лась еще однимъ малымъ училищемъ, открывшимся въ Дорогобужѣ[1]).

Мѣсто Пенскаго, оставившаго директорскую службу въ 1798 г., занялъ 1-го сентября того же года надворный совѣтникъ Густавъ фонъ-Тритгофъ, чиновникъ мѣстной Казенной Палаты, но подвизался на этомъ поприщѣ всего 7 мѣсяцевъ и рѣшительно ничѣмъ особеннымъ себя не проявилъ.

Совершенно иное представлялъ собою вышеупомянутый Левъ Ѳедоровичъ Людоговскій, послѣдній директоръ училищъ Смоленской губерніи въ разсматриваемое время. Съ именемъ этого примѣчательнаго человѣка связана весьма продолжительная и необыкновенная кипучая дѣятельность на нивѣ народнаго просвѣщенія. Получивъ первоначальное образованіе въ Смоленской духовной семинаріи и завершивъ его въ Московскомъ университетѣ по философскому факультету съ золотой медалью (за преимущественное предъ прочими сочиненіе диссертаціи), Людоговскій первые 4 года служилъ преподавателемъ риторики, математики и французскаго языка въ родной семинаріи, затѣмъ болѣе 10 лѣтъ состоялъ личнымъ секретаремъ знаменитыхъ государственныхъ дѣятелей XVIII в.: И. И. Шувалова и адмирала Н. С. Мордвинова, и наконецъ, въ теченіе года былъ правителемъ канцеляріи Петербургскаго вспомогательнаго для дворянъ банка. Вступивъ 12-го апрѣля 1799 г. въ должность директора Смоленскихъ училищъ съ такимъ рѣдкимъ служебнымъ опытомъ и высокимъ образованіемъ, онъ явился чрезвычайно цѣннымъ пріобрѣтеніемъ для тогдашняго общества, и можно смѣло сказать, что никто изъ

---

[1]) Дорогобужское малое народное училище открыто было 21 апрѣля 1796 г. Первымъ его учителемъ былъ Григорій Павловичъ Верзиловъ, воспитанникъ Смолен. духовной семинаріи, родившійся въ семьѣ дьячка с. Головеньки Бѣльскаго уѣзда (братъ вышеупомянутаго А. П. Верзилова). Впослѣдствіи (передъ 1812 г.) онъ былъ первымъ штатнымъ смотрителемъ Смоленскаго уѣзднаго училища.

Смоленскихъ директоровъ, бывшихъ до и послѣ него, не сдѣлалъ такъ много для общественнаго образованія, какъ Людоговскій за 35 лѣтъ своего служенія педагогическому дѣлу, (вышелъ въ отставку въ 1834 году). Дѣятельность его была нами въ свое время подробно описана въ особой статьѣ [1]). Здѣсь же скажемъ вкратцѣ, только о первыхъ 5 годахъ его службы въ качествѣ директора училищъ Смоленской губерніи.

Прежде всего имъ было упорядочено дѣлопроизводство въ канцеляріи дирекціи училищъ, въ чемъ, какъ только-что сказано, онъ имѣлъ богатый служебный опытъ. И уже въ первомъ году по вступленіи въ должность директора въ Петербургское Главное Правленіе училищъ имъ представлены были весьма обстоятельные и любопытные отчеты или „вѣдомости“ о состояніи народныхъ училишъ и историческія записки или „извѣстія, касающіяся до заведенія и распространенія наукъ въ Смол. губ.“ Въ отчетѣ или „вѣдомости“ сообщались слѣдующія свѣдѣнія: когда училище основано, какое и гдѣ имѣется помѣщеніе, сколько классовъ и чему въ нихъ обучаютъ, когда были публичныя испытанія и кто на нихъ присутствовалъ, число учителей, ихъ краткая біографія и образовательный цензъ, время поступленія на службу, ихъ прилежаніе и поведеніе, ихъ жалованье и семейное положеніе и, наконецъ, число учениковъ, состоящихъ на лицо съ распредѣленіемъ по возрастамъ и сословіямъ. Въ „извѣстіяхь“ отмѣчались важнѣйшіе факты въ жизни дирекціи, какъ-то: смѣна директоровъ и учителей, открытіе новыхъ училищъ, пріобрѣтеніе учебныхъ пособій и книгъ для библіотеки и научныхъ кабинетовъ, пожертвованія и т. п. Затѣмъ Людоговскій улучшилъ школьное хозяйство и уже въ первые два года своей службы значительно увеличилъ „книгохранилище“ или библіотеку и „физи-

[1]) Въ „Памятной книжкѣ Смол. губ. на 1907 г.“ и отдѣльныхъ изъ нея оттискахъ: „Л. Ѳ. Людоговскій, первый директоръ Смол. гимназіи.“

ческій и натуральный" кабинеты. Одновременно имъ обращено было болѣе серьезное вниманіе на преподаваніе учителей и на успѣшность учениковъ, число которыхъ въ его управленіе съ каждымъ годомъ повсюду стало замѣтно прибавляться. Въ іюнѣ 1799 г. онъ открылъ малое народное училище въ г. Сычевкѣ. Такимъ образомъ при немъ дирекція училищъ состояла уже изъ 8 правительственныхъ учебныхъ заведеній да нѣсколькихъ дворянскихъ частныхъ пансіоновъ, а количество учащихся въ 1801 году возросло до 461 человѣкъ во всѣхъ школахъ, въ томъ числѣ въ главномъ училищѣ насчитывалось 135 учениковъ. Въ виду этого имъ былъ нѣсколько усиленъ и обновленъ наличный составъ учителей путемъ правленія лучшихъ въ то время наставниковъ и подготовки воспитанниковъ мѣстной духовной семинаріи.

Педагогическій персоналъ Смоленскаго главнаго народнаго училища, при его открытіи, состоялъ изъ 4 лицъ, получившихъ подготовку къ учительской должности въ С.-Петербургской учительской гимназіи. Опредѣлены были (для преподаванія наукъ)въ высшихъ классахъ (III и IV)—Николай Григорьевичъ Ефимовъ и Иванъ Васильевичъ Смирягинъ, а въ низшихъ (I и II)—Семенъ Михеевичъ Поповъ и Ѳедоръ Васильевичъ Нечаевъ[1]). Учителя эти преподавали:

---

[1]) Всѣ они происходили изъ духовнаго званія и первоначально воспитывались въ духовныхъ семинаріяхъ. Ефремовъ былъ родомъ изъ Харьковскаго намѣстничества, Лебединской округи, сынъ священника с. Великаго, обучался сперва въ Харьковской семинаріи до богословія и французск. языку, а потомъ въ С.-Петербургской учительской гимназіи ариѳметикѣ, геометріи, гражд. архитектурѣ, механикѣ, физикѣ, географіи, исторіи всемірной и естественной; Смирягинъ—изъ Смоленскаго намѣстничества, сынъ священ. г. Сычевки, учился сначала въ Смолен. семинаріи до богословія и нѣмец. языка, а затѣмъ въ той же гимназіи всемірной и естеств. исторіи и географіи; Поповъ—изъ того же намѣстничества, сынъ пономаря г. Вязьмы, учился въ Смолен. семинаріи до риторики, потомъ служилъ въ Смолен. губерн. правленіи копіистомъ и, наконецъ будучи отосланъ, по распоряженію ген.-губ. князя Репнина, въ С.-Петербург. учит. гимн., обучался тамъ новому способу ученія, ариѳме-

первый—*математическія науки и рисовальное искусство,* второй—гражданскую исторію, естествовѣдѣніе и географію, третій—всѣ предметы, проходившіеся во II классѣ, и четвертый—всѣ предметы I класса. Жалованье, согласно штатамъ, получали они не одинаковое: Ефремовъ—400 руб. за математическіе классы да 150 руб. за рисованіе (такъ какъ особаго учителя для этого предмета, вплоть до открытія гимназіи, не было), Смирягинъ—400 руб., Поповъ—200 руб. и Нечаевъ—150 руб. Источниками содержанія на всѣхъ учителей, какъ и на директора, служили частью суммы приказа обществ. призрѣнія, частью „доброхотныя даянія жертвователей“, да отчислялся извѣстный процентъ изъ „прибылей питейной суммы“. Жалованье свое учителя получали по третямъ года, но не всегда правильно, что по временамъ ставило ихъ въ безвыходное положеніе. Къ тому же, при увеличившейся въ концѣ XVIII в. дороговизнѣ, жалованье это было очень незначительно и едва удовлетворяло самыя насущныя потребности особенно семейныхъ учителей. Послѣднимъ было бы совершенно невозможно жить, еслибы у нихъ не было важнаго подспорья въ видѣ казенныхъ квартиръ въ зданіи училища съ отопленіемъ и освѣщеніемъ да права держать въ казенныхъ же квартирахъ пансіонеровъ и давать частные уроки въ домашнихъ училищахъ, права, предоставленнаго имъ самимъ уставомъ.

Лучшимъ, судя по аттестаціямъ директоровъ, и самымъ образованнымъ, получившимъ впослѣдствіи степень доктора философіи, былъ учитель высшихъ классовъ Ефремовъ, который прослужилъ въ Смоленскомъ главномъ народномъ училищѣ до преобразованія его въ гимназію и въ послѣдней до 1812 года включительно. Другой учитель высшихъ классовъ, Смирягинъ, служилъ до 1800 года, въ началѣ котораго

тикѣ и геометріи; Нечаевъ—сынъ протоіерея г. Торопца Псковскаго намѣстничества, обучался также сначала въ Смоленской семинаріи до философіи, а затѣмъ въ той же учительской гимназіи новому способу ученія и ариѳметикѣ.

уволился отъ должности вслѣдствіе какой-то *хронической* болѣзни. Его мѣсто занялъ перемѣщенный неизвѣстно откуда Антонъ Петровичъ Елоховскій, впослѣдствіи также докторъ философіи; онъ служилъ и послѣ преобразованія училища въ гимназію, болѣе 30 лѣтъ [1]). Учитель I класса Нечаевъ, въ октябрѣ 1795 г., отпущенъ былъ губернаторомъ въ г. Шкловъ Могилевскаго намѣстничества для какихъ-то „надобностей", но *по болѣзни* къ должности не явился и былъ вовсе уволенъ отъ службы. На его мѣсто, 22 іюня 1796 г. назначенъ былъ Алексѣй Ильичъ Москевичъ [2]). 18 іюля 1800 г. онъ умеръ, а его должность поручена была Ивану Степановичу Холодковскому, служившему до того преподавателемъ въ Смоленской духовной семинаріи [3]). Въ 1802 г. Холодковскій опредѣленъ былъ „второклассным" учителемъ на мѣсто С. М. Попова, а учителемъ I класса и вмѣстѣ съ тѣмъ рисованія перемѣщенъ былъ изъ Богодуховскаго малаго народнаго училища Тимоѳей Никифоровичъ Гриневъ [4]). Послѣдніе два учителя служили и послѣ преобразованія училища: Холодковскій—до 1814 г. старшимъ учителемъ исторіи, географіи и статистики въ гимназіи, а Гриневъ окончилъ службу въ должности штатнаго смотрителя Смоленскаго уѣзднаго училища.

---

[1]) А. П. Елоховскій—родомъ изъ Ярославской губ., сынъ пономаря с. Елохова Рыбинскаго уѣзда, обучался сперва въ Ярославской духовной семинаріи, затѣмъ съ 21 сентября 1794 г. въ С.-Петербургской учительской гимназіи исторіи всемірной и естественной, географіи, рисованію и нѣмецкому языку; въ учительскомъ званіи высшихъ разрядовъ или классовъ состоялъ съ 1-го января 1797 г., а въ Смолен. главное народ. училище поступилъ 6-го мая, 1300 г. для преподаванія всеобщей исторіи, географіи, естеств. исторіи и россійской грамматики.

[2]) Сынъ священника с. Свадицъ Порѣцкой округи Смоленской губ., обучался въ Смолен. духов. сем. философіи.

[3]) Также сынъ священника села Быгородка Порѣч. уѣзда Смолен. губ., воспитывался въ Смолен. семинаріи и въ ней же съ 11 февраля 1786 г. былъ учителемъ риторики, исторіи, географіи и нѣмецк. языка.

[4]) Происходилъ изъ дворянъ Слободской Украинской губ. и воспитывался въ Харьковскомъ главномъ казенномъ училищѣ.

Въ программу преподаванія въ главномъ народномъ училищѣ входило изученіе такъ называемаго „сосѣдственнаго", т. е. иностраннаго, преимущественно *нѣмецкаго* языка, который, судя по отчетамъ директоровъ, посылавшимся въ главное училищное правленіе, преподавали всѣ учителя, каждый въ своемъ классѣ, и только при директорѣ Людоговскомъ преподаваніе этого предмета поручено было особому учителю. Таковымъ съ 24 октября 1799 г. былъ Филиппъ Антоновичъ Орловскій, съ жалованьемъ по штату въ 300 руб. въ годъ, прослужившій въ Смоленскомъ главномъ народномъ училищѣ вплоть до преобразованія его въ гимназію [1]).

Главныя народныя училища, учрежденныя императрицею Екатериною II, открыты были, согласно Уставу, въ составѣ 4 классовъ съ двухлѣтнимъ курсомъ IV класса, такъ что общая продолжительность всего курса равнялась пяти годамъ (§§ 1 и 42). Преподаваніе велось по такъ называемому „саганскому" методу, заимствованному изъ австрійскихъ школъ, сущность котораго заключалась: 1) въ совмѣстномъ занятіи всѣхъ учениковъ и поддержаніи ихъ вниманія; 2) въ облегченіи ученикамъ заучиванія необходимыхъ для нихъ предметовъ; 3) въ наглядномъ способѣ представленія имъ, помощью таблицъ, сущности и подраздѣленій того, чему ихъ учили, и 4) въ способѣ обдумыванія и яснаго ускоренія изучаемаго посредствомъ предлагаемыхъ вопросовъ. Всѣ детали преподаванія предусматривались „Руководствомъ учителямъ", изданнымъ въ 1789 г. по повелѣнію императрицы. Методическія указанія этой книги должны были исполнять преподаватели всѣхъ предметовъ. Вотъ нѣкоторыя изъ этихъ указаній: „Стараться болѣе учители

---

[1]) Уроженецъ Смоленской губ. и уѣзда, сынъ пономаря Романовскаго, воспитывался сначала въ Смоленской семинаріи, а затѣмъ въ С.-Петербургской Александро-Невской Академіи, послѣ чего былъ преподавателемъ поэзіи, нѣмецк. языка и математики въ Смолен. семинаріи.

должны объ образованіи, изощреніи разума учениковъ, нежели о пополненіи и упражненіи памяти; для изученія наизусть опредѣляются токмо: символъ вѣры, молитва Господня, десять заповѣдей Божіихъ, молитвы прежде и послѣ обѣда, молитвы на сонъ грядущихъ и отъ сна возставшихъ. Начинать при ученіи всегда слѣдуетъ съ легкаго и итти потомъ къ трудному; опрашивать учениковъ не всегда сряду, по перемѣнно, однако же лучшихъ всегда напередъ, потомъ посредственныхъ и наконецъ слабыхъ. Ученики должны отвѣчать не *да* или *нѣтъ*, но полною рѣчью; лучше, если они отвѣчаютъ исправно своими словами, нежели тѣми самыми, какія находятся въ книгѣ, ибо изъ того видѣть можно, что они дѣло понимаютъ".

Въ каждомъ классѣ уставъ полагаетъ 30 уроковъ, которые между отдѣльными предметами распредѣлены такъ:

ПРЕДМЕТЫ.	I кл.	II кл.	III кл.	IV кл.	Всего.
Законъ Божій	25	4	5	—	55
Русскій языкъ		6	3	3	
Ариѳметика		6	3	—	
Книга о должностяхъ человѣка и гражданина	—	5	—	—	5
Механика, геометрія, архитектура и физика	—	—	—	7	7
Гражданская исторія	—	—	4	6	10
Географія	—	—	5	3	8
Естествовѣдѣніе	—	—	—	5	5
Латинскій языкъ	2	3	4	3	12
Нѣмецкій языкъ	3	6	6	3	18
Всего	30	30	30	30	120

Предметы эти между учителями распредѣлялись слѣдующимъ образомъ:

1) Учитель математическихъ наукъ преподавалъ въ III и IV классахъ *математику* и *языки россійскій* и *латинскій*, всего—23 недѣльныхъ урока;

2) учитель историческихъ наукъ въ тѣхъ же классахъ—исторію гражданскую и естественную и географію, всего—23 урока;

3) учитель II класса—всѣ предметы этого отдѣленія и, кромѣ того, *Законъ Божій* въ III классѣ всего—29 уроковъ;

4) учитель I класса—также всѣ предметы своего класса, всего—27 уроковъ;

5) учитель иностраннаго языка преподавалъ во всѣхъ классахъ и имѣлъ всего 18 уроковъ.

Какъ можно видѣть изъ приведенной таблицы, число часовъ между отдѣльными предметами распредѣлено довольно равномѣрно, такъ что ни одному изъ нихъ не отдавало особаго предпочтенія. *Латинскій* языкъ по уставу считался необязательнымъ. Мало того, наставленіе учителямъ иностранныхъ языковъ, приложенное къ уставу не дѣлало между латинскимъ и другими иностранными языками никакого различія, ни по программѣ, ни по „способу преподаванія" и даже не назначало для него особаго преподавателя; обученіе ему поручалось въ I и II классахъ учителямъ этихъ классовъ, а въ III и IV—учителямъ математическихъ наукъ. Впрочемъ въ Смоленскомъ главномъ училищѣ латинскій языкъ, повидимому, преподавался только первое время съ 1789 г., директорскіе отчеты о немъ совершенно умалчиваютъ. Въ таблицѣ росписанія уроковъ не удѣлено часовъ на еще одинъ, по уставу необязательный, предметъ—*рисовальное искусство*, т. е. рисованіе, которое преподавалось для желающихъ два раза въ недѣлю по 2 часа послѣ полудня, „вмѣсто отдохновенія", одновременно во II, III и IV классахъ.

Ученіе начиналось и кончалось молитвами „предъ начатіемъ ученія и послѣ онаго“, почти такими же, какія читаются въ учебныхъ заведеніяхъ и теперь [1]. Ежедневно, кромѣ среды и субботы, полагалось по шести уроковъ, съ значительнымъ промежуткомъ послѣ первыхъ трехъ, такъ что уроки продолжались лѣтомъ отъ 7 до 10 час. утра и отъ 3 до 6 дня, а зимою отъ 8 до 11 утра и оъ 2 до 5 час. дня. По средамъ и субботамъ уроки были только утренніе, но для желающихъ изъ учениковъ II, III и IV классовъ въ эти дни преподавалось рисованіе.

Руководствами и учебными пособіями, употреблявшимися въ Екатерининскихъ народныхъ училищахъ, были книги и таблицы, изданныя въ С.-Петербургѣ „Комиссіей объ учрежденіи училищъ“ и дѣлившіяся на *ученическія* и *учительскія*.

Въ I классѣ должно было „обучать чтенію, письму, первоначальнымъ основаніямъ христіанскаго Закона и добронравію“, для чего учениками употреблялись: „Таблицы *азбучная* и *для складовъ*, „*Россійскій букварь*“, „*Правила для учащихся*“, „*Сокращенный катехизисъ*“, „*Священная исторія*“, „*Прописи*“ и „*Руководство къ чистописанію*“, а учителемъ—„*Руководство учителямъ I и II классовъ*“.

Во II кл. слѣдовало „*читать* пространный катехизисъ, книгу о должностяхъ человѣка и гражданина и первую часть ариѳметики“, продолжая и повторяя начатое въ I классѣ; учебники и пособія тѣ же и „*Пространный катехизисъ*“, „*Книга о должностяхъ человѣка и гражданина*“ и „*Ариѳметика*“.

Въ III классѣ полагалось „читать изъясненія евангелій воскресныхъ и праздничныхъ, повторять пространный кате-

[1]) Небольшое измѣненіе сдѣлано было впослѣдствіи только въ молитвѣ предъ ученіемъ: „Преблагій Господи, ниспосли намъ благодать святаго Духа“, по распоряженію министра народ. просв. князя А. Н. Голицына (5 апрѣля 1824 г.).

хизисъ съ доказательствами изъ свящ. писанія, учитъ вторую часть ариѳметики, первую часть всеобщей исторіи, введеніе во всеобщую европейскую географію, землеописаніе россійскаго государства и россійскую грамматику съ упражненіями въ правописаніи". Учебники и пособія: *„Изъясненія евангелій"*, *„Всемірная исторія"*, *„Географія всеобщая"*, *„Краткое землеописаніе Росс. государства"*, *„Общіе чертежи земного шара, Европы, Азіи, Африки, Америки и Росс. государства"*, *„Земной шаръ или глобусъ"*, и *„Краткая россійская грамматика"*.

Въ IV классѣ, продолжавшемся два года, ученики проходили: русскую географію и грамматику (повтореніе), всеобщую исторію (II ч., т. е. исторію Пруссіи и сѣверныхъ, и южныхъ европейск. государствъ и III ч., т. е. исторію Соедин. Штатовъ, остальныхъ европейскихъ государствъ, а также важнѣйшихъ азіатскихъ, африканскихъ и американскихъ"), исторію Россіи, всеобщую и математическую географію, основанія естественной исторіи, геометрію, физику, механику и архитектуру съ черченіемъ. Грамматика въ IV кл. повторялась, но съ упражненіемъ въ „общежительныхъ" сочиненіяхъ, „какъ-то: въ письмахъ, счетахъ, роспискахъ и тому подобномъ". Учебники и пособія тѣ же, что и въ III кл., и, сверхъ того *„Краткая россійская исторія"*, *„Краткое руководство къ математической географіи и къ познанію небеснаго шара"*, *„Начертаніе естественной исторіи"*, *„Краткое руководство къ геометріи"*, *„Руководство къ механикѣ"*, *„Краткое руководство къ физикѣ*, и *„Краткое руководство къ гражданской архитектурѣ"*.

Для изученія нѣмецкаго и латинскаго языковъ рекомендовалось въ видѣ руководства *„Зрѣлище на латинскомъ, россійскомъ и нѣмецкомъ языкахъ"*.

Учителя высшихъ классовъ (III и IV) преподавали и по собственнымъ запискамъ, т. е. диктовали ученикамъ въ дополненіе къ учебнику и тутъ же, въ классѣ, заставляли ихъ заучивать это. Класснаго объясненія или разсказовъ учителя тогда не дѣлали и на домъ уроковъ не задавали, а каждый урокъ прочитывался нѣсколько разъ по учебнику, пересказывался и запоминался. Этимъ все кончалось: ученикъ и учитель исполнили свою обязанность, и никакими силами нельзя было заставить учениковъ взяться за книжку дома. Книги были казенныя и всегда оставались въ школѣ; къ тому же онѣ были и дороги.

Поэтому особенно важной заботой директоровъ было пополненіе училищной библіотеки и пріобрѣтеніе необходимыхъ при преподаваніи пособій. Дѣло это было для нихъ крайне трудное, особенно если принять въ разсчетъ тогдашнюю, рѣдкость и дороговизну книгъ, физическихъ приборовъ, коллекцій по естествовѣдѣнію, глобусовъ, географич. картъ, атласовъ и пр., а главное тѣ ограниченныя средства, которыми располагалъ приказъ общ. призрѣнія на нужды училища. Судя по „описямъ книгохранилищу и кабинету для классовъ математическаго, физическаго и натуральнаго“, которыя ежегодно представлялись въ С.-Петербургъ директорами при годовыхъ отчетахъ о состояніи училищъ, и библіотека, и кабинетъ Смоленскаго главнаго народнаго училища находились въ весьма скудномъ положеніи. Вотъ, наприм., какая опись учебныхъ пособій и книгъ, расположенная въ хронологическомъ порядкѣ ихъ поступленія въ училище, отправлена была директоромъ Людоговскимъ въ срединѣ 1801 г.:

№	Названіе книгъ и учебныхъ пособій.	Число книгъ.	Число учебныхъ пособій.
	1786 г.		
1	Шаръ земный	—	1
2	Шаръ небесный	—	1
3	Карты 4 частей свѣта съ плоскошаріемъ, изданные въ С.-Петербург. академіи	—	1
	1787 г.		
4	Сборъ вещей царства ископаемаго, расположенный по начертанію Естественной Исторіи въ народныхъ училищахъ преподаваемой	—	1
5	Такой же сборъ травъ	—	1
	1796 г.		
6	Оправленный магнитъ	—	1
7	Новый атласъ всѣхъ частей свѣта, изданный въ Горномъ училищѣ	1	—
8	Физика Гиляровскаго	1	—
9	Каѳнерова маѳематика	1	—
10	Берманово Естественное землеописаніе	1	—
11	Карты 4 частей свѣта съ плоскошаріемъ, изданныя при комиссіи народ. училищъ	—	1
12	Труды Вольно-Экономическаго Общества	1	—
	1797 г.		
13	Инструменты маѳематическіе	—	5
	1798 г.		
14	Электрическая машина	—	1
	1799 г.		
15	Астролябія	—	1
	1800 г.		
16	Телескопъ	—	1
17	Армиллярная сѳера	—	1
18	1-я часть Россійской исторіи	1	—
	1801 г.		
19	Чертежные инструменты маѳематическіе	—	5

Итого спустя 15 лѣтъ по открытіи училища пріобрѣтено 6 книгъ и 21 пособіе! Совершенно понятно поэтому, что учителямъ рекомендовалось пользоваться ими *съ достодолжною осторожностью.*

Выше уже сказано, что въ день открытія Смоленскаго главнаго народнаго училища, т. е. 22 сентября 1786 г., учениковъ „на первой случай введено было въ оное 48 человѣкъ". Къ концу года число это возросло до 180, а къ 1 іюля 1787 г. простиралось до 212 человѣкъ, въ томъ числѣ 7 женскаго пола. Но столь быстрый ростъ учащихся продолжался недолго: уже во второмъ полугодіи 1787 г. послѣ произведенныхъ въ декабрѣ открытыхъ испытаній, въ училищѣ осталось всего 161 учен. Въ послѣдующіе годы существованія училища число учениковъ держалось приблизительно на одинаковомъ уровнѣ; но со второй половины 1793 г. оно стало замѣтно уменьшаться и къ концу 1795 года дошло до цифры 94, что объясняется въ отчетахъ директора опредѣленіемъ многихъ учащихся, особенно изъ оберъ-офицерскихъ и солдатскихъ дѣтей, въ военную службу. Такъ въ 1793 г., по именному Высочайшему указу императрицы Екатерины II, изъ Смоленскаго главнаго народнаго училища выбрано въ черноморскій флотъ до 50 учениковъ, въ томъ числѣ изъ высшихъ классовъ 11. Кромѣ того, добровольно выбыли въ разные полки 12 человѣкъ, въ томъ числѣ 5 окончившихъ полный курсъ съ аттестатами.

По имѣющимся даннымъ движеніе учениковъ въ губернскомъ главномъ и уѣздныхъ малыхъ народныхъ училищахъ за первыя 15 лѣтъ (1786—1801), можно представить въ слѣдующей таблицѣ.

Названіе училищъ.	Поступило.	1787		1788		1789		1790		1791		1792		1793		1794		1795		1796		1797		1798		1799		1800		1801	
		1 полуг.	2 полуг.	1 полуг.	2 полуг.	1 полуг.	2 полуг.	1 полуг.	2 полуг.	1 полуг.	2 полуг.	1 полуг.	2 полуг.	1 полуг.	2 полуг.	1 полуг.	2 полуг.	1 полуг.	2 полуг.	1 полуг.	2 полуг.	1 полуг.	2 полуг.	1 полуг.	2 полуг.	1 полуг.	2 полуг.	1 полуг.	2 полуг.	1 полуг.	2 полуг.
Смоленское главн. уч.	48	161	212	148	153	135	153	153	155	147		147	145	155	108	139	126	118	94	124		17	102	120	126	110	135	77	145	134	135
Порѣчское мал. учил.	51	45	66	19	20	21	28	28	30	56		53	51	63	61	57	54	57	52	46		40	37	26	36	28	25	23	22	22	43
Вяземское мал. учил.	60	82	38	75	80	64	95	95	98	81		69	80	76	61	58	60	62	63	61		58	62	56	58	47	45	47	44	48	42
Гжатское мал. учил.	23	32	28	30	30	30	30	30	31	35		60	63	58	53	25	28	33	31	26		25	27	29	33	28	30	52	58	60	62
Рославльское мал. учил.	50	—	—	40	41	52	48	48	46	31		32	32	43	44	49	46	47	47	37		32	40	44	40	30	32	31	59	54	67
Бѣльское мал. учил.	55	—	—	55	52	56	50	50	55	35		31	30	38	44	59	60	66	60	47		52	41	41	28	31	22	21	26	27	15
Дорогобуж. мал. учил.	44	—	—	—	—	—	—	—		—			—	—	—	—	—	—	—	44		38	38	38	39	28	36	30	26	25	41
Сычевское мал. учил.	52	—	—	—	—	—	—	—	—	—		—	—	—	—	—	—	—	—	—		—	—	—	—	52	53	68	70	71	76
Всего..	—	315	344	367	376	358	404	404	415	385		392	401	433	371	387	374	383	347	385		362	347	354	360	357	378	449	450	441	461
Въ томъ числѣ женскаго пола....	—	7	9	11	—	—	—	—	—	—		—	1	1	—	—	—	—	—	—		—	—	—	—	9	12	13	14	12	20

Изъ этой таблицы видно, что наиболѣе устойчивыми по количеству учащихся были: Вяземское и Рославльское народныя училища; въ Бѣльскомъ училищѣ число учащихся держалось приблизительно на одинаковомъ уровнѣ до 1798 г., но съ этого года оно начинаетъ уменьшаться и къ началу 1802 г. падаетъ до 15 человѣкъ. Вмѣстѣ съ мальчиками по уставу могли учиться и дѣвочки, но, какъ видно изъ приведенной таблицы, число ихъ первое время было весьма незначительно, а потомъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ онѣ и вовсе не поступали. Только съ 1799 г., т. е. со времени вступленія въ должность директора училищъ Л. Ѳ. Людовскаго, онѣ снова появляются въ училищахъ и во второмъ полугодіи 1801 г. доходятъ до 20 челов., съ этого же времени возрастаетъ и общее количество учащихся во всѣхъ школахъ.

Приводимъ еще таблицу движенія учащихся за тотъ же періодъ времени по сословіямъ:

Годы.	Полугодія.	Дворянъ.	Оберъ-офиц.	Приказн.	Солдатъ.	Духовн.	Вольноотпускн.	Купцовъ.	Мѣщанъ.	Дворов. людей и крестьянъ.	Всего.
1787.....	1-е	61	—	15	22	6	3	63	87	58	315
	2-е	94	—	35		8	5	53	115	34	344
1788.....	1-е	60	—	36		5	5	71	125	65	367
	2-е	54	—	59		3	9	82	100	69	376
1789.....	1-е	48	—	59		3	8	58	143	39	358
	2-е	58	—	54		—	—	82	147	42	404
1790.....	1-е	58	—	54		—	—	—	—	—	—
	2-е	64	—	54		—	—	81	153	42	415
1791.....	1-е 2-е	73	—	73		—	—	52	113	56	385
1792.....	1-е	55	—	61		11	—	53	162	50	392
	2-е	72	—	64		16	—	77	118	52	401
1793.....	1-е	95	—	[illegible]1		20	—	90	119	48	433
	2-е	93	—	35		13	—	70	117	43	471

Годы.	Полугодія.	Дворянъ.	Оберъ-офиц.	Приказн.	Солдатъ.	Духовн.	Вольноотпускн.	Купцовъ.	Мѣщанъ.	Дворов. людей и крестьянъ.	Всего.
1794.....	1-е	63	—	81		30	—	62	101	50	387
	2-е	57	—	72		13	—	48	145	39	374
1795.....	1-е	50	—	73		20	—	52	147	41	383
	2-е	55	—	21	32	—	—	73	131	35	347
1796.....	1-е 2-е	73	22	52		—	—	75	103	50	385
1797.....	1-е	71	22	42		—	—	65	122	39	362
	2-е	83	—	56		—	—	56	109	49	347
1798.....	1-е	97	—	72		—	—	144		39	354
	2-е	86	—	69		—	—	156		43	360
1799.....	1-е	61	—	22	27	—	—	76	120	48	357
	2-е	95	—	14	21	—	—	91	102	55	378
1800.....	1-е	89	—	36	30	—	—	110	127	57	449
	2-е	98	—	41	25	1	—	106	132	47	450
1801.....	1-е	96	—	35	34	1	—	104	128	43	441
	2-е	81	—	33	27	—	—	122	119	66	461

Таблица показываетъ, что главный контингентъ учащихся въ народныхъ школахъ Смол. губ. составляли дѣти купцовъ и мѣщанъ. Затѣмъ слѣдуютъ дѣти дворянъ, приказныхъ и солдатъ. Впрочемъ, первыя поступали главнымъ образомъ въ главное училище, въ малыхъ же ихъ было немного. Любопытно, что довольно устойчивое отношеніе къ школѣ обнаруживали дворовые и крестьяне, число которыхъ замѣтно и надежно увеличивалось годъ отъ году. Менѣе всего было дѣтей духовенства, которое предпочитало отдавать ихъ въ свои школы.

Большимъ препятствіемъ къ привлеченію учениковъ, напр., въ главное училище, особенно въ первые годы по его открытіи, служили такъ называемыя „домашнія училища", содержимыя въ Смоленскѣ частными учителями. Послѣднимъ

еще въ октябрѣ 1787 г., по распоряженію губернатора Аршеневскаго, было объявлено черезъ полицію, чтобы они содержали свои школы согласно предписаніямъ „Устава нар. учил." и предварительно явились для обученія „новозаведенному способу ученія" въ главное народное училище. Но такъ какъ никто изъ нихъ на это не согласился, то „домашнія" училища, насчитывавшія въ то время до 145 учениковъ обоего пола, рѣшено было съ 1788 года закрыть. Эта мѣра, однако, оказалась недѣйствительною. Домашніе учителя сначала тайно, а потомъ и явно продолжали свое дѣло, и, несмотря на то, что ученіе въ главномъ училищѣ, по уставу, было безплатнымъ, а приказъ общ. призр. всячески поощрялъ желавшихъ учиться, не только награждая книгами и похвальными листами преуспѣвающихъ, но и снабжая недостаточныхъ учебниками, далеко не всѣ смоленскіе обыватели съ охотою отдавали своихъ дѣтей туда, оставаясь (какъ доносилъ въ 1797 г. дир. Пенскій) „приверженными къ прежнему образу ученія, не взирая на излишнее время, употребляемое ими для обученія одному; впрочемъ, неправильному чтенію и письму". Кромѣ того, въ первые годы существованія училища многіе родители, особенно изъ низшихъ сословій, не считали нужнымъ продолжать обученіе своихъ дѣтей въ старшихъ классахъ, довольствуясь тѣми познаніями, которыя тѣ пріобрѣли въ младшихъ (т. е. „научились нѣсколько читать и писать"), и даже „не требуя виду о томъ, что ихъ дѣти находились въ училищѣ". До старшихъ классовъ доходили и оканчивали полный курсъ только тѣ, которые разсчитывали опредѣлиться потомъ въ военную или гражданскую службу. Это были по большей части дѣти обѣднѣвшихъ дворянъ и приказныхъ (чиновниковъ). Знатное же и богатое дворянство предпочитало отдавать дѣтей своихъ въ частные пансіоны, содержателями которыхъ въ Смоленскѣ того времени были преимущественно иностранцы. Тамъ къ его вкусамъ приноравливалась

прежде всего программа воспитанія дѣтей, центромъ которой было обученіе новымъ языкамъ, особенно французскому, и „пріятнымъ искусствамъ“; тамъ, выражаясь словами Грибоѣдова („Горе отъ ума“), дѣти учились „танцамъ, и пѣнью, и нѣжностямъ, и вздохамъ“, чтобы впослѣдствіи не уронить себя въ модной гостиной, понравиться свѣтскому обществу; тамъ они были въ своемъ кругу, изолированныя отъ вліянія разночинцевъ.

Въ разсматриваемое время частные пансіоны или офиціально, „домашнія училища“ содержали: подпоручикъ Иванъ Амболевскій, родомъ изъ Ирландіи, уроженецъ г. Дублина,—съ 15 февраля 1792 г., поручикъ Борисъ Пине, французъ, родомъ изъ г. Намура,—съ 14 декабря 1794 г., и „Нѣмецкой націи, уроженецъ г. Мангейма“ Ѳедоръ Шуфъ, съ женой своею Софіей—съ іюня 1801 г. О томъ какъ воспитывались дворянскія дѣти въ этихъ заведеніяхъ, очень интересныя свѣдѣнія сообщаетъ въ своихъ „Запискахъ“ извѣстный Л. Н. Энгельгардтъ. Онъ учился съ 1778 года въ пансіонѣ нѣкоего Эллерта, иностранца изъ военныхъ, какіе въ тѣ времена бывали нерѣдко на русской службѣ въ качествѣ офицеровъ—инструкторовъ.

Правду сказать—разсказываетъ онъ о порядкахъ въ этомъ пансіонѣ, хотя Эллертъ касательно наукъ былъ малосвѣдущъ, и вся учебная дѣятельность его состояла въ *сокращенномъ преподаваніи всѣхъ наукъ, т. е, катехизиса, грамматики, исторіи, географіи, миѳологіи безъ малѣйшаго толкованія, и въ принужденіи учениковъ затверживать наизусть французскія фразы*, но зато строгостью содержалъ пансіонъ въ порядкѣ, на совершенно военной дисциплинѣ, билъ безъ всякой пощады за малѣйшія вины ферулами изъ подошвенной кожи и деревянными лопатками по рукамъ, сѣкалъ розгами и плетью, ставилъ на колѣни на 3 и 4 часа; словомъ, совершенный былъ тиранъ...... Ариѳметикѣ и геометріи училъ насъ отставной артиллерійскій сержантъ Осипъ Ивановичъ Овсянниковъ, отличавшій меня предъ прочими; также успѣвалъ я въ танцованіи и фехтованіи, чему училъ самъ Эллертъ. Французскій языкъ тоже шелъ хорошо *по навыку*, ибо никто не смѣлъ ни одного слова сказать по-русски, для чего учреждены были между учениками начальники. Младшіе означались краснымъ бантомъ въ петлицѣ и надзирали надъ 4 учениками, а старшіе чиновники отличались голубымъ бантомъ и надзирали надъ 2 младшими чиновниками. Всѣ они должны были смотрѣть, чтобы никто не говорилъ

по-русски, не шалилъ и училъ бы наизусть уроки, заданные для другого дня. Младшіе имѣли право наказывать, если кто скажетъ слово по-русски, однимъ ударомъ по рукѣ ферулою, а старшіе чиновники—по два удара. Если Эллертъ узнавалъ, что сіи чиновники худо исполняли свою должность или во зло употребляли власть, имъ данную, то наказывалъ ихъ ужаснымъ образомъ и иногда лишалъ бантовъ. Чтобы заслужить такой знакъ отличія, надо было вести себя хорошо и прилежно учиться. Я почитаю, что поощреніе это много способствовало къ нравственности, но впрочемъ все основано было на побояхъ. *Изъ учениковъ отъ такого славнаго воспитанія много было изуродовано.* За такое воспитаніе платили 100 рублей въ годъ, однакожъ пансіонъ былъ всегда полонъ. Танцъ-ботдекъ былъ два раза въ недѣлю; много было дѣвицъ, которыя пріѣзжали учиться и за выучку платили по 30 руб., даже и взрослыя. Однакожъ и имъ не было спуску. Одна была дѣвица Лебедева, очень непонятная; такъ одинъ разъ онъ отбилъ ей руки о спинку стула при многолюдномъ собраніи. Но до совершеннаго обученія менуэта и конра-танцовъ никто не бралъ своихъ дѣтей обратно.... [1])

Учебный годъ въ народныхъ училищахъ продолжался съ 1-го августа по 1-е іюля и дѣлился на два „учебныхъ теченія", изъ коихъ каждое завершалось въ концѣ декабря и іюня сначала „частнымъ" (въ присутствіи директора училищъ), а затѣмъ „открытымъ" испытаніемъ, т. е. публичною провѣркою познаній учащихся. О времени открытыхъ испытаній общество извѣщалось заранѣе особыми публикаціями, которыя расклеивались по городу и разсылались на домъ „знатнымъ особамъ". Торжество происходило обыкновенно въ присутствіи гражданскаго губернатора, какъ попечителя училищъ, архіерея, вице-губернатора, оберъ-коменданта, прокурора и наиболѣе почетныхъ лицъ изъ духовенства, дворянства и купечества и открывалось краткимъ привѣтствіемъ отъ лица педагогическаго персонала. Затѣмъ происходило самое испытаніе, при чемъ спрашивали только учителя, къ вопросамъ которыхъ ученики уже привыкли. Имена учениковъ, отличившихся прилежаніемъ, успѣхами, благонравіемъ, провозглашались передъ всѣми присутствовавшими на испытаніи, и въ награду раздавались „приличныя" книги въ хорошемъ переплетѣ и печатные похвальные листы за собствен-

---

1) „Русскій Вѣстникъ" 1859 г., кн. I, стр. 125.

норучною подписью директора, а иногда и губернатора. Ученики, оказавшіе отличные успѣхи въ рисованіи, награждались эстампами. Въ заключеніе всего одинъ изъ учениковъ произносилъ краткое слово, въ которомъ, между прочимъ, благодарилъ представителей общества за посѣщеніе училища. Приблизительно то же самое происходило на открытыхъ испытаніяхъ и въ малыхъ нар. училищахъ. Только тамъ они происходили въ присутствіи городничаго. Наградными книгами служили, по большей части, учебныя руководства, принятыя въ училищѣ и пріобрѣтенныя за счетъ приказа общ. призрѣнія, а число учениковъ, удостоивавшихся наградъ, судя по отчетамъ директоровъ, доходило до 30 человѣкъ [1]).

Но такое количество наградъ за успѣхи относится къ послѣднимъ годамъ описываемаго времени, къ періоду директорства Л. Ѳ. Людоговскаго, который, какъ мы уже сказали, могъ болѣе чѣмъ всѣ его предшественники, поднять учебное дѣло въ Смоленской дирекціи. Объ успѣшности учащихся при немъ свидѣтельствуетъ, напримѣръ, такой фактъ. Въ январѣ 1800 года въ Смоленскъ прибыли для ревизіи губернскихъ учрежденій сенаторы—И. А. Алексѣевъ и И. И. Кушелевъ. Между прочимъ они осматривали и главное народное училище, ученики котораго, какъ сообщалъ объ этомъ въ Петербургъ Людоговскій, поднесли почетнымъ гостямъ „топографическую карту Смоленской губ. съ планами и гербами городовъ оныя“, изготовленную ими въ школѣ.

Въ парадныхъ случаяхъ учителя и ученики являлись обыкновенно въ лучшихъ своихъ кафтанахъ, но была ли

---

[1]) Въ городскомъ историко-археолог. музеѣ хранится одна изъ такихъ книгъ, найденная покойнымъ основателемъ его С. П. Писаревымъ. Книга эта подъ заглавіемъ: „Псалтирь, сокращенная Августиномъ. Санкпетербургъ, 1788 г.“, переплетена, и на переплетномъ картонѣ снаружи оттиснуто, а внутри написано: „Приказъ общественнаго призрѣнія за прилежаніе и добронравіе Михайлѣ Андрееву. Директоръ Петръ Пенскій“.

установлена для тѣхъ и другихъ форменная одежда, сказать что-либо опредѣленное, за отсутствіемъ какихъ-либо данныхъ, трудно. Есть, впрочемъ, указаніе, что въ Рославльскомъ маломъ училищѣ осиротѣвшія мѣщанскія дѣти обмундировывались за счетъ приказа общ. призрѣнія „кафтанами синяго сукна Россійской фабрики“ съ подкладкою изъ „холста посканнаго“ [1]).

Таково въ главныхъ чертахъ состояніе общественнаго образованія въ Смоленской губерніи въ концѣ XVIII в. и наканунѣ той грандіозной его реформы, которая состоялась въ первые годы царствованія императора Александра I, вслѣдъ за учрежденіемъ „министерства народнаго просвѣщенія, воспитанія юношества и распространенія наукъ“.

1) „Опытъ истор. зап. о г. Рославлѣ“ С. С. Ракочевскаго, стр. 169.

Б.

